

Н. Хамитов

ФИЛОСОФИЯ

И ПСИХОЛОГИЯ

ПОЛА

Книга 1 ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Книга 2 ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Тайна одиночества и совместимости мужчины и женщины

Киев

НИКА-ЦЕНТР

- Москва

ИНСТИТУТ ОБЩЕГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2001

ББК 88.5 X18

Исследование известного философа и психоаналитика Н. Хамитова «ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА» открывается двумя книгами - «ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ» (дополненное и переработанное издание) и «ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ».

Темы, затронутые в первой книге, заинтересуют самый широкий круг читателей: тайна абсолютного холостяка, одиночество вдвоем, сексуальное и эротическое одиночество, одиночество и проституция, одиночество сексуального маньяка, одиночество покинутых родителей...

Вторая книга посвящена разгадке тайны одиночества и совместимости мужчины и женщины. Автор предлагает оригинальное решение проблемы, выделяя людей тоски и людей скуки. Проникая в глубины их психологии, он прогнозирует отношения между ними.

Н.Хамитов планирует продолжить тему книгами «МУЖЧИНА В ЖЕНЩИНЕ, ЖЕНЩИНА В МУЖЧИНЕ» и «СЕКС, ЭРОС, СВЕРХЭРОС».

83 3 864-Д.ШЁ

ЦГПБ им. НАНекрасова

Отдел абонементного обслуживания

fVirmr

ISBN 5-88230-101-7 ISBN 966-521-053-X

© Н.В.Хамитов, 2001 © Оригинал-макет. Издательство «Ника-Центр», 2001

Книга 1

ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ и МУЖСКОЕ

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Мне очень приятно, что первое издание книги «Одиночество женское и мужское» было встречено читателями с таким интересом. Это означает, что проблема не надумана, она актуальна и требует разрешения.

За время, прошедшее после выхода в свет первого издания, мне было высказано множество пожеланий. На одно из них я решил ответить. Так в четвертой части появилась глава «Покинутые родители». Внимательный читатель найдет в книге еще несколько добавлений и корректив, которые были рождены самой жизнью, прежде всего в практике актуализирующего психоанализа.

Эта практика показывает, что *главная проблема наших дней состоит в замене подлинности интенсивностью*. Не удивительно, что огромное количество успешных людей неспособны переживать полноту жизни. И это делает их внутренне одинокими. Одиночество успешных людей тормозит их интеллектуальный и эвристический потенциал, и в конце концов они перестают быть успешными.

Со внутренним одиночеством бессмысленно бороться, его надо осознать и превратить в *удинение*, возвращающее подлинность.

Уединение — это вдох, а общение — выдох. Только такое *дыхание личности* дарует любовь как избавление от одиночества.

Но для того, чтобы по-настоящему любить кого-то, нужно прежде обрести мир в своей душе. Это

означает избавление от внутренних конфликтов, которые являются намного более опасными, чем конфликты внешние.

Согласно откликам, эта книга приближает избавление. Позволю себе лишь один совет: ее нужно не столько понимать, сколько переживать.

Точно так же делал и автор.

21 сентября 2000

4

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Посвящается Лане Свит,

которая глубже всех проникла

в мое одиночество

ОТ АВТОРА

Одиночество почти всегда воспринимается нами как трагедия. И мы бежим с его вершины вниз, не в силах вынести общение с собственным Я.

Но бегство от одиночества есть бегство от самого себя. Ибо только в одиночестве мы можем понять свое существование как нечто нужное близким и заслуживающее небезразличия и общения. Только пройдя врата одиночества, человек становится личностью, которая может заинтересовать мир. Лишь так женщина обретает достоинства женщины, а мужчина — достоинство мужчины. Ибо одиночество — это ось, пронизывающая нашу жизнь. Вокруг нее вращается детство, молодость, зрелость и старость. По сути дела, человеческая жизнь есть бесконечное разрушение одиночества и углубление в него...

Одиночество есть прозрение. В его безжалостном свете замирает обыденность и проступает все самое главное в жизни. Одиночество останавливает время и обнажает нас.

Бегство от одиночества есть *бегство в одиночество* — то самое одиночество в толпе, на работе, наедине с женой и детьми. Бегство от одиночества — это приближение к космическому одиночеству старости.

Как избежать этого одиночества? Ответить на этот вопрос можно только через появление нового более глубокого вопроса: «*В чем смысл одиночества?*» Ответом же на него может быть только философия одиночества.

Трагичность и интимно личностный характер проблемы приводят к тому, что создание такой философии на языке теории почти невозможно — писать ее надо *языком бытия*.

5

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Это определило образно-символический, местами даже мифологический способ изложения.

Постижение одиночества всегда распахивает перед нами бездну. В одиночестве мы встречаемся с Богом или дьяволом, обретаем себя или падаем ниц. Поэтому тема одиночества, как и тема смерти, запретная для нашего сознания.

Я хочу нарушить запрет и приподнять завесу. И начать с самого очевидного — одиночества женского и мужского.

29 сентября 1994

6

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Часть I **ТЕНЬ УТРА**

Тень странной юности моей, Салют застывший розовых цветов...

Валерий Юльский

И все я был один, и все мне казалось, что таинственно величавая природа, притягивающий к себе светлый круг месяца, остановившийся зачем-то на одном высоком неопределенном месте бледно-голубого неба и вместе стоящий везде и как будто наполняющий собой все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, уже оскверненный всеми мелкими, бедными людскими страстями, но со всей необъятной могучей силой воображения и любви, — мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же.

Лев Толстой, «Юность»

7

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Глава 1 ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ: ЮНОСТЬ

1

Юность — время осознания и овладения одиночеством. Через переживание одиночества в юности

проходят практически все. Одиночество есть врата из подросткового бесполого бытия в жизнь юноши и девушки. Благодаря одиночеству в юности происходит осознание пола и вращение в него. Перед девушкой и юношей проступает их неповторимость как женщины и мужчины, и они пытаются войти в нее. Это попытка найти стиль женщины и мужчины.

2 Одиночество в юности есть *стремление к уединению*, столь непостижимое для предшествующего подросткового возраста. Уединение позволяет подготовиться к будущим чувствам влюбленности и любви, которые могут восприниматься только наедине с собой.

3

Не переживший одиночества в юности, так и не становится взрослым. Или еще глубже: *он так и не становится молодым*. Он остается вечным подростком и пронесет себя как стареющего подростка по всем ступеням жизни. Он переполнен подростковой жадной коллективностью, и эта жажда становится самым сильным чувством его жизни, не давая проявиться любви и творчеству.

Ибо любовь и творчество — всегда вызов коллективу и роду.

Одиночество есть тайна юности. Из него вырастает трагическое чувство самопознания. Одиночество раздвигает материю социальных инстинктов, окружающих нас с рождения. Все повторяющееся и обыденное — то, что может развиваться в *скуку жизни*, — отступает перед одиночеством-углублением. Углубление в себя всегда есть возвышение. Одиночество возвышает личность над коллективом и родом, приводит к общению с ними, к *бытию*, а не *пробыванию* в них.

Ужас одиночества в юности выбрасывает человека за пределы человеческого мира.

8

Книга!. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Глава 2 ОДИНОЧЕСТВО ЮНОШИ

1

Ниже будет показано, что женщина всегда тяжелее мужчины переносит одиночество. Одиночество для нее — та оскалившаяся реальность, которой она стремится избежать. Именно поэтому тема одиночества для женщины всегда нечто более очевидное, чем для мужчины. В заглавии этой книги одиночество женщины не случайно вышло на первый план. Однако в юности — *в эпоху естественного одиночества*, — как ни странно, именно одиночество юноши представляется чем-то более очевидным. Объяснением этому может служить тот факт, что девушка созревает значительно раньше и в большей мере несет в юности черты самодостаточной личности. Этот самодостаточный характер подарен ей всей эволюцией вида «гомо сапиенс»; юный же мужчина достигает самодостаточности благодаря индивидуальному волевому порыву. Такой порыв в значительно большей степени предполагает одиночество, более того, требует его.

Юная воля юного мужчины требует мечтаний в корне отличных от тех, которым предаются девушки. Это мечтания о своей исключительности, которая должна быть реализована вне семейного благополучия или во всяком случае — не благодаря ему. Это мечтания о неповторимом воздействии на жизнь человеческого мира, и такие мечтания всегда требуют одиночества. Эти мечтания в юности и есть форма реального самопознания и возвышения над коллективом.

Именно мечтания делают подростка юношей. Речь идет не просто об интенсивности мечтаний, — подросток мечтает достаточно много и страстно, — а об их оригинальности. Мечтания подростка слишком стадны, по сути дела, это *желания* (как правило, сексуальные и танатические), одетые в фантастические формы в силу невозможности их удовлетворения. Они не требуют воли для своего воплощения — подросток не обладает такой волей. Он, например, может желать сексуального обладания красивой учительницей и смерти своего врага из параллельного класса, реализуя эти желания в изощренных фантазмах. Именно в это время закладываются

9

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛЛ

устойчивые архетипы сексуальных и танатических фантазий, сопровождающих человека в течение всей его жизни. Они наполнены таким подростковым голодом, что последующее насыщение взрослого не способно снять их. Ясно, что подобные фантазии либо не требуют одиночества вообще, либо ограничивают подростка кратковременным и сугубо геометрическим одиночеством...

В отличие от подростка мечтания юноши направлены на раскрытие себя и своей воли *за пределами фантазии*. Поэтому они прорастают на почве более фундаментального одиночества. Это одиночество — бездонная пропасть между психикой подростка и юноши.

Психическое же различие между девочкой-подростком и девушкой, несмотря на разительную

перемену во внешности, — несущественно. Мечты о себе как прекрасной принцессе и о прекрасном принце, выражающиеся в трогательных рисунках на последних страницах тетрадей, плавно переходят в мечту о реальной свадьбе с реальным лицом мужского пола. Качество романтических иллюзий достаточно просто воплощается в количество воображаемых комнат, платьев и, наконец, денег. Каждая девочка есть маленькая женщина и, перейдя от подростка к девушке, лишь утверждает в этом качестве.

Двигаясь к юноше, мальчик-подросток всегда должен пройти сквозь огонь одиночества. Этот огонь опалает его первобытные мечты, оставляя в них только его самого и превращая в дым родовое и коллективное. «Я одинок, и значит я существую», — говорит юноша своим бытием.

2 Одиночество избавляет юношу от чувства вины перед родителями, которым обладает любой ребенок. Но это не простое чувство вины за преждевременные сексуальные фантазии, сжавшиеся перед догадками взрослых (как считают психоаналитики). Чувство вины гораздо глубже и связано с самим фактом рождения, который *рас-траивает* любовную *пару* родителей. Одиночество юноши как самопознание и самотворение помогает ему выйти из пространства вины за пределы родительской семьи, стать из привязавшегося существа самодостаточной личностью.

10

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

3

Юноша есть подросток, осознавший себя как волю к власти либо волю к созерцанию. И то, и другое есть *воля к уединению*. И воля к власти, и воля к созерцанию (в терминологии Шопенгауэра — к *представлению*) начинаются лишь в пространстве одинокого. Юноша овладевает стихией одиночества, преобразует ее в уединение, и тем самым созидает внутри себя космос и зажигает в этом космосе свет.

4

Все это позволяет нам провести различие между одиноким и уединившимся юношей. Первый случайно попадает в стихию одиночества и, страдая, стремится вернуться обратно. Уединившийся сознательно приходит в нее, стремясь найти новую полноту жизни, еще неведомую роду.

Обыденное мышление склонно видеть в уединении только форму полового извращения, и это проистекает из глубинной жажды *назвать извращением саму волю к уединению*.

5

Юноша уединяется с книгой, а затем с мыслью и переживанием, возвышающим его фантазии над мечтаниями подростка. Безудержное желание *обладать* и *иметь* (женщин, мускулы, деньги) переходит в стремление *быть* и *становиться собой*. Однако подобное возвышение возможно только через книгу, которая во многом сама является результатом одиночества автора. Книга — в отличие от фильма и спектакля — дает возможность максимально уединенного сотворчества и сопереживания — ту концентрацию духовной свободы, которая строит личность. В отличие от музыки, *растворяющей нас в бытии* — Божественном, природном или родовом, — книга наполняет нас стремлением к самопознанию и *отстранению от бытия*, помогая найти в бытии границы и безграничность экзистенции.

Однако книга призвана сыграть свою роль и отойти в сторону. Мышление и переживание прочитанного должно быть заменено мышлением и переживанием жизни. Именно это позволит перейти к творчеству как полноте, выходящей за рамки чтения и написания книги, — *творению себя как Поступка*. Иначе рождается книжный инфантилизм иных писа-

11

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

телей, академиков и религиозных фанатиков, демонстрирующих миру превращенную форму юношеского одиночества...

Глава 3 ОДИНОЧЕСТВО ДЕВУШКИ

1

Девушка не нуждается в одиночестве так, как юноша. Ее взросление обусловлено всей логикой распространения человеческого рода по планете. Девочка, а затем девушка готовится стать матерью, и это накладывает печать на ее личность. Идея будущего рождения и материнства внушается девушке с раннего возраста, и потому одиночество рассматривается как предвестник трагедии, а уединение — *как грех*.

Безусловно, не меньшим грехом современное цивилизованное общество, воспитанное на рыночных идеалах, считает шумное времяпровождение в разнополой компании, но оно более понятно и легче поддается запрету. Стремление к уединению *гораздо сложнее представить*

грехом, и потому оно воспринимается чем-то болезненным, имеющим сугубо физическую природу.

2

К одиночеству может стремиться только необычная, *странная* девушка. Речь идет не об одиночестве девушки-изгоя, не сумевшей вписаться в общность сверстников и страдающей от этого, а об одиночестве добровольно и свободно принятом, одиночестве-отстраненности.

Входя в пространство и время этого одиночества, девушка всегда преодолевает инстинктивное — и от этого еще более бешенное — противодействие рода. Подобное одиночество проще воспринимается религиозными (а, точнее, монотеистическими) культурами. Атеистические режимы современности, выступающие по сути *неоязычеством*, однозначно отбрасывают возможность одиночества девушки.

Могущественное искусство тоталитарных неоязыческих общностей XX века — фашизма и коммунизма — изображает женщину не столько подружкой покорителя нового мира, сколько *материалом его детей*. Для того, чтобы врубаться в

12

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

будущее, нужны мышцы — все новые поколения здоровых молодых людей. Таких людей могут родить только здоровые женщины, имеющие здоровую юность. Подобное отношение к женщине приводит к тому, что девушка, уединившаяся с книгой или мыслью, воспринимается либо как синий чулок, либо тайной распутницей.

3

В той мере, в которой люди остаются язычниками, они отрицают возможность уединения девушки в юности. Язычество как освящение семьи-рода и окружающей его природной и социальной среды, населенной духами рода, всегда *трактуют девушку как родовую собственность*. Девушка должна расширить власть рода в мире через *рожание*. Благодаря этому языческий род-этнос утверждается в бытии. Отсюда уединившаяся девушка рассматривается как *выброшенная* из бытия.

Так было в эпоху древнего каменного века, так было в эпоху бронзы и железа, так есть и в XX веке...

4

Уединение и отстраненность девушки — так же, как и юноши, — проявляется через мечты. И если мечты одинокого юноши могут находить воплощение в роде, то мечты странной девушки всегда выходят за его границы.

Уже сам факт отстраненности девушки означает абсолютное противостояние роду; именно таким образом она освобождается от власти рода и *рождения смертных*, подходя к рождению бессмертного.

Девушка, прошедшая испытание одиночеством, способна к абсолютно неповторимому взгляду на мир. Такова, например, Елена Блаватская, развернувшая свою девичью странность *до странной картины Вселенной* и развившая одинокую софийность юности до теософии, утвердившейся в мире мужчин.

5

Однако и обычная девушка, страдающая от одиночества, и девушка странная, погружающаяся в него, в равной степени ожидают любви как абсолютного преодоления одиночества. Это ожидание роднит их с юношами, в нем соединяются все

13

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

различия одиночества — странных и обычных, юношей и девушек.

И ожидание это *необоримо* реализуется в чувстве влюбленности.

Глава 4 ВЛЮБЛЕННОСТЬ: БЕГСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

1

Через чувство юношеской влюбленности проходят все. Оно разом взрывает границы одиночества и устремляет юношу и девушку к обладанию кем-то и чем-то за его пределами.

Влюбленность подобна вспышке в сумерках, но она может возникнуть только в результате напряженного ожидания ее. Она есть росток, который вырвался из набухшего семени в подготовленной почве.

2

Разделенность чувства во влюбленности не главное, важно само чувство. Осуществившаяся

влюбленность, по сути дела, есть просто *сгушение ее ожидания*. Экзистенциальный узелок, завязавшийся где-то в глубинах Я. Мы всегда влюблены в свою иллюзию, в *фантазию*. Реальный человек, ограниченный телом, возрастом и недостатками, становится *лишь поводом* для нашего иллюзиотворчества.

Чувство влюбленности многих приводит к бессознательному творческому порыву. Это, как правило, стихотворение, рисунок, песня — то, что выразимо на одном дыхании.

Все мы не раз сталкивались с тем, что творчество влюбленного имеет экзистенциальную значимость лишь для него. Выходя за эти рамки, оно теряет ценность. Дело, вероятно, не просто в отсутствии таланта. Почему? Чем сильнее юноша или девушка отдается творчеству во имя *одного лица*, желая подарить ему себя и требуя того же взамен, тем сильнее творчество *замыкается на одном лице*. В творчестве влюбленного соединяются два несовместимых начала: здесь встречаются творчество-жажда обладать и быть обладаемым с творчеством-свободой во имя любви.

14

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Первое подобно брачному оперению самцов птиц, и в конце концов есть всего лишь средство для завлечения самки, которое в лучшем случае сдается в семейный архив, а в худшем — выбрасывается. Это творчество является приманкой, за которой скрыт крючок здравого смысла и сексуальной жадности.

Второе наполнено самоценностью и максимально отрывается от конкретного физического лица, создавая не иллюзию, а миф как самодостаточный образ духовной реальности. Такое мифотворчество есть уже факт не влюбленности, а любви, но в неявном, скрытом виде оно проглядывает в любой влюбленности. Неудивительно, что именно трагически сложная влюбленность, порождая одиночество как *отстраненность от тела* или *даже общения*, приводит к более глубоким произведениям. Часто они становятся отправной точкой творческого пути таланта и гения.

Взрослея, мы начинаем различать два этих момента творчества влюбленного. Но в юношеском возрасте они слиты. Материальная доминанта первого умолкает в романтической убежденности юности и, лишь теряя ее, мы можем обнажить голос природы, заставляющей нас бежать от одиночества в продление рода...

3

Творчество влюбленного юноши поощряется социумом как необходимый этап взросления, этап романтизма, который растворяется со вступлением во взрослую эротическую жизнь. Поэтому род признает его неизбежным, *снисходя до него*: так важным признается бутон по отношению к цветку. Однако точно так же, как бутон не считается самоценным, так и романтические переживания юности вызывают у большинства взрослых снисходительную улыбку. Она становится грустной лишь на закате жизни...

Все же юноша поддержан и обнадежен родом в попытках творчески оформить свою влюбленность. В отличие от этого, творчество влюбленной девушки воспринимается настороженно, и женская эмансипация последних полутора веков мало что изменила в этом. Такое творчество возможно лишь как результат отстраненности, и поэтому род не может простить его девушке.

15

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4

Влюбленность есть бегство от одиночества. Юноша или девушка желают обмануться и найти свою половину. Но влюбленность-иллюзия так же легко покидает их, как и приходит. Творчество, вызванное ею к жизни, начинает тяготить вчерашнего творца, он стыдится его, ибо ожидает новую влюбленность. Юноша и девушка носят в себе некий абстрактный идеал, — в XIX веке им был образ литературного *героя (героини)*, в XX веке, как правило, образ *киноактера (актрисы)*, — который прикладывают к многообразному миру сверстников. Однако границы этого идеала достаточно зыбки и деформируются с каждой новой влюбленностью, выступая лишь *символом типа* мужчины или женщины.

5

Здесь можно вспомнить близкий (и одновременно противоположный) феномен *подражания* литературному герою и киноактеру (а также — достаточно редко на сегодняшний день — герою историческому). Такое подражание всегда означает ту или иную степень *влюбленности в лицо*

своего пола, эта влюбленность во многом формирует влюбленность разнополоую, вплоть до того, что задает ей сценарий развития и время жизни.

Однако идеализация общеизвестного лица *иного пола* значительно сильнее формирует чувство влюбленности: она определяет *переживание* влюбленности, не игру и кажимость, а бытие и жизнь.

6

В XIX веке эротически идеализируется именно *герой (героиня)* как некий духовный принцип, пребывающий за пределами обыденности. Мир кино подталкивает нас идеализировать *актера (актрису)* — не личность-бытие, а личность-игру, пребывающую в потоке *обыденного*.

7

Проходя, влюбленность обостряет одиночество юноши и девушки. Двигаясь от одной влюбленности к другой, юноша и девушка углубляют свое одиночество. Смена влюбленностей и одиночеств в юности развивает абстрактный и общеприня-

16

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

тый идеал (Мерлин Монро, Жана Поля Бельмондо) в нечто более живое и индивидуальное. Часто такое оживление оборачивается снижением идеала, «большой реалистичностью». Однако оно может стать и возвышением идеала. Впоследствии это приводит юношу и девушку либо к стремлению *остановиться* на случайном избраннике, либо ожидать избранника действительного. Последнее развивает *волю к одиночеству*.

Глава 5 ПОИСК ЛЮБВИ: ВОЛЯ К ОДИНОЧЕСТВУ

Любовь — не кукла жалкая в руках У времени, стирающего розы На пламенных устах и на щеках. И не страшны ей времени угрозы...

Уильям Шекспир

1

Любовь отличается от влюбленности уникальностью. Влюбленность — подражательное чувство, разыгранное по древней формуле: «Не хуже других». Каждый, кто влюблялся, знает это, каждый, кто любил, чувствует, насколько чужда подражательности любовь. Любовь не похожа ни на что другое. Мы любим лишь неповторимую личность, не испытывая желания сравнить ее с каким бы то ни было идеалом, эта личность сама является Идеалом.

2

В какой-то момент *мы устаем от влюбленностей*, мы желаем любви. Чувство одиночества, приходящее *после завершения влюбленности*, все больше тяготит нас. *Это означает переход от юности к молодости*.

Мы стремимся найти в любви все то, чего мы были лишены в предшествующей ей жизни. И прежде всего нам хочется Абсолютного Преодоления одиночества. Любовь представляется нам единственным чувством, способным победить его. Мы уже видим миллионы брызг, на которые разбивается одиночество, раду, рожденную солнечным светом в этих брызгах, и мы бросаемся в воды любви, ни о чем не задумыв-

17

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

ваясь и никому не подражая — в этом возвышающем падении мы становимся самими собой. Любовь дарит нам удивительное чувство обретения себя. Мы не хотим казаться, мы хотим *быть*. Любовь освобождает нас от множества комплексов, в руинах обыденности проступает истинное Я, и *пораженные* мы не узнаем себя. Любовь *возвращает нас к себе*; то же чувство могли бы испытать Адам и Ева, возвращенные в Рай.

Творчество, порожденное любовью, всегда выходит за пределы субъективной значимости. Оно слишком экзистенциально напряжено и свободно, чтобы остаться в пространстве экзистенции любящей пары. Творчество *влюбленного* принадлежит лишь ему, творчество *любящего* принадлежит любимой и всему миру. Любовь соединяет нас со всем миром и делает значимыми для всего мира.

3

Любовь обычно отделяют от влюбленности ее продолжительностью — до конца жизни. Но это не совсем так. В чувстве любви нам открывается Вечность. Не просто жизнь до старости и желание состариться с любимым или любимой распахивается перед нами, а жажда вечной молодости и жизни после смерти.

Уже одно чувство любви показывает нам, что бессмертие души есть не красивый символ, придуманный боящимися смерти, **а реальность, пережитая любящими.**

4

Любовь возвращает нам отчужденных в детстве и отрочестве мать с отцом, возвращает в новом омоложенном виде: в поре той молодости, в которой мы никогда не видели мать и отца. Мы сотворяем их новые образы, и Вечность говорит в них. Наши родители становятся иногда ближе, иногда просто понятней. И почти всегда мы постигаем тайну нашего рождения — насколько она причастна к тайне любви.

5

Итак, любовь отделяет юность от молодости. Но переход к любви и молодости, как мы увидели выше, может быть совершенно разным. Можно спокойно ждать, продолжая путешествовать от влюбленности к влюбленности, или узаконить жизнь с кем-то одним. Но можно и двигаться навстречу любви, развивая *волю к одиночеству*.

18

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Воля к одиночеству в поиске любви означает прежде всего отстраненность от *остановки с недостойным и чужим*. И уже во вторую очередь — одиночество как отрицание череды увлечений-влюбленностей.

Волю к одиночеству нужно понимать как активное движение на пути нахождения Единственного и Единственной. Воля к одиночеству означает недопущение необратимых связей с нелюбимым и нелюбимой, пусть даже эта необратимость кажется относительной.

6

В идеальном случае воля к одиночеству означает одиночество в эротических отношениях до тех пор, пока человек не найдет любовь. Эротические отношения переносятся в сферу фантазии и творения; в жизни же остается просто общение. Но чаще такая воля выражается в более простой и не менее трагической форме — в стремлении не задерживаться долго с нелюбимым. То, что в ранней юности дается нам естественно и легко, в молодости требует сильного волевого порыва. Свадьба в данной ситуации выступает актом продажи души дьяволу — она отвращает человека от поиска Любви. Поэтому Дон Жуан и Казанова являются более нравственными в своем поиске любви, чем аккуратный служащий, женившийся на дочери начальника. Поиск любви и неверность нелюбимым очищают все прегрешения Дон Жуана и Казановы... Однако эротическое одиночество все же не желает отпускать их, и дальше мы постараемся увидеть почему...

Сейчас же важно понять, что любовь есть награда за волю к одиночеству. Больше того, воля к одиночеству — необходимое условие обретения любви. Реализуя эту волю в многообразном мире людей, мы создаем себя, способного любить. Одиночество в юности готовит к влюбленностям, одиночество в молодости вводит нас в мир любви — ***через, творческий поиск неповторимого Идеала внутри себя.***

1

Воля к одиночеству всегда означает творчество. Создавая идеал мужчины или женщины, мы творим себя. Мы поднимаем свое Я над прошлым юношеским одиночеством, которое так легко разрушается каждой новой влюбленностью. Мы готовим свое Я к встрече с единственным мужчиной или

19

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

женщиной, изменяя себя, и без этого изменения любовь невозможна.

Если воля к одиночеству не становится волей к творчеству, она замораживается и застывает, порождая старого холостяка и старую деву. Нет людей, не нашедших свою любовь. Есть люди, не сумевшие быть одинокими во имя любви и неспособные сделать одиночество творчеством.

Это творчество принципиально отличается от творчества влюбленного. Оно возникает до возникновения любви и охватывает личность целиком.

Любимые приходят к нам только тогда, когда мы способны увидеть их. А они — нас. Есть глубинная необходимость во встрече любимых, и необходимость эта — высший результат свободы воли, которая становится *свободой вдохновения*.

Но на творчестве, *предшествующем* любви, лежит печать времени. Лишь любовь как ощущение Вечности и жизнь в ней позволяет творцу создавать вечные произведения. Петрарка, вдохновленный любовью к Лауре, а Данте — к Беатриче, создают узоры Вечности на морозных окнах своей жизни. И узоры эти остаются, когда нет уже ни окон, ни мороза, ни породившей их

эпохи с безднами желаний, воля и одиночество.

Все сказанное приводит нас к простой истине: *только превращение одиночества в творчество делает его любовью.*

Однако любое ли творчество вызывает любовь?.. Путь творческого зарождения и сбережения любви весьма непросто и трагичен. И здесь очень интересен пример Сальвадора Дали и его Галы.

Глава 6

ЛЮБОВЬ И АБСУРД:

ОДИНОЧЕСТВО САЛЬВАДОРА ДАЛИ

1

Безумный Дали был слишком влюблен в Галу, чтобы любить ее. Поэтому в его творчестве бесконечное доминирует над вечным, а высокое — над возвышенным. В его работах

20

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

очень много пространства, но почти совсем нет времени, ибо время, освоенное в живописи, становится Вечностью. Не имея любви, заменяя ее играющей влюбленностью, Дали жил и творил, играя *перед собой*. Его бытие ограничено кажимостью и наполнено эротическими изменениями его Гале. В отличие от Казановы, находящему идеал женщины в бесконечной измене идеалу женщины через *познание* всего женского рода, Дали изменяет своему идеалу через *создание* все новых и новых произведений. Гала, эта суровая и внимательная Муза Сальвадора Дали, сама создает такой тип изменщика, который изменяет ей с Ее Величеством Перспективой. Для зрелого и завершившегося Дали предельно важно дополнить неправдоподобность своих персонажей правдивостью академически выписанных перспектив, наделить их тенями, морщинами, бликами — объемом, *тяжестью и местом* в объеме и тяжести.

Гала и Дали влюблены друг в друга. Влюбленные склонны изменять друг другу. Для Дали жизненно важно оставить Галу рядом с собой. Для этого нужна ревность Галы, которая по настоящему может ревновать только к покоренной публике. И Дали покоряет публику правдоподобностью неправдоподобного. Но в отличие от любого мифотворца, который достигает того же, Дали покоряет публику правдоподобностью не космоса, а хаоса. Больше того, он покоряет публику *правдоподобностью абсурда*. Абсурд, изображенный в технике старых мастеров, не может не покорять. Неприятное для нас блюдо, поданное на обычной посуде, заставит с отвращением забыть о нем. Предложенное на золотом блюде, оно не станет приятней, но будет оставлено в нашем восприятии и памяти.

Золотое блюдо — это удивительное мастерство Дали. Он создал его под руководством Галы, поднявшись над многообразным стадом ортодоксальных сюрреалистов.

Дали творит свой Абсурд-на-Золотом-Блюде не для себя, он творит его для Галы, ибо их обоюдная влюбленность, влюбленность вечных юноши и девушки, требует этого как главной жертвы.

2 Золото Блюда Мастерства для Дали становится *жаждой золота*. Золото превращается в универсальный смысл бытия и спасение от абсурда. «Позолотить все вокруг — вот единст-

21

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

венный способ одухотворить материю»¹, — пишет Дали. Золото проникает в мысли и сны Галы. Дали — оно есть мистическая сила, дающая ту свободу, которая продлевает и украшает их влюбленность. Золото перестает быть для них средством материальной независимости, оно есть могущество, порождающее их духовную свободу — золото наполняет реальностью абсурд фантазий и, позолотив, скрывает его. Золото почти заменяет солнце. Сама Гала для Дали покрывается позолотой. Он вспоминает, как однажды вернувшись ночью домой, разбудил свою Музу: «Гала, проснувшись при моем появлении, крикнула из своей комнаты:

— Послушай-ка, малыш Дали! Мне только что приснилось, будто через полуоткрытую дверь я видела тебя в окружении каких-то людей. И знаешь, вы взвешивали золото!..

Перекрестившись в темноте, я торжественно пробормотал:

— Да будет так!

А потом я расцеловал мое божество, мое сокровище, мой золотой талисман!»²

3

Действительное творчество есть лишь одно — поиск и обновление любви. В данной ситуации пример Дали весьма показателен. Оставшись в пределах юношеской влюбленности, он желает лишь игры-поддержания пламени этой влюбленности, которая делает ее бесконечной.

Для Дали Гала — единственная и неповторимая Муза. Она есть его воля и мужественность, направляющая женскую стихию Дали, — *ибо зависимость от бессознательного всегда есть женская стихия*. Воля Галы приводит к удивительной законченности работ Дали. Только дополненная этой *волей к успеху*, фантазия Дали создает его неповторимое творчество. Хаос становится космосом.

Дали убежден в уникальности Галы. Но по сути дела, Гала Дали С. Дневник одного гения. — М., 1991. — С. 72. Там же.

22

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

есть универсальная Муза сюрреалистов, выбравшая себе и влюбившаяся в наиболее перспективного из них. Того, кто сюрреальное сделает наиболее реальным.

5

Дали вынужден вечно жить, постоянно доказывая Гале, что он Дали. Более того, он вынужден доказывать Гале возрастающее мастерство Сальвадора Дали и *увеличение пространства* Сальвадора Дали в мире. И еще более — Дали постоянно должен демонстрировать Гале мир, *обезумевший от Дали*. Таковы законы влюбленности. Гала — высший судья успеха и палач поражения Дали в мире людей. Гала — высший палач успеха и судья поражения в мире Дали. Во власти Галы выбрать один из этих миров. И она почти выбирает первый.

Остается *«почти»* — тайная заковыка и намек на нечто большее, чем юношеская влюбленность. Благодаря этому *«почти»* Дали создает истинные шедевры. Во главе их — «Сон Христофора Колумба» и «Тайная вечеря».

«Сон Христофора Колумба» — одна из немногих работ Дали, где кроме пространства и перспективы есть время и истинный, живой свет. Колумб — великий покоритель Пространства, сделавший это покорение главным делом жизни. Дали — тоже великий покоритель Пространства. Колумб одинок, ибо только он один видит конечную цель покорения. Дали тоже одинок, он одинок в своем желании выйти за пределы пространства во время и Вечность.

Влюбленность всегда знает только пространство и чахнет перед лицом времени и Вечности. Выход Дали за пределы пространства есть выход за пределы абсурда, который охватывает нас при завершении влюбленности. Влюбленность в Галу и сотворчество с ней дают Дали маленькую брешь в пространстве. Брешь в пространстве творчества Дали — *это мера его любви к Гале*. И сквозь эту брешь струится Вечность.

В образе Колумба Дали изображает великую бессмысленность покорения Пространства и высший смысл этого покорения — выход во Время и Вечность. Дали отождествляет себя с Колумбом. Он приходит Колумбу во сне *как двойник*. Одинок Дали распаивает над одиноким Колумбом вечное небо и в нем — намек на преодоление одиночества Дали и

23

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Колумба. Дали возносит спящего Колумба на небо и вместе с ними возносится Гала...

В «Тайной вечере» Дали пытается проникнуть в тайну одиночества Христа. Вновь и вновь желает он отождествить себя с Христом, испытавшим абсолютное одиночество и абсолютно преодолевшим его. *И Христос принимает Дали в себя, даруя в этой картине полноту присутствия Дали*. Истинный успокоенный Дали разливается в ее золотом свете — Дали, освобожденным от абсурдных фантазий и позолоты одиночества, трагический гений сюрреализма, любящий свою Прекрасную Даму.

* * *

«Тайная вечеря» и «Сон Христофора Колумба» ставят Дали рядом с Леонардо да Винчи, Рафаэлем и Гете, а Гале сообщают ту гениальность, которой может обладать Муза и которой обладали Каролина Шеллинг и Козима Вагнер.

Глава 7 НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ

1

В отличие от влюбленности любовь всегда жаждет абсолютной взаимности. Поэтому когда взаимности нет, человек испытывает, возможно, самое трагическое одиночество в жизни. Трагическая любовь — это прежде всего неразделенная любовь. Или точнее: неразделенная любовь есть вершина трагической любви.

Трагическая влюбленность — это словосочетание допустимо, но оно слишком легко может быть заменено на *неудачную влюбленность*. Трагическую любовь значительно сложнее превратить в

неудачную любовь. Мы всегда ощущаем, что любовь есть не случайность и кажимость, а неизбежность и бытие.

Неразделенная любовь есть трагическое бытие. На какой-то миг, для кого-то надолго, а для кого-то навсегда оно превращается в главный поток бытия, который низвергается в бездну. Переживая неразделенную любовь, мы всегда находимся на краю бездны. И эта бездна притягивает нас. Мы

24

■ Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

слышим шум водопада, видим блики солнца на пенных струях и провожаем их взглядом, и вместе с ними окунаем взгляд в темноту. Напрасно мы ищем там что-то — бездна не имеет дна. И водопад увлекает *туда* часть нашего Я. *Сам водопад и есть эта часть Я.* Но бездне нужно все Я, она ожидает и этот крохотный огонек самосознания, застывший на краю бытия и ничто. Окруженный химерами бессознательного, он дрожит, постигая непостижимую жестокость мира, и дьявольским искушением является желание броситься вниз и погаснуть, найдя облегчение от *любви вообще.*

Из этой бездны человек всегда выбирается демоном, неспособным любить. Он может стать маньяком, утонченно мстящим противоположному полу за то, что стал демоном, может погрузиться в обыденность и сон, теряя возможность реагировать на эротическую жизнь. И то, и другое делает его *человеком без лица.*

Нужно удержаться на краю. Противопоставить бездне желание любить вопреки всему. Это остановит падение бытия в бездну, и рано или поздно сама бездна неразделенной любви затянется перед нами, как рана.

2

От неразделенной любви всегда необходимо освободиться. Это освобождение не есть просто забвение или сублимация в виде сборника трагических стихотворений. Необходимо освободиться от *бытия неразделенности в себе,* сохраняя при этом любовь и способность любить.

Освобождение от неразделенной любви возможно через осознание ее влюбленностью. В таком случае она становится в ряду других влюбленностей, теряя свой трагический характер. Но это происходит лишь тогда, когда она *действительно является влюбленностью.*

Однако неразделенная любовь может быть и действительной любовью. Тогда освобождение приходит через переживание ее неразделенной только в пределах физического бытия личности. *За пределами смерти тела абсолютно неразделенное может превратиться в абсолютно неразделимое.* Трагическое чувство неразделенной любви очищается, переходя в гармоническое чувство мистической любви — любви вне пределов тела или в новом теле. Только такое чувство может освободить нашу психику от разрушения. Принятие идеи индивиду-

25

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ального бессмертия становится смертью неразделенности и бессмертием любви.

3

Каждый, кто испытал неразделенную любовь, если это в самом деле любовь, всегда приобретает мистический опыт.

Безусловно, счастливая любовь тоже дает такой опыт — *в силу переживания ее вечности,* но человек устроен так, что именно трагическая глубина воздействует на него сильнее глубины счастья. Одиночество, окрашенное таким опытом, приобретает величественные краски и формы, подобные краскам и формам закатного неба. Оно сообщает личности *трагический аристократизм.*

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Часть II НАД БЕЗДНОЙ

Последним средством материнской педагогики является угроза дочери, которая в чем-либо не слушается ее, что она не получит мужа.

Отто Вейнингер

Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными зрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые плавающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!

Итак, мистическое очищение неразделенной любви порождает трагический аристократизм. Однако к такому аристократизму, уравнивающему или, точнее, соединяющему женское и мужское, приходят очень немногие. Ростки мистического переживания любви обычно настолько слабы, что неразделенная любовь просто выбрасывается в бессознательное и замирает там, становясь шрамом памяти. Идея любви не отбрасывается, но она спит. Вместе с ней засыпает молодость.

Мужчины переносят и забывают одиночество неразделенной любви в одиночестве, думая о себе и пребывая в себе. Этот странный эгоизм непонятен женщинам. Женщины значительно больше вникают в мнение рода о собственной неразделенностиTM. Неразделенность любви для женщины выступает *покинутостью*. **Однако любовь всегда сильнее рода.** Поэтому позиция женщины бесконечно противоречива. Распятая между любовью и родом, она временами готова забыть и отринуть освященную родом женскую гордость.

Женщина готова ждать и надеяться на изменение чувств мужчины. Более того, она готова бороться за них. Иногда ожидание и борьба продолжаются всю жизнь. И если они сочетаются с отказом женщины от общения с другими мужчинами, она становится той, кого род презрительно назвал старой девой.

Мужчина-холостяк — как и старая дева — становится собой, пройдя огонь неразделенной любви. Речь идет не о мужчине, который не расписывается с женщиной, живя с ней, а о мужчине, избегающем женщин вообще. Сначала он делает это с трудом, но с годами такое удается ему гораздо успешней. Далее нам предстоит понять жизненные пути таких мужчин, а пока попытаемся уловить главную противоположность холостяка и старой девы.

2 Род называет старой девой женщину, пребывающую в сексуальном одиночестве, мужчина же становится холостяком благодаря эротическому одиночеству. Различие сексуального

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

и эротического одиночества будет подробно раскрыто в третьей части нашего исследования, сейчас же важно понять следующее: старая дева для рода есть женщина, лишенная половых контактов, мужчина-холостяк — лицо, лишенное женской заботы о себе. При этом для мужчины допускается, с одной стороны, забота матери, а с другой — сексуальные связи с проститутками, любовницами — все это не изменяет статус холостяка. Лишь обоюдная и действительно эротическая связь с женщиной выводит его за пределы этого статуса. Род перестает называть холостяком мужчину, который достаточно долго живет с заботящейся о нем женщиной. Для женщины же потеря статуса старой девы лежит в *сугубо сексуальной сфере*. Именно секс превращает старую деву в «свободную женщину».

Такое неравноценное отношение к холостяку и старой деве *показывает презрение рода к женщине, не знавшей над собой власти фаллоса*. Мужская девственность воспринимается гораздо сдержанней и ироничней, женская девственность — в самом соку деторождения (и соответственно после него) — вызывает саркастическую озлобленность общества. Неудивительно, что женщина отвечает обществу тем же.

Род может простить девственность лишь однозначно некрасивой женщине, причем чем больше она уродлива, тем в большей степени магия рода превращает презрение в жалость.

Род никогда не может понять верность женщины безвозвратно ушедшему возлюбленному, с которым у нее не было сексуальной близости. С другой стороны, род значительно дольше склонен называть женщину вдовой, чем мужчину вдовцом, если она *вновь не торопится выйти замуж*. Мужчина достаточно быстро опять становится холостяком, женщину не спешат именовать свободной женщиной. Женщину всегда накрывает тень мужчины, который имел с ней сексуальную близость, мужчина же почти независим от этой тени. Род не принимает старую деву за ее незатененное бытие, за ее странную свободу от секса и деторождения.

Как видим, мужчине, как и в юности, дана значительно большая свобода одиночества. Быть холостяком и девственником для мужчины порой неудобно, порой тоскливо, но в любом случае легче, чем женщине.

К появлению холостяка и старой девы приводит воля к одиночеству, замкнувшись на себе. Такая воля к одиночеству находит цель в самом одиночестве и превращается в *привычку к одиночеству*.

А эта привычка означает рождение *застарелого одиночества*. Она приводит к остановке одиночества. Одиночество теряет динамику и возможность изменения. Оно замораживается, замирает и ждет смерти, чтобы только с ней покинуть человека.

С этим связана наша неприязнь к одиночеству холостяка и старой девы. Оно вызывает у нас бессознательную отстраненность и отвращение — как нечто отринувшее любовь и жизнь. Мы воспринимаем его как заброшенность и бесцельность. Поэтому понятно, почему одиночество монаха и монахини вызывает совсем иные чувства: здесь физическая отдаленность от противоположного пола имеет объяснение и *высший смысл*. Это высший смысл, *обретаемый за пределами одиночества*. То же самое мы можем сказать о подобном одиночестве великого философа и художника...'

Большинство людей, переходя от романтизма юношеских влюбленностей к взрослой жизни, переходят не к любви, а к бытию, в котором нет места ни влюбленности, ни любви. В этом бытии любовь и влюбленность заменяются сексуальной зависимостью и материальной привязанностью, вызывающими тоску во временном одиночестве и скуку в совместном бытии. Холостяк и старая дева освобождены от этого. Они выходят на обочину жизни и остаются там. Старый холостяк, или, как еще говорят, убежденный холостяк, и старая дева — это люди, *которые из-за любви так и не стали взрослыми*. Возраст постоянно выталкивает их в общество своих сверст-

И вместе с тем мы ощущаем необходимость чего-то иного в жизни философа и художника. Это необходимость Музы, которая уравнивает его бытие и снимает драматическую напряженность этого бытия.

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

ников, но они чужды ему и стремятся вернуться в мир детства и отрочества. Это выступает — особенно для женщин — странной компенсацией семьи и общества. Старый холостяк и старая дева часто бывают старательными педагогами раннего и среднего школьного возраста — им нужно постоянное общение с детством и отрочеством, а не с юностью, переполненной эротическими желаниями и перспективами. В остальном же они стремятся к профессиям, обеспечивающим им уединение, — коллектив сверстников чужд им мучительными для них эротическими переживаниями и сексуальными сплетнями.

Итак, мы предположили, что одиночество холостяка и старой девы становится собой под воздействием неразделенной любви. Не в силах освободиться от нее через обычное вытеснение-забвение или мистическую сублимацию, они отчуждаются от мира взрослых. Достаточно ли этой причины для того, чтобы холостяк и старая дева стали такими, какие они есть? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо изменить угол видения. До сих пор мы смотрели на холостяка и старую деву глазами рода. Постараемся теперь посмотреть на мир и нас *их глазами*.

Однако, прежде чем пуститься в путешествие по их психике, необходимо ответить на запоздалый вопрос: только ли холостяка и старую деву порождает неразделенная любовь?

Нет. Холостяк и старая дева лишь заглянули в бездну неразделенной любви, но кто-то побывал там. И этот кто-то поднялся в наш мир уже нечеловеком. Такого нечеловека в современной культуре обычно называют маньяком, от греческого «mania» — восторженность, страсть. Далее мы постараемся вникнуть и в его одиночество. Сейчас же начнем с более обыденного и привычного.

Холостяками современное общество называет неженатых мужчин старше тридцати лет¹. Но уже при самом беглом рассмотрении мы видим, насколько различны эти люди.

Прежде всего мы замечаем, что холостяки разделяются на два абсолютно противоположных типа. К первому относятся все те, кто одинок в силу случайных, внешних причин, ко второму — холостяки, одиночество которых вытекает из глубинных особенностей их жизненного пути и психики. Первые — это мужчины, судьба и профессия которых протекает вдали от женщин —

военные, геологи, спортсмены, артисты, воры в законе и т. д. Но это всегда случайные и временные холостяки. Их одиночество — социальная, а не психологическая и метафизическая проблема. Конечно, мы можем говорить, что мужчины, выбравшие подобные профессии, бессознательно стремятся к холостой жизни, однако вряд ли это будет справедливо по отношению ко всем представителям этих профессий и стилей жизни. Для большинства из них романтизм и свобода бытия без жены лишь временно торжествуют над утехами семейной жизни. Речь может идти о затянувшемся времени холостого одиночества, которое рано или поздно переходит в иной временной поток, омывающий уютное семейное гнездышко, где их ждет отдохновение и которое выступает их тылом.

Одиночество холостяков второго типа менее зависит от условий профессии и специфики быта. Именно такое одиночество может быть вызвано неразделенной любовью. Этим холостяков род обычно называет — в отличие от случайных и временных холостяков — убежденными холостяками. Именно о них пойдет речь дальше.

2 Одиночество убежденного холостяка, наполненное нераз-

В дальнейшем мы будем рассматривать холостяков как физически нормальных людей с нужным количеством гормонов в крови и нормальной возбудимостью соответствующих нервных центров.

32

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

деленной любовью, для своего укрепления и оправдания ищет женский образ, заменяющий всех женщин.

Это образ матери.

Соединение неразделенной любви с образом матери порождает *одиночество абсолютного холостяка*. Это одиночество, в котором **вообще нет места женщинам**. Такой холостяк полностью отдается внеэротическим интересам жизни, эротические же интересы замораживаются и отмирают. Они напоминают рудиментарные органы. Существовая внешне, эти интересы лишены содержания и внутренней формы.

Отказываясь от ожидания влюбленности и любви, абсолютный холостяк отказывается от созидания нового. Он отдается коллекционированию, мелкой научной деятельности, не требующей творчества и интуиции, из абсолютных холостяков получаются идеальные сторожа и вахтеры.

Жизнь такого холостяка распадается на два периода — до и после смерти матери. Именно после смерти матери он приобретает черты старого холостяка. Умирая, мать освобождает его от своей заботы и привязанности, но после определенного возраста это освобождение теряет смысл. Одиночество, в котором он пребывал с матерью и внеэротической страстью, смыкается вокруг него, словно стенки пробирки. Он заспиртовывается в этом одиночестве, как моллюск, теряя возраст и пол. Это одиночество окончательно лишает старого холостяка воли к власти над миром и собой, а также воли к возвышению над собой в этом мире...

Именно абсолютный холостяк наиболее пригоден для того, чтобы стать монахом, и монашество выступает для него наиболее полным преодолением одиночества, помогая превратить неразделенную любовь и инфантильную привязанность к матери в нечто более высокое.

Однако монашество абсолютного холостяка проистекает от слабости, а не от силы. Очень часто он не возвышает свой эротизм до мистического слияния с Абсолютом, а получает санкцию на абстрактное освобождение от эротизма. Он возвращается в бесполое бытие подростка. Его бесцветное одиночество порождает бесцветное монашество.

Он становится бесцветным проповедником и бесцветным лектором, он вечно обречен приносить с собой серое бытие и тусклые глаза...

2 Зак. № 925

33

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

3

Еще одним типом убежденного холостяка могут быть мужчины, ищущие и не находящие свой идеал. Их одиночество порождено *несостоявшейся любовью*. Это люди, как правило, пребывающие в активном поиске и почти полностью превращающие волю к одиночеству в *волю к выбору*. Они не бегут от женщин. Наоборот, смысл жизни они находят в покорении женщин. Классическими типами здесь выступают Дон Жуан и Казанова.

Таких холостяков называют не холостяками, а *свободными мужчинами*. Мир для них — это цепочка побед и разочарований, которые доставляет им женский род. В их лице мы видим

перенесение юношеских влюбленностей во взрослость. Но теперь эти влюбленности есть ступени трагического поиска любви, лишаящего их заботы одной женщины. Свободные мужчины принципиально отличаются от абсолютных холостяков и находятся дальше от края бездны, но так же ходят по краю и не менее одиноки. Однако в их одиночестве нет замкнутости и затхлости, отличающих абсолютного холостяка: оно насквозь продувается ветром, и в нем есть трагическая надежда. В следующей части мы попытаемся постичь логику их жизни.

К свободным мужчинам мы можем отнести холостяков, порожденных творческим одиночеством. Они не могут быть абсолютными холостяками уже по той причине, что творчество требует эротического слияния с женщиной и женским; однако достаточно часто им необходима свобода от быта с лицом противоположного пола...

4

Жажда этой свободы часто приводит к тому, что творец обладает только мистической связью с женщиной.

Материальные отношения с женщинами минуют его, как пейзажи в окнах поезда. Такой творец движется вперед, ему некогда и незачем останавливаться. Секс, переживания по поводу болезней ребенка, получение чинов и званий *во имя семьи* — все это обходит его стороной. Жизнь вдвоем заменяется *постыжением женщины в одиночестве. Здесь есть впадение в бытие абсолютного холостяка и прорыв к апокалипти-*

34

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

ческому преодолению его. Холостое бытие становится чем-то возвышенным, более того, оно становится *наименее холостым бытием.* И уж по крайней мере, менее холостым, чем у многих женатых мужчин.

Но это все-таки бытие на краю бездны.

Кант и Ницше, эти *великие холостяки* избегают серости абсолютного холостяка именно благодаря мистическому видению любви и женского. Однако мистическое видение женского бесконечно сложно и трагично. Оно выскальзывает из мыслей и слов.

Видение любви не может заменить любовь. Кант приходит к сухости антиномизма, Ницше — к безумию вечного возвращения Сверхчеловека...

5

Таким образом, лишь абсолютный холостяк является действительным холостяком и обладает *завершившимся одиночеством.* В его бытии необходимо соединяются неразделенная любовь и привязанность к матери. Может ли одна из этих причин породить абсолютного холостяка? Наверное, нет, ибо такой холостяк лишен абсолютной устойчивости холостого бытия и в каждое следующее мгновение может кардинально изменить его.

Сама по себе зависимость от матери почти всегда обречена быть разорванной. Разрывая ее, холостяк освобождается для любви. Но если эта зависимость обоюдна, разрыв ее всегда чреват трагедией.

Это прекрасно показала Урсула Ле Гуин в романе «Порог». Юноша, бытие которого контролируется матерью, полюбив, восстает против нее. Он обречен сразиться с ней и уничтожить образ матери-чудовища в своем бессознательном. Вспышка одиночества потрясает его, но именно она освобождает его от одиночества. Она освобождает его от одиночества-зависимости и позволяет прорваться к любви. Только сила зарождающейся любви и ее *разделенность* делают это возможным.

Соединение неразделенной любви и привязанности к матери — есть тайна бытия абсолютного холостяка.

35

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Глава 3

ОДИНОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ХОЛОСТЯКА:

НИЦШЕ И ЗАРАТУСТРА

Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся счастьем своим.

Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра»

1

Великий холостяк — это человек, ставший одиноким ради великой цели. Он выбирает служение

этой цели и предпочитает его суетному общению с женщиной и женщинами. Непосредственное общение с женщинами он заменяет постижением абсолютной женственности, недостижимой в телесности нашего мира.

2

Выше я соединил Канта и Ницше в бытии великого холостяка и в переживании кризиса этого бытия. Но одиночество Ницше принципиально отличается от одиночества Канта. Кант упивается своим холостым бытием, он погружен в него, не испытывая необходимости в соборности и Музе. Божественная мудрость — вот та единственная женственность, которой он полнокровно обладает и которая заменяет ему бытие с женщиной. Кант наполнен одиночеством-наслаждением, Ницше мучительно тяготится одиночеством.

Ницше недостаточно обладания мудростью. Такое обладание перестает быть для него ценностью. Он жаждет присвоения бытия, лежащего за пределами *знания и веры*. Это бытие, находящееся для прежних поколений европейских философов в Божественном Бытии, Ницше пытается найти в самом человеке. Он пытается найти его в общности однодумцев и разочаровывается в такой общности.

Ницше отталкивает обыденность человека. И тогда он поворачивает вспять эволюцию человека. Он смотрит вверх. Так рождается Сверхчеловек.

36

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Его рождение знаменует новую эпоху одиночества Ницше — *одиночество вдвоем с призраком Сверхчеловека*. Для того, чтобы спастись от ужаса этого одиночества, необходим посредник, *третье лицо* между Ницше и Великим Неизвестным. Таким лицом становится Заратустра.

3

Ницше передает Заратустре свое одиночество и свое презрение к женщине и человечеству. Заратустра становится тенью одиночества Ницше.

Он становится символом одиночества Ницше и его мифом.

Но одиночество пророка Заратустры передается Ницше и усиливает его одиночество. После этого метафизический образ женского все больше меркнет в его глазах. И вместе с этим тускнеют глаза Ницше. Его ожидает бездна.

Заратустра есть образ, отнимающий у Ницше способность любить.

Любить что-либо, кроме одиночества...

4

Заратустра близок Ницше, он выражает Ницше, но он не одно и то же с Ницше. В нем одиночество Ницше очищается до максимальной красоты и трагичности. *Это эстетизиро-ванное и озвученное одиночество Ницше*. Заратустра — это идеальный великий холостяк, лишенный драматизма обыденного, замутняющего чистоту одиночества Ницше.

И вместе с тем одиночество Заратустры не есть одиночество Сверхчеловека. Ибо сам Заратустра отнюдь не Сверхчеловек. Замкнутый в своем одиночестве, Ницше отчуждается не только от человечества, но и от последующей эволюционной ступени человека, ибо такая эволюционная ступень *может быть только андрогинной, соединяя мужское и женское в новом единстве*.

5

Сверхчеловек для Ницше подобен Богу-отцу. В его образе сливаются бесчисленные пантеоны языческих богов и образ Единого Бога. Сверхчеловек раздувается до удивительной абстрактности бытия, принимая в себя их власть и волю.

Заратустра для Ницше подобен Христу. Он есть распятый непониманием людей Пред-Сверхчеловек, выходец из иного

37

мира, лежащего вне и по ту сторону пространства и времени земной истории.

Но такая подобность слишком слаба, чтобы побороть бесконечное одиночество, рожденное отсутствием Бога, находящегося над пределами эволюции «гомо сапиенс». Необоримое и властное это одиночество увлекает Ницше в бездну.

И в этой бездне Сверхчеловек обращается в дьявола, а Заратустра — в Антихриста...

6

Ницше гораздо глубже Канта заглянул в Бездну. Он экзистенциально наполнил доказательство кантовской антиномии о бытии Бога.

Из двух дорог кантовской антиномии о бытии Бога он выбрал ведущую в бездну одиночества.

И прошел ее до конца.

Ницше владеет стихией одиночества и наслаждается ею до тех пор, пока она не становится бездной. Это происходит с *потерей образа женственности*. Теряя образ женственности, Ницше выхолащивает творческое начало и становится абсолютным холостяком. Бытие абсолютного холостяка приводит его к творческому безумию и эстетическому затишью. Это не позволяет Ницше понять, что *единственным выходом из сверхчеловеческого одиночества есть Богочеловек*. Противовесом одиночеству Ницше есть одиночество Владимира Соловьева. Его жизнь также протекает вдали от женщин, но с идеей и образом Вечной Женственности. Вечная Женственность выступает для Владимира Соловьева ипостасью андрогинного Божества: соединение с ней приводит к преодолению одиночества. Трагический аристократизм одинокого переходит в видение Богочеловечества.

8

Образ Заратустры удивительно переплавляется в образ капитана Ларсена — главного героя романа Джека Лондона «Морской волк». Ларсен соединяет черты пророка ницшеанского Сверхчеловека с реальными его чертами — артистической жестокостью, насмешкой над бессмертием и Богом и безумной волей к подавлению и властвованию. Но он платит за такое соединение нечеловеческим одиночеством; его воля к

38

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

власти замыкается в пределах его корабля и, наконец, только тела, ставших тюрьмой его духа...

Глава 4 СТАРАЯ ДЕВА

Старая дева есть именно та женщина, которая не встретила мужчину, способного дать ей бытие.

Отто Вейнинггер

1

Одиночество старой девы вызывается к жизни теми же причинами, что и одиночество абсолютного холостяка. В бытии старых дев мы найдем те же типы, что и у мужчин-холостяков. Однако сознательно пришедших к этому бытию среди женщин всегда будет гораздо меньше. Безусловно, неразделенная любовь и привязанность-жалость к матери превращают девушек в старых дев, безусловно, старая дева может стать таковой в результате творческих достижений в области искусства и науки, но женщины, сознательно пришедшие к такой участи, будут скорее исключением, чем правилом. Добавим, что в нашем эссе, мы — как и при исследовании бытия холостяка — не рассматриваем типы старых дев, порожденные психофизиологическими и социальными причинами — доминантой мужских гормонов в крови, болезнью, недостатком мужского населения в регионе и т. д. Как и в случае с холостяком, нас будут интересовать экзистенциальные причины одиночества старой девы, пограничные ситуации существования, превращающие нормальную женщину из нормальной среды в отрицание женственности, замкнувшееся в коконе одиночества.

2 Большинство женщин, оценивая старых дев, убеждены, что они стали таковыми просто *засидевшись в девках*. Это утверждение отражает ощущение принципиального положения женщины в мире людей — над ней больше, чем над мужчиной, довлеет судьба и предопределение. Женщины не выбирают, выбирают их. Точнее, женщины *выбирают выбравших*.

39

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Возможности такого выбора и его свобода значительно ограничены. Часто женщина не выбирает, а *перебирает* мужчин, дарованных ей судьбой, *не в силах выбрать лучшее из худшего*. Она перебирает их, как струны чуждого инструмента, и под звуки странной мелодии с тоской смотрит за пределы магического круга, определенного ей судьбой. От этой мелодии нужно вовремя отказаться. Иначе она усыпляет способность *выбора меньшего зла*, меланхолия разливается вокруг, женщина засыпает... и просыпается старой девой.

Конечно, в этом *сне выбирающей женщины* возможно зачатие и рождение ребенка. Тогда все решается автоматически — брак, семейная лямка, угасание романтических иллюзий... Здесь за женщину выбирает сама природа. Она освобождает ее от бремени выбора через беременность и роды.

С другой стороны, женщина может быть награждена выходом за пределы магического круга благодаря появлению ожидаемого Единственного мужчины. Тогда она просыпается, пусть на время, к новому бытию романтического. В ее душе вновь оживают девичьи мечты, они заменяют сонные иллюзии и превращаются в реальность.

Каждая женщина ждет этого момента, но у очень немногих жажда любви становится сильнее

ужаса перед одиночеством старой девы. После определенного возраста практически все женщины жертвуют *одиночеством выбора* перед лицом *одиночества-бытия*.

Воля к одиночеству у женщины всегда ослаблена. Женщина подчинена роду, который предписывает ей выбирать в определенном возрасте и в определенном же возрасте лишиться этого выбора.

3

Возможность выбора для женщины глубоко раздражает род. Женская свобода выбора мужчины, которая кажется нам столь естественной, есть результат всего лишь полутора последних столетий. Прежние эпохи знали брак по предписанию, когда выбирал только мужчина и родители. Свободный выбор женщины поэтому был всегда трагичен — вспомним историю Ромео и Джульетты.

В более древние эпохи — эпохи зарождения имущественного неравенства и торжества группового брака — женщина была абсолютно лишена выбора — как *коллективная собст-*

40

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

венность мужчин рода. Она выступала деторождающей силой, увеличивающей численность-могущество рода, а потому была бессильна в своем выборе. Женщина могла выбрать мужчину, *соблазняя его*, но этот выбор был *выбором на одну ночь* и растворялся в общеродовой оргиастической стихии. Такой выбор-соблазнение переходит во времена привычной нам моногамной семьи и называется изменой, караясь сначала законами, а затем моралью рода.

Ясно, что во все эти эпохи бытие старой девы ограничивается лишь физическим уродством или однозначными психическими отклонениями, делающими ее ритуальной девственницей. Впоследствии католическая и православная культура христианства создают женский монастырь, где одиночество старой девы может реализоваться более полно. Но это одиночество есть результат полного запрещения выбора в мире мужчин...

Итак, жизнь старой девы до середины XIX века весьма сильно регламентируется родом.

Все это коренится в коллективном бессознательном современного нам общества и поднимается в каждом из нас, когда мы встречаем старую деву. Нынешнее общество дало женщине право на одиночество, но при этом сделало ее изгоем, окружая водоворотами психологических дискомфорта — прежде всего в виде насмешки и саркастической жестокой иронии...

4

Феномен холостяка значительно более древен, чем феномен старой девы — в силу изначально большей свободы мужчины в распоряжении своим одиночеством...

5

На первый взгляд кажется, что в современную эпоху с ее легкостью разводов женщина и в браке сохраняет возможность выбора. Поэтому ей незачем оставаться старой девой, чтобы сохранить право выбора. Однако это далеко не так. Замужняя женщина опутывается привычками и боязнью потерять то малое, что она получила от жизни. Если к этому добавляется появление детей, ситуация с выбором становится почти безнадежной в земной жизни женщины.

Одиночество старой девы — всегда протест против такого

41

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

положения дел. Старая дева есть отрицание женственности и протест против заключения женственности в клетке семейной жизни с нелюбимым человеком. Но такой протест обречен, ибо это *протест против мужского вообще*. В этом — корень трагедии старой девы. Она стремится освободить женщину от мужчины, а не *мир мужчин и женщин*. Ей нет дела до идеального мира мужчин и женщин. И за это земные и несовершенные женщины и мужчины отвечают ей презрением и насмешкой. Старая дева пытается ответить тем же, но *ее насмешки смешны окружающим*, они не достигают цели.

Остается презрение.

И для усиления этого презрения старая дева концентрирует его в злость.

6

Весь мир представляется старой деве потоком эротических обид, направленных против нее. И она отвечает на них — иногда неуклюже и потешно, а иногда расчетливо и жестоко. Пространство и время ее экзистенции замыкаются внутри Эротической Обиды, которая окружает ее, словно мыльный пузырь, не желающий лопнуть. За дрожащими стенками этого пузыря искажены черты старой девы, искажена вся ее жизнь.

Секс отчуждает старую деву от всех остальных женщин. Он отделяет ее и от свободной женщины. В наибольшей степени старая дева ненавидит именно свободную женщину, покоряющую мужчин в рамках одного с нею незамужнего статуса. *Сексуальная наполненность одиночества свободной женщины* пронзает ее. И если эротическая обида — оболочка старой девы, то сексуальная обида — ее рана. Эротическая обида может быть надумана, сексуальная обида всегда вещественна и зрима. Все *вещество сексуальных отношений мира* давит на старую деву и переживается ею как *личная мировая тяжесть*.

И злость старой девы кажется абсолютной...

7

Возможно ли избавление от этой злости? Да.

Над старой девой всегда витает образ мужчины. Это или утерянный возлюбленный, или идеал, который так и не воплотился в реальность. Этот образ — самая глубокая травма и корень бессознательного старой девы. Более того, это корень всей ее жизни. Он творит и определяет ее.

В пограничной ситуации этот образ врывается в сознание,

42

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

и в такой момент происходит выбор: дальнейшее и окончательное озлобление на мир мужчин и женщин или *ощущение себя частицей этого мира*, которой тоже дарована надежда на спасение от пребывания без Единственного мужчины, — пусть даже за чертой земной жизни. Это прекрасно выразил Отто Вейнингер:

«Старая женщина тем злее, чем больше она старая дева. Если мужчина и созданная им женщина снова встречаются во зле, то оба должны погибнуть; если же они встречаются в добре, — тогда совершается чудо...»¹

Поиск Единственного мужчины, который даст полноту бытия, для старой девы есть прежде всего поиск надежды в себе...

Мы можем смеяться и шутить над старой девой. Мы можем жалеть ее. Но она — признак эротического недуга *всего человечества*. Эмансипация старой девы от ее одиночества означает эротическое освобождение человечества — исчезновение мира без любви.

Глава 5 СЕКСУАЛЬНЫЙ МАНЬЯК И ЕГО ОДИНОЧЕСТВО

Половой акт... противоречит идее человечества. Но не потому, что аскетизм является долгом человека, а исключительно по той причине, что женщина в нем хочет являться объектом, вещью, и мужчина делает ей это одолжение и видит в ней только вещь, а не живого человека с известными внутренними психическими переживаниями.

Отто Вейнингер

1

Сексуальным маньяком обычно называют человека, удовлетворяющего свою страсть любым путем². В последнее вре-

¹ Вейнингер О. Пол и характер. — М., 1992. — С. 380. При этом асоциальной является как сама страсть, так и путь ее достижения.

43

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

мя, отчасти благодаря целой плеяде американских фильмов, маньяк в обыденном сознании понимается как человек, удовлетворяющий свою сексуальную страсть через убийство. На мой взгляд, здесь улавливается главная тенденция сексуального маньяка — убийство есть логическое завершение любой мании. Сексуальная мания — это такое нарушение желаний, когда желаемое *полностью теряет человеческие черты*, превращаясь в вещь и символ. Поэтому маньяк тяготеет к убийству как наиболее полному овладению своей жертвой.

Убийство делает жизнь просто телом. Оно превращает человека в вещь. Сексуальная власть маньяка над мертвым телом и *живой вещью* достигает своего апогея.

Мертвое в бытии сексуального маньяка оживает, а живое становится мертвым.

Любой мужчина, овладевающий женщиной для того, чтобы оплодотворить ее, несет в себе зерна этой мотивации: более или менее сознательно он превращает женщину в *беременеющее вещество*, которым владеет он и его смертные отпрыски; для такого овладения женщиной достаточен набор самых ничтожных качеств мужчины, требуется лишь минимальный уровень сексуальной возбудимости и деньги. Убийство же требует демонической незаурядности, ибо *окончательно превращает земную жизнь человека в вещество*.

Маньяк есть личность всегда выходящая за пределы заурядности. Говоря о нем и его одиночестве,

мы не будем говорить о человеке, деформированном сугубо физиологическими причинами. Мы попытаемся увидеть метафизические причины маниакального бытия и их психологические последствия, рождающие трагические горизонты существования и всегда чудовищный финал.

2

Выше мы определили маньяка как человека, побывавшего в бездне неразделенной любви. Он выходит оттуда без способности к любви и отчужденный от всего человеческого рода. Маньяк поднимается из бездны мстителем человеческому роду за то, что в нем существует неразделенность любви и за то, что *человеческий род относится спокойно к такой неразделенности*. В этом он подобен дьяволу.

44

I

Книга!. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

3

Маньяк — это чудовищный факел в сумерках обыденности. Он освещает обыденность, но стремится и сжечь ее. Уничтожение обыденности для маньяка есть уничтожение причин своей мании. И вместе с ней он желает уничтожить себя как маньяка. Сексуальный маньяк отличается от заурядного сексуального извращенца тем, что стремится сам сгореть в очищающем огне мании. Он переполнен радикализмом и решительностью, противостоящими трусости сексуального извращенца. Но радикализм и решительность сексуального маньяка есть демонический радикализм и демоническая решительность. Он пытается исправить обыденность путем страдания, ужаса и, наконец, смерти. Сексуальный маньяк всегда приходит к убийству не только как к овладению обыденностью, но и как к высшей форме *наказания-исправления* и мистического обновления обыденности.

4

Маньяк — демонический меч, занесенный над обыденностью. Наше необоримое и тайное любопытство к маньяку всегда коренится в *нашем необоримом и тайном презрении к обыденности*.

Маньяк — это человек, выбранный дьяволом для уничтожения дьяволизма обыденности. Как человек-демон он мучим вдвойне: демоническое терзает в нем обыденное, а обыденное мучит демоническое.

Именно демоническое в маньяке отделяет его от всех остальных людей и делает его одиночество абсолютным.

5

Сексуальный маньяк выносит свой демонизм из бездны неразделенной любви, словно плащ, который ему не суждено снять до конца жизни. Этот демонизм — желание исправить несправедливость мира не через любовь, а через ужас и смерть. Он сообщает маньяку удивительное сочетание величественного и безобразного. Величественное и безобразное — вот два полюса, между которыми живет одиночество маньяка.

45

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

6

Иногда маньяка порождает неразделенная любовь к лицу противоположного пола, порой — к лицу своего пола. Но это может быть неразделенная любовь, имеющая внесексуальный характер, — к родителям или даже к нации и человечеству. Едино иное — способность любить всегда сбрасывается в бездну *руками обыденного и нормального*.

Уже будучи собой и утратив способность любить, сексуальный маньяк по-прежнему мучится неразделенной любовью. *Это неразделенная любовь к самому себе*. Она приводит к трагическому разладу внутри себя и *одиночеству наедине с собой*.

7

Такое одиночество не есть привычная скука обыкновенного человека, от которой можно откупиться бутылкой водки в компании более или менее близких мужчин и женщин. Это одиночество-тоска, требующее апокалиптических мер для своей разрядки.

И маньяк вершит свой Демонический Суд на земле...

8

Демонический Суд маньяка над обыденностью не является хаосом и безумием. Довольно часто он подчинен строгой логике. И эта логика может превышать мыслительные способности нормального человека. Демоническое бытие дает маньяку демоническую рациональность.

Главным ее признаком есть *универсализация обиды и мести*.

Так, например, маньяк переносит обиду с конкретной женщины на весь женский род. Он мстит одной женщине страданиями многих. При этом он проявляет чудеса изобретательности, хладнокровия и коварства. Впервые глядя на вас, он никогда не отведет взгляд. Он может напоминать человека увлеченного и эрудированного, мечтательного чудака. Но одиночество, тоскливое и оскалившееся, всегда выдает его. По этому признаку, умноженному на *неожиданное и странное внимание* к вашей персоне, вы можете узнать его. Но будьте осторожны. Никогда не пытайтесь играть с ним. Решив однажды, он всегда будет устремлен и целостен в этом устремлении.

46

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Попав в трагическую ситуацию общения с маньяком и зависимости от него, важно постичь исток его мании. Такое знание может стать рычагом, который остановит чудовищный механизм...

9

Одиночество маньяка само есть бездна.

В нем распахнуто то, что закрыто у обычных людей — дверь, ведущая на лестницу подсознания. На нижних ступенях этой лестницы психическое встречается с реальным. Но это уже реальность бездны, реальность чуждого и ужасного нам мира...

Одиночество Святого и Гения тоже есть бездна, но оно распахнуто вверх, в *надсознательное*, и залито идущим оттуда светом. Маньяк наполнен сумерками подсознательного, его оболочка раздута ими до нечеловеческой плотности. Это сообщает ему паразитическую силу и живучесть.

10

Одиночество маньяка апокалиплично, и его всегда ожидает апокалиптический финал. Чаще всего это смерть от рук правосудия или жертвы.

Но возможен и иной исход. О нем — в следующей главе.

Глава 6 ВВЕРХ ОТ БЕЗДНЫ

1

Абсолютного холостяка, старую деву и маньяка может спасти от одиночества смерть. Неужели они обречены на одиночество в пределах жизни? *Да, если они не смогут вернуться к любви.* Любовь оживляет абсолютного холостяка, расколдовывает старую деву и очищает маньяка.

Однако это может быть только действительная, вечная любовь, освобожденная от наростов обыденного и случайного. Только такая любовь превращает чудовище в принца, а озлобившуюся ведьму — в привлекательную женщину. Только такая любовь поднимает над бездной.

Но она, к сожалению, очень редко приходит в этот мрач-

47

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ный и суетный мир. Нужна огромная раскрытость и мощь духа, чтобы принять ее и подняться с ней.

Любовь нужно сотворить и пережить как беспредельную мистическую ценность, как самое высокое из всех искусств. Однако мистическое переживание любви и женственности даже таких великих холостяков, как Кант и Ницше не спасает их от дыхания бездны. *Мистическое видение любви* должно быть доведено до *мистического бытия любви*. Это означает явление мифа о любимом (любимой), наполняющего смыслом жизнь абсолютного холостяка, старой девы и маньяка, смыслом, который освобождает от одиночества. Этот миф есть миф о преодолении одиночества *за пределами смерти*. Это миф о бессмертии любви и персоны.

Такой миф настолько же является иллюзией, насколько реальна кратковременная жизнь нашего тела с его страстями, голодом, болезнями и, наконец, смертью. Такой миф есть предчувствие и творение *запредельного бытия любви*. Лишь это бытие способно оказать возвышающее влияние на всех тех, кто застыл на краю бездны.

2

Все это звучит пока как декларация. Поэтому мы еще вернемся к идее любви как мифа в конце работы, и может тогда она обретет плоть и почву.

Пока лишь остается констатировать, что любовь редка, а одиночество почти всеильно...

3

Одиночество абсолютного холостяка, старой девы и маньяка — это вызов обыденности и нормальности. В их бытии одиночество нарастает до безумных размеров.

Но пропадает ли оно в *нормальной взрослости* со всеми ее атрибутами? Постараемся увидеть это.

Часть III

ПОЛДЕНЬ: ИЛЛЮЗИИ РАЗРУШЕНИЯ

Как часто близкое по духу Рождало призрачную связь И в камень превращало грязь, И краски возвращало слуху...

Игорь Барби

Старые деятели предпочитают брать наложниц, новые деятели— жениться, а мы, пресыщенные старым и ненавидящие новое, не любим ни наложниц, ни жен... Лучше уж просто веселиться. Да, это приспособленчество, но кто устоит от приспособленчества к женщинам?

Рао Ше, «Записки о кошачьем городе»

О полдень жизни, торжественный час. О летний сад! Беспокойное счастье: я здесь, я сторожу, я жду тебя!

Фридрих Ницше

49

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Глава 1 ИЛЛЮЗИЯ ПЕРВАЯ: СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

1

Взрослость, этот сияющий полдень, если юноша и девушка пришли к нему естественно и легко, предлагает множество соблазнов избавиться от одиночества. Взрослую жизнь отделяет от всей прежней жизни свадьба. Одиночество девушки и юноши исчезает в мощнейшей вспышке, которую многие народы воспринимают как высшее время жизни. На небосклон восходит новая звезда. Почти все завершённые мифы и сказания оканчиваются свадьбой как *последним актом бытия, о котором стоит рассказать.*

2

Но свадьбе в современной западной культуре предшествует и противостоит явление, которое на рубеже XIX и XX веков было не совсем правильно названо *свободной любовью.*

Это понятие, завоеванное прежде всего под знаменами эмансипации женщины, первоначально означает освобождение от опеки общества при соединении влюбленных. Любовь недоступна обществу, ее нельзя узаконить или расторгнуть благодаря его юриспруденции, полиции, морали... Такова основная логика идеологов этого учения, прежде всего женщин. И женщины эти честно пытались ввести такую идеологию в свою жизнь. Вспомним Айседору Дункан и Инессу Арманд... Любовь становится *единственным условием моральности.* Она поднимает человека над миром вещей и обывателей, корыстью и обыденностью. Брак по расчету приравнивается к худшей форме проституции — проституции не на пять минут или на ночь, а на всю жизнь. В конце концов оказывается, что *любой брак есть дело расчета.* Последователям учения о свободной любви вдруг открывается вся низость буржуазного брака, основанного на бережливости, рационализме и общественном мнении. Свободная любовь превращается в сияющую молнию, которая вонзается в чудовищное тело брака. Свободная любовь призвана очистить мир от скверны — связанных с браком рассудочности, мелочности и трусости, которые пожирают романтизм и пассионарность. Брак стано-

50

вится глубинным грехопадением, свободная любовь возвращает на небо.

3

Можно предположить, что свободную любовь все же придумали мужчины — для удобства обладания женщинами. Возможно, это не так, но наиболее проникновенные, на мой взгляд, слова о сущности свободной любви в уста женщины вложил Валерий Брюсов:

«Я хочу свободы и любви, той свободы, о которой вы все говорите и которой не дадите никому. Я хочу любить или не любить, или разлюбить по своей воле, или пусть по своей прихоти, а не по вашей. Всем, всем я готова предоставить то же право, какое спрашиваю себе.

Мне говорят, что я красива и что красота обяывает. Но я и не таю своей красоты, как скупец, как скряга. Любуйтесь мной, берите мою красоту! Кому я отказывала из тех, кто искренно добивался обладать мной? Но зачем же вы хотите сделать меня своей собственностью и мою красоту присвоить себе? Когда же я вырываюсь из цепей, вы называете меня проституткой и, как последний довод, стреляете себе в сердце!

Или я безнадежно глупа, или сошла с ума, или это — величайшая несправедливость в мире, проходящая сквозь века. Все мужчины тянут руки к женщине и кричат ей: хочешь тебя, но ты

должна быть только моей и ничей больше, иначе ты преступница. И каждый уверен, что у него все права на каждую женщину, а у той нет никаких прав на самое себя...»¹

4

Однако по мере развития учение о свободной любви и ее практика все больше становятся учением и практикой *свободы секса*. Возникает знаменитая «теория стакана воды», приравнивающая сексуальное отношение к любому другому физиологическому акту. Нарастает трагическая антиномия уникальности любви и обыденности сексуального акта. В дальнейшем XX век все больше останавливается на моменте *культуры секса*— психофизиологического начала в свободной любви. Революция в отношениях между мужчиной и

Брюсов В. Последние страницы из дневника женщины // Брюсов В. Повести и рассказы. — М., 1983. — С. 160.

51

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

женщиной, потрясая западный мир с середины 60-х до конца 70-х годов, получила однозначное название сексуальной революции. Возникает и множится *феномен дружбы с женщиной плюс секс*. Любовь не может потерять свой сакральный покров, иначе человек перестает быть человеком, но она все-таки теряет его. Любви меньше *ждут*, больше пользуются *умением общаться* на вербальном и тактильном уровне.

Отношения между полами предельно рационализируются и вместе с тем *эгоизируются*. Я даю партнеру многое, ожидая того же взамен. Мы с ним заключаем неписанный контракт, который регламентирует нашу жизнь. Свободная любовь оборачивается жесткой необходимостью. Романтические ухаживания, трепет, стихи и письма становятся прекрасным архитектурным излишеством на здании, сгорающем в пламени сексуальной революции.

Но любой земной огонь рано или поздно догорает. *Остается черный остов одиночества.*

5

Человек остается человеком. Этому странному существу хочется чего-то большего, чем секс, организованный по всем правилам осовремененной Кама-Сутры, и постепенное разрушение всех запретов прежних поколений. Большинство женщин сегодня достаточно четко выражают свои стремления — они желают бегства от эмансипации к семье и детям. Мужчине сложнее выразить в словах свои стремления. Безусловно, мужчины тоже пропитаны одиночеством, порождаемым свободной любовью, где все *пользуются* всеми, но они всегда желали и желают чего-то большего, чем семья.

Это желание толкает их вновь и вновь в самый разнообразный секс, секс на грани абсурда и безумия, демоническую вселенную утонченнейших извращений. Но воды одиночества всегда смыкаются над ней. Одиночество становится всемирным потоком, превращающим эту вселенную в ничто.

6

Именно идея сексуальной революции выносит приговор человечеству XX века. Речь идет не просто о СПИДе и ему подобных заболеваниях, грозящих физически уничтожить вид человека разумного. Речь идет об индустриальном чело-

52

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

вечестве, *променявшем свободу любви на свободу секса*, а теперь перед угрозой СПИДа трусливо отказывающегося от последней...

Глава 2 ОДИНОЧЕСТВО И СЕКС

1

Нам часто кажется, что одиночество в сексе есть результат отсутствия или потери партнера. Это действительно так. Однако это лишь первая ипостась сексуального одиночества, приводящая нас к фантазиям о Партнере. Подобные фантазии почти всегда связаны с мастурбацией. Мужчина приходит к ней на заре сексуальных переживаний, женщина часто завершает ею свою сексуальную жизнь. Мастурбация есть лишь *физическое продолжение фантазирования, направленного на снятие одиночества*. Сексуальные фантазии — главное в мастурбации. Мужчина хочет видеть себя в них безгранично повелевающим, женщина — безгранично желанной. Сексуальные фантазии уносят одинокого человека, лишенного партнера и его ласки, в мир идеального Партнера и Идеальных Ласк.

2

Второй ипостасью сексуального одиночества может быть одиночество-тайна.

Представьте себя летом на берегу моря. Вечер, знакомство с женщиной (мужчиной), приятные встречи, полнота обладания... Вам хорошо, как никогда ранее. Новые ощущения раскрываются, словно бутоны, и среди них главное — *ощущение единства*.

И вдруг ваш партнер неожиданно исчезает, не оставив ничего о себе. Одиночество вонзается в сознание и бессознательное. Некоторое время вы не можете найти себе места. И успокоитесь лишь со временем, унося в себе шрам: «Почему?..» Это одиночество-вопрос бесконечно обостряется тайной. И оно обостряет *чувство Я*. Отвечая на вопрос: «Почему меня оставили?», я невольно вопрошаю: «Кто Я?..»

53

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

3

Но истинные размышления о сексуальном одиночестве приходят к нам лишь тогда, когда *тело партнера находится рядом*, и мы вдруг ощущаем пропасть, поглощающую полноту эротического общения. Это — третья ипостась сексуального одиночества.

Наиболее ярко это проявляется в свете оргастического переживания. Партнеры могут быть близки, ритмически входя и выходя друг из друга, но *именно оргазм становится взрывом, разбрасывающим их по обе стороны пропасти*. Чувство одиночества и равнодушие к партнеру, которое приходит после оргазма, — самый печальный результат сексуального общения. С возвращением и нарастанием силы влечения эти чувства притупляются, но каждый раз вспыхивают вновь. Высшее наслаждение сливается с высшим несчастьем. Оргазм становится иллюзией райского блаженства, приводящей к падению в ад.

Особенно это касается мужчин. Женщины почти неспособны испытать оргазм с нелюбимым партнером и в большинстве своем лишены трагизма мгновенного перехода высшей близости в отчуждение.

Возможны смягченные формы оргастического одиночества, когда партнеры, *продолжая ощущать единство после сексуального акта*, переживают оргазм независимо друг от друга. Они получают своеобразное усиление наслаждения *в одиночестве своего наслаждения*, но это усиление рано или поздно приводит к общему ослаблению отношений...

Сексуальная революция XX века превращает такое положение вещей в правило. Взаимный оргазм она делает необязательным, ей достаточно *одновременного оргазма*. Но одновременность не всегда есть взаимность. Достигаемая при помощи технических приемов, она превращает влюбленную пару в автомат из двух частей, которые должны одновременно окончить свою работу.

Сугубо физически это и есть абсолютная завершенность сексуального бытия мужчины и женщины. Но всегда остается метафизическое беспокойство, которое грозит вылиться в тоску...

54

Книга!. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

4

Сексуальное одиночество мужчины и женщины почти всегда завершается тоской. Смутная или осознанная, застывшая или кричащая она проникает во все поры бытия мужчины и женщины. Означает ли все сказанное выше, что сексуальное одиночество и вытекающая из него метафизическая тоска неизбежны?

Попытаемся ответить на этот вопрос. Сексуальное одиночество притупляется процессом фантазирования. Мастурбация *почти всегда*, а обычный половой акт — *очень часто* расцвечены фантазиями. Нельзя ли предположить, что фантазирование, дошедшее до определенной степени яркости, может стать универсальным лекарством от сексуального одиночества?.. Возможно, да, если допустить при этом, что оно становится *совместным* фантазированием мужчины и женщины, *превращается в игру*. И если на этом пути *фантазм* как случайная игра прихотей, нравственно безжизненное нечто становится *мифом* — частью более богатого целого, устои одиночества начинают колебаться...

К подобному выводу мы пришли в конце предыдущей части. Однако данное рассуждение вновь выходит за рамки этой главы. Его время все еще не пришло. Мы вернемся к нему в конце книги. Сейчас же стоит спросить себя, все ли ипостаси сексуального одиночества раскрыты нами? Нет, есть еще одна. Это одиночество человека, связанного с тем или иным извращением.

5

Современная сексопатологическая наука относится к извращениям значительно мягче, чем на заре нашего века, и бесконечно мягче, чем в предшествующие ему века. Границы нормы и патологии

стали очень гибкими и относительными. Норма есть все то, что не приносит партнеру страдания и не разрушает его здоровье. С другой стороны, *любая необычная сексуальная фантазия* есть потенциальная патология. Два этих представления очерчивают границы современного понимания извращения. Его хотят вывести из-под влияния морали, объявив в лучшем случае эстетическим (антиэстетическим) явлением. Отношение к сексуальному извращению фаталистично. Его пытаются увидеть как тайное начало в толще

55

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

бессознательного, которое можно и нужно заранее уловить и обезвредить. Этим занимаются психоаналитики всех народов и стран, пытаясь за деньги пациента сделать его *более обычным*, а потому *менее одиноким* человеком. Но, в отличие от инквизитора, психоаналитик менее последователен в своем стремлении. Фантазия, *укоренившаяся и реализованная в бытии*, воспринимается им как нечто данное и неизменное. Психоаналитик выступает против бытия пациента, если ему предлагают деньги для его трансформации; но подобная трансформация *не является его внутренним мотивом*, ему больше хочется познать, чем изменить. С завидной толерантностью готов он склониться перед ужасами чужого бытия и порождаемым ими одиночеством.

В эпоху, именуемую Возрождением, сексуально извращенный человек мог угодить на костер инквизиции. В Новое время ему дается большая свобода, но он по-прежнему воспринимается получудовищем-полуживотным. Таков образ маркиза де Сада, который преодолевает свое одиночество лишь в пределах своих произведений среди воображаемых друзей и последователей... В XIX веке сексуально извращенный человек по-прежнему чувствует себя изгоем и все так же носит внутреннее клеймо одиночества.

И лишь в XX веке возникло и открыто расширилось явление сексуального меньшинства — общества, объединяющего людей данной патологии. В нем снимается одиночество каждого из них. Более того, они попадают в микрокосм, который позволяет им чувствовать себя выше обычных людей. Это суперкомпенсация за века одиночества и гонения. Однако карающий меч СПИДа проникает сюда и, отделяя зерна от плевел, грозит оставить лишь одно сексуальное меньшинство — *здоровых людей...*

6

В известном смысле сам психоанализ есть форма сексуального удовлетворения, открытая и освоенная для XX века Фрейдом. Это удовлетворение достигается благодаря процессу вопрошания о сокровенном (психоаналитик) и рассказу о нем (пациент). При этом психоаналитик и пациент могут меняться ролями. Роль сокровенного играют, как правило, первые эротические переживания детства и связанная с ними

56

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Травма. В целом психоанализ может быть определен как учение о *Детской Травме*, которая строит лабиринт психической жизни и, осознанная, становится объяснением практически всех ее мотиваций.

Постижение этой Травмы травм, проникновение в нее через слои бессознательного аналогично половому акту и во многом носит садистический характер. Роль пациента мазо-хистична. Акт психоанализа как садо-мазохистическое действие-переживание есть бегство от одиночества благодаря приобщению к «психике нормального человека». Но *возвращение в норму и обыденность* рано или поздно может привести к новому срыву и еще большему одиночеству.

С другой стороны, процесс психоанализа как познание глубин другого и себя может стать и *сублимацией ненормального в сверхнормальное*, очищающей метаморфозой — *ка-тарсизацией*. Это возвышение чувств, которое очищает акт тайного наслаждения травмой пациента *через свое и его творчество*. Психоанализ в этом случае становится искусством и нравственно наполняется. Лишь творчество выводит психоаналитика и его пациента из *сексуального меньшинства психоаналитиков и их пациентов* на просторы истинно человеческой жизни... Солнечный свет и свежий ветер врываются в сумрачный кабинет психоаналитика, освещая рождение нового бытия.

7

Психоанализ становится *психосинтезом*. Он перестает быть разложением человеческого Я на части, которые вращаются в странном космосе вокруг Травмы. Психоанализ теряет свой фаталистический характер. Теперь речь может идти не только о детской Травме, приводящей к одиночеству-ненормальности, но и о Травме любого возраста. Излечение от Травмы становится не

просто возвращением заблудшего ягненка в стадо нормальных людей, умеющих более искусно *скрывать* свои травмы. Психоаналитик и пациент создают совместный миф, который возвышает *Травму до Уникальности*.

Проанализированный человек складывается в новую целостность, и именно направленность на это *очищает садо-мазохистическую сексуальность психоаналитического акта*.

57

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

8

Психоанализ преодолевает свой инфантильный садо-мазохистический характер лишь став подлинно творческим взаимодействием. Лишь тогда он перестает быть взаимной психологической мастурбацией — странной виртуальной сексуальностью аналитика и пациента.

Бессознательное стремление аналитика превратить пациента в психо-сексуальный объект с бессознательным вместо вагины возвышается до личностного отношения.

9

Виртуальная сексуальность — всегда сексуальность не с личностью, а с объектом, а значит, сексуальность в одиночестве. В нашем мире она имеет многообразные и очень глубокие корни. В случае психоанализа инфантильная сексуальность является печальным следствием видения человека лишь хаосом Оно под масками Я и Морального Цензора.

Психоаналитику стоит перенести центр тяжести с подсознания на личность — как уникальное единство духовного и душевного начал. Психоанализ становится тогда актуализирующим психоанализом. Вместо манипуляции личностью, которая снимает напряжение, но усиливает одиночество, он актуализирует личность — раскрывает глубинные возможности творения своей жизни за пределами одиночества. Реальность этого подтверждает моя практика и практика моих учеников.

Глава 3

СЕКСУАЛЬНОЕ И ЭРОТИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО: ТРАГИЗМ ПОЗИЦИИ ВЕЙНИНГЕРА

1

Вернемся к намеченной выше противоположности сексуального одиночества мужчины и женщины. Кто когда-либо ухаживал за женщинами, может сказать, что женщина в целом легче мужчины переносит сексуальное одиночество; ей проще дается воздержание. *Обладая внесексуальной полнотой общения с мужчиной, она может забывать о сексе*.

58

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Эротическое и сексуальное одиночество воспринимаются женщиной как абсолютно разные вещи. Для большинства мужчин, напротив, эротическое и сексуальное одиночество — одно и то же. Для них принципиально важно обладать любимой женщиной как сексуальным партнером. Лишенный этого обладания мужчина чувствует себя одиноким.

Отношение женщины к сексуальному одиночеству является одной из причин, которая позволяет говорить, что *женское и женственность есть метафизическое начало*.

2

Уже одно это позволяет полемизировать с позицией Отто Вейнингера, который отождествляет *женское и материю*.

«Мужчина только тогда окажется в состоянии уважать женщину, когда она сама оставит свое желание служить объектом и материей для мужчины, когда она начнет стремиться к истинной эмансипации женщины, а не к эмансипации проститутки», — пишет он и добавляет: «Еще до сих пор не было откровенно сказано, где следует искать корень рабской покорности женщины: в державной, боготворяемой власти над ней фаллоса мужчины»¹.

В этих словах есть безусловная доля истины. Далее, Вей-нингер говорит о вине женщины перед человечеством и идеей человечества. Рабски подчиняясь сексу, женщина толкает человечество в пучину все новых и новых рождений. Позиция Вейнингера здесь приближает его к ереси катаров, считающих материальный мир миром дьявола и мечтающих вернуть человечество небу через *отказ от рождения*. Вейнингер презрительно спрашивает людей, мотивирующих свою сексуальность заботой о продолжении рода: «Совершал ли кто-нибудь половой акт, руководствуясь тем соображением, что он обязан предотвратить гибель человечества?...»²

Точно так же, как и катары, Вейнингер отрицает какую-либо *ценность телесного человечества*. Его воинствующий идеализм, наполненный юношеской страстностью и отвергающий любой

компромисс, обжигает нас:

«Это поразительное опасение, для которого самой страшной мыслью представляется возможность вымирания рода,

Вейнингер О. Пол и характер. — С. 383. ² Там же. — С. 381.

59

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

является не только выражением крайнего неверия в индивидуальное бессмертие и вечное существование нравственной личности. Оно не только отчаянно иррелигиозно: им доказывается собственное малодушие и неспособность жить вне стада.

Кто так думает, для того земля представляется в виде толкотни и суетни людей на ее поверхности. Мысль о смерти пугает его меньше, чем мысль об одиночестве»¹.

Вейнингер убежден, что женщина есть глубинная причина земного несовершенства человеческого рода. Женская эмансипация должна стать, по его мнению, эмансипацией женщины *от нее самой*. Однако его вывод о будущем этой эмансипации пессимистичен:

«От такой эмансипации женщина счастливее не станет: блаженства она ей не может обещать, а до Бога все еще далека дорога. Ни одно существо, находящееся между свободой и несвободой, не знает счастья. Но тогда окажется ли женщина способной сбросить с себя цепи рабства для того, чтобы стать *несчастной!*

Речь не может идти о том, чтобы сделать женщину святой; вопрос скорее заключается в следующем: может ли женщина честно подняться к проблеме своего существования, к понятию *вины*⁷. Проникнется ли она, по крайней мере, желанием свободы?»

Итак, судьба женщины трагична; выходя за пределы обыденности, она становится одинокой по отношению ко всему миру, а главное — по отношению к своей собственной сущности. Однако Вейнингер сам впадает в трагическое противоречие: отказывая женскому быть бессмертным и нематериальным началом, он вместе с тем заявляет о том, что высшее существо, как он говорит, *Самосущее*, не может быть ни мужчиной, ни женщиной.

«...Женский вопрос будет существовать, — пишет он, — пока существуют два пола; он заглухнет только вместе с вопросом о человечестве. В этом смысле Христос, по свидетельству отца церкви Климента, сказал Саломее без той оптимистической мишуры, которую впоследствии нашли для пола

¹ Вейнингер О. Пол и характер. — С. 384.

² Там же.

60

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Павел и Лютер, следующее: смерть будет существовать до тех пор, пока женщины будут рожать и правда сойдет не раньше, чем из двух не станет одного, из мужчины и женщины — третье. Самосущее, что не есть ни мужчина, ни женщина»¹.

Разрешение этого трагического противоречия возможно только следующим путем: *ощущение вины женщины перед человечеством должно быть доведено до ощущения вины мужчины перед женщиной*, который делает ее самкой. Женщина никогда не становится самкой сама по себе, она превращается в нее лишь тогда, когда находятся мужчины, которые хотят видеть ее такой. Именно они дарят ей бытие самки, задавая горизонты и время этого бытия.

3

Все приведенные выше размышления Вейнингера есть не просто фразы, а вехи его бытия. Эти размышления выступают *шрамами его чувства по отношению к женщине*, а последнее, высшее противоречие — незаживающей раной этого чувства. Вейнингеру безумно хочется увидеть метафизическую, абсолютную женственность и поверить в нее, но он не может этого сделать.

Речь идет о той самой женственности, по отношению к которой одинок любой мужчина на земле и видение которой Гете выразил в заключительных словах «Фауста»:

«Лишь символ все бренное, Что в мире сменяется; Стремлень смирненное лишь Здесь исполняется; Чему нет названия, Что вне описания, Как сущность конечная Лишь здесь происходит, И женственность вечная Сюда нас возводит»

Конечно, проще всего было бы приписать все противоречия позиции Вейнингера его сексуальному одиночеству. Человек, ушедший из жизни двадцати с небольшим лет, почти

Вейнингер О. Пол и характер. — С. 381. ² Гете И. В. Фауст. — М, 1962. — С. 534.

61

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

не знавший женщин и их ласки, озлобившись, решает *сравнять женщину с материей*... Однако ситуация, вероятно, гораздо глубже. Она — в эротическом одиночестве Вейнингера. Человек с безусловными гениальными задатками, он так и не смог найти и мире женщин то понимание и ту любовь, которые могли бы стать рядом с его гениальностью. Отсюда трагический апокалипсизм и пессимизм Вейнингера по отношению к женщинам. Однако желание найти женщину, близкую по духу, не оставляет его на протяжении всей книги. Интимным признанием звучат слова: «Мужчина хочет не женщину-рабыню: он часто ищет в ней подругу, которая его понимала бы»¹.

4

Но Вейнингер был достаточно слаб и *женственен*, а потому не сумел признать глубинную причастность мужчины к ничтожеству женщины. О женственности Вейнингера свидетельствует вся направленность его книги.

Сама гениальность Вейнингера есть результат сосуществования в его Я рядом с мужским мощного женского начала. И это полностью согласуется с его глубинным пониманием гениальности. Но женское весьма болезненно звучит в его Я. Это приводит к *обожествлению мужского*. Поэтому, говоря о спасении женщины от нее самой, Вейнингер говорит о себе, и не случайно забывает о том, что сам мужчина далеко не свободен, и мужское тоже требует очищения. Вейнингер закрывает глаза перед важнейшей истиной бытия мужчины и женщины: *эмансипация женщины есть совместное дело женщины и мужчины*, более того, она с необходимостью предполагает и эмансипацию мужчины. Эротическое одиночество Вейнингера есть тайная причина его несвободы и зависимости от женского рода, которую он пытается разорвать, отправляя этот род в царство животных. Презрение к женскому есть попытка освободиться от себя; она создает иллюзию усиления и увеличения мужского.

5

Не найдя достаточно мужественной женщины-дополнения, он *начинает ненавидеть женщину в себе*. Эта ненависть

¹ Вейнингер О. Пол и характер. — М., 1992. — С. 381.

62

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

выплескивается в презрение ко всему женскому роду. И так, отношение Вейнингера к женственности во многом есть отношение женственности к себе. Однако это отношение к себе ущемленной женственности. Обиженный невниманием к женщине *внутри него самого*, Вейнингер стремится уничтожить женщину во всем, кроме телесных признаков и связанных с ними — слишком тесно связанных! — особенностей психики. Женщина внутри погибает, но вместе с ней должен погибнуть сам Вейнингер...

Глава 4

ЭРОТИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО И ЭРОТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО: МУЖЧИНА ПРОТИВ ЖЕНЩИНЫ

С полем и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полем и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия.

Николай Бердяев

1

Насколько возможна окончательная победа над эротическим одиночеством — одиночеством непонятого и непостигнутого? Говоря об эротическом единении, мы опять забегаем вперед, затрагивая проблему последней части. Но логика нашего исследования вновь и вновь толкает нас увидеть бытие по ту сторону одиночества.

Как мы увидели выше, сексуальное одиночество исчезает за пределами секса — в эротической сфере. Для его действительного исчезновения необходим не просто партнер, и не просто новый партнер, а обновленный, более того, *постоянно обновляющийся* партнер. Это достигается только обновлением себя. Таким образом, речь идет о совместном обновлении, выступающем актом постоянного омоложения. Именно это и будет называться эротическим единением.

2 Эротическое единение всегда является творческим единением. Только тогда оно может быть обновлением. Трагедия

63

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Дон Жуана заключается в том, что он ищет эротического единства *не через обновление*, а *через новизну*. Способный к обновлению, он вынужден искать единения в *новизне* — каждая из

встретившихся ему женщин обновляется лишь в его иллюзии, и эта иллюзия со временем все больше становится иллюзией. Но Дон Жуан ищет Единственную Женщину. Казанова, напротив, соединяется со *всем женским родом*. Бесчисленное множество женщин, познанных и разгаданных им, составляют единую женщину. Творя каждый акт эротического и сексуального общения, он обновляется сам, но обновление женщины находит в постоянной *новизне женщин*. Очарованный его страстью, женский род склоняется перед Казановой, и, покоряя его, он покоряет сердце одной вечно новой женщины. В этом для него — разрешение противоречия Дон Жуана.

3

Но подобное разрешение не спасает Казанову от глобального одиночества. Это прекрасно уловил Феллини в своем одноименном фильме. Путешествуя по Европе от женщины к женщине, Казанова лишается лишь сексуального одиночества и вечно носит за собой — вместе со шпагой и плащом — одиночество эротическое. Он глубже не только каждой отдельной соблазненной им женщины, но и всей совокупности женщин, с которыми он вступил в сексуальные отношения. Эротическое одиночество живет в глубине его глаз и надсознания, а потому *слишком глубоко*, чтобы быть осознанным.

Трагизм ослабляется через *углубление трагизма*. Он ослабляется игрой-познанием мира женщин и углубляется отказом от поиска Идеальной Женщины. Поэтому, в отличие от Дон Жуана, Казанова доживает до старости, и лишь в старости встречается с одиночеством и постигает его как бездну, перед которой та бездна, куда Командор увлек Дон Жуана, есть ничто...

4

Дон Жуан и Казанова вступают в борьбу-соперничество с женщинами. Каждая женщина для них есть противник, с которым стоит сразиться, а ее сердце есть крепость, которую нужно *завоевать*. Они находятся в состоянии непрекращающейся войны с женским родом, которая оттачивает их эроти-

64

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

ческое одиночество, словно меч. И этот меч наносит раны не только покоряемым женщинам, но и им самим. Он так и не становится *мечом эротического господства*. Каждая новая победа приближает последнее поражение — их эротические слияния *трагически сексуальны* перед лицом Эротического Единства.

Эротическое единство Тристана и Изольды, Петрарки и Лауры тоже трагично, но бесконечно более реально. Это единство, возникающее при встрече с Идеалом, а потому его нельзя запятнать компромиссами. Его возвышенный трагизм несет надежду полного освобождения...

5

Обыденный секс, рожденный под покровом темноты игрой гормонов в крови, рано или поздно приводит к ощущению одиночества и жажды новизны-измены. Уже это одно показывает, что человек не совсем животное — животному неведомо подобное томление в сексе.

Человек отличен от животного чувством сексуального одиночества. Переживание эротического одиночества поднимает человека-над другими людьми.

6

Неверность партнеру парадоксально отделяет человека от человеческого бытия и возвышает к этому бытию. Животные не знают неверности — случайная встреча самца и самки закрепляется инстинктом и ограничивается рамками брачного периода. Даже гармонические отношения в мире животных (например, у многих видов обезьян), где самец-вожак владеет стадом самок, не имеют ничего общего с неверностью. Неверность — сугубо человеческая форма проявления себя. Сам феномен неверности и отношение к ней означают, что у человека разумного в отличие от его неразумных предшественников присутствует архетипическая уверенность: каждый мужчина должен найти свою Идеальную Женщину и каждая женщина должна дождаться своего Идеального Мужчину. Именно это существа нашего вида переживают как эротическое единство. Желание идеала толкает мужчину и женщину в Поиск. Однако далеко не у всех есть обаяние и смелость Дон Жуана или ум и искусность Казановы. Поэтому Поиск этот имеет

3 Зак. № 925

65

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

трагикомические, а иногда и просто жалкие формы и закачивается случайной встречей в случайном месте...

Каждому взрослому человеку, уставшему от Поиска и неопределенности, хочется поверить, что

это — завершение Поиска. И если на чашу весов ложатся некоторые материальные выгоды, то мужчина и женщина могут соединиться.

Их эротическое одиночество может проступить достаточно быстро, и, если материальные причины не препятствуют им, они рано или поздно разойдутся. Можно согласиться с Вейнингером, который (исходя из наличия в личности каждого пола женского и мужского начал) формулирует закон совместимости: женского в мужчине должно быть столько же, сколько мужского в женщине, или иначе: мужчина и женщина, соединившись, должны составить Идеального Мужчину и Идеальную Женщину. В данном случае речь идет не о типах, совместимых с той или иной личностью, а о стопроцентных Мужчине и столь же чистой Женщине.

Такое объединение есть результат естественной совместимости; все выпуклости мужского духа соединяются со всеми вогнутостями женской души, женский же дух вонзается в мужскую душу. Все это порождает некое подобие монолита, возвращение к бытию единого существа, того, что древнегреческая культура и мифология называли *андрогином*.

Образ андрогина выражает высшую сублимацию сексуального единства в эротическое единение. В отличие от Вейнингера, принимающего лишь отрицательное определение андрогина, я склонен думать, что такой андрогий может быть не только одним существом, *абсолютно одиноким* в своей самодостаточности, но и *любящей парой*.

7

Однако эротическое единство любящей пары не удерживается в своей первоначальной чистоте и целостности. Оно стремится быть разрушенным. И инициатором такого разрушения часто бывает мужчина. Как понять это?

В свете всего сказанного выше можно было бы предположить, что мужчина больше склонен к эротическому одиночеству, смягченному и спровоцированному сменой возлюбленных, тогда как женщина устремлена к единству и верности. Возникает глобальное противоречие ценностей женщины и мужчины, которое делает их вечно несчастными...

66

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Однако это не так.

В эротическом единении мужчина есть Дух, а женщина — Душа. Дух мы определили как извечный творческий порыв, акт вдохновения и воли. Душу — столь же вечным желанием любви и сострадания. Такое определение возносит женщину из материи, помещая ее рядом с мужчиной, а в чем-то — и *выше него*. Итак, женщина стремится к любви, сохранению и упрочению эротического единства; *но мужчина не меньше женщины желает усиления их единства.*

ОДНАКО ВСЕ ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ОН НАХОДИТ СВОЙ СМЫСЛ И ЦЕЛЬ ТАКЖЕ И ВНЕ ЕДИНЕНИЯ С ЖЕНЩИНОЙ. Поэтому мужчина каждый раз *вырывается* из эротического единения в *новое* эротическое одиночество.

8

Но это означает появление еще более глобального противоречия, которое постоянно отдаляет совместное счастье ' женщины и мужчины. Неужели разрешение этого противоречия доступно лишь поэтам разных веков и стран, населяющих вечной любовью небеса своих произведений? Неужели в жизни оно остается навсегда неразрешимым? Неужели лишь потусторонний мир может вместить неразрывность эротического единения, андрогинный союз, наполненный предвечным изначальным светом, предшествующим свету солнца и звезд?

Найденное нами противоречие есть противоречие между свободой и любовью. Это противоречие между свободой мужчины и любовью женщины. Более того, это противоречие между свободой мужчины *или* женщины и любовью мужчины *и* женщины.

Возможно ли разрешение противоречия между свободой и любовью, разрешение здесь и сейчас?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы должны" пройти все оставшиеся круги ада одиночества женщины и мужчины.

67

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Глава 5 ИЛЛЮЗИЯ ВТОРАЯ: ПРОСТИТУЦИЯ

1

Ощущение, что от одиночества можно откупиться за деньги, постоянно является к нам, покидает и возвращается вновь. Но деньги — *это единственное вещество, дарующее свободу*, — оказываются бессильны уничтожить одиночество. Оно приходит, как смерть, в час, назначенный судьбой, и

лишь напряжение духа способно вырвать его трагическое жало. Свадьба и брак пытаются разрушить одиночество, обходя напряжение духа, и это смутно чувствуют все. Стихия денег противостоит браку. Деньги создают вокруг человека круговорот энергий и волю, который приводит к иллюзии духовного движения и свободы. Однако деньги дают лишь независимость и власть, очерченные миром вещей.

Деньги позволяют приобрести другого человека, как вещь, и владеть им, окружив голосами вещей. В нашем мире такая покупка, как правило, делается мужчиной по отношению к женщине¹. Говорящая вещь, добровольная рабыня, наполненная купленной нежностью, становится проституткой.

2 Проститутка продает не только свое тело, *но и свое одиночество*. По большому счету проституция — не просто желание выйти за пределы нищеты наиболее простым способом, но и жажда убежать от одиночества, *продав его*.

3

Покупатель проститутки как говорящего орудия также стремится преодолеть одиночество-нереализованность в мире мужчин и женщин. В отличие от проститутки-продавца, которая живет во власти получаемых денег, мужчина-покупа-

Речь идет о непосредственном физическом и экзистенциальном общении. Безусловно, если некий владелец капитала нанимает рабочих любого пола, то он в той или иной форме *овладевает* ими. Но это владение не имеет своей непосредственной целью преодоление одиночества, оно осуществляется только для производства сверхденег. (В данном случае мы не учитываем возможные моменты сексуальных извращений.)

68

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

тель всегда желает абстрагироваться от них. Он бессознательно пытается убедить себя в том, что в данной ситуации деньги являются чем-то эфемерным и недействительным. Мужчине всегда хочется верить, что он как тело и личность интересен проститутке.

Но эта невинная фантазия разрушается каждой мелочью общения с проституткой. Одиночество неожиданно выпускает когти, словно хищное существо, когда мужчина видит, что его покупка, *наделенная ролью возлюбленной*, бросает взгляд на часы или пересчитывает смятые купюры...

4

Одиночество, порожденное семейной жизнью, только усугубляется проституцией. Переживание одиночества становится все более всеохватывающим и метафизическим. Одиночество превращается в некий вопль, который пытаются заткнуть бесконечной сменой партнеров и партнерш. Однако он не замолкает, а становится только более придушенным и ужасным.

Точно так же, как каждый вдох и выдох приближает нас к физической смерти, точно так же каждый новый купленный и покупающий партнер неотвратимо приближает ужасный миг ощущения одиночества, которое разверзнется перед ними как инфернальная бездна.

5

Одиночество проститутки — это одиночество смятенной или, точнее, *смятой* души среди множества тел.

Знаменитые куртизанки прошлого и настоящего, продающие мужчине не столько тело, сколько душевные способности, еще более одиноки. Они продают не целостность души — ее невозможно продать, а некоторые кусочки себя, которых ждут от них и которые они более или менее удачно *выдают за целое*. Это приводит к *одиночеству себя* среди множества *собственных ролей*. Станный лес воздвигается в душе такой женщины, где каждое дерево претендует на то, чтобы *быть ею*. Но за этими деревьями не видно истинного леса, который мог бы дать отдых и успокоение; в краткие моменты самосознания Я бродит между ними заблудившейся тенью, страдая от собственной ненужности...

69

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

6

Высший уровень проституции — это продажа не только тела, но и душевных способностей — понимания, фантазии, чувства юмора. И одновременно — это самая низкая форма проституции. Чудовищное соединение высоты и низости делает такую проститутку наиболее дорогой, свободной и одинокой — оно делает ее гетерой.

Покупатель гетеры напоминает дьявола, ибо он покупает и душу гетеры. Однако он отличен от дьявола тем, что его покупка исчерпывается временем действия денег. И главное — *ему не нужна*

ее настоящая душа. Покупатель гетеры покупает игру в душу...

7

Настоящая проститутка никогда не бывает одна. Но ее общество — общество случайных мужчин — требует от нее только игры. Никого не интересует ее экзистенция, ее переживания и кризисы. За те деньги, которые она получает, проститутка должна быть всегда весела, сексуальна, красива и *в меру оригинальна*. От этой меры зависит величина ее заработка. Однако это *наигранная оригинальность*, и каждая проститутка глубинно переживает трагичность этого. Мужчинам, покупающим ее, нужна *кажимость, очень похожая на бытие*— этого требует кратковременность общения. Никому не важно, *какова она бывает в одиночестве*.

И проститутка стремится все больше сокращать физическое время одиночества. Однако оно врывается в нее как *метафизическое время— состояние-процесс непонятости и ненужности ее сокровенного*.

Киша 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Глава 6 УГЛУБЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИИ: СВАДЬБА И БРАК

— Ну ее жену к ...! важное в самом деле дело станете делать вместе!

— Нет, брат! она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду. Я тебя в этом уверяю по истинной совести.

Николай Гоголь

1

Свадьба столь же древнее явление, как и парная семья. Это акт сакрального единения мужчины и женщины, засвидетельствованный родом. Древний групповой брак не знает свадьбы, ибо не знает такого явления, как *верность*; в своих сексуальных отношениях он есть *бесконечное свадебное соединение рода*.

Всем известно, как стремится к свадьбе каждая здоровая женщина — свадьба представляется ей *волшебным актом, навсегда лишаящим одиночества*. Безусловно, каждая женщина смутно ощущает, что это — потеря одиночества *лишь в глазах рода*, однако переживание того, что она никогда не будет считаться старой девой, наполняет ее безумной радостью и лишает это смутное ощущение силы.

2

Женщина всецело зависима от мнения рода о свадьбе и браке. Род — высший судья женщины в этих вопросах. Свадебное торжество для рода есть триумф своей власти над женщиной и ее одиночеством.

Рожая, женщина продолжает род. Только через женщину род ощущает свое бессмертие. Поэтому женщина связана с родом тысячами психических нитей, которых лишен мужчина. *Род всегда считает женщину своей собственностью и отдает мужчине лишь в относительное владение*.

3

Мужчине легче, чем женщине, развить волю к одиночест-

71

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ву; женщина стиснута необходимостью продлить род как процесс рождения и смерти, быть природе, *за-мужем*.

Женщина всегда подавлена одиночеством. Замужество выступает для нее возможностью утратить свободу-подавленность и одиночество свободы-подавленности. Замужество для женщины означает более глубокое проникновение в стихию рода. Род тянет и зовет в себя. Поэтому, выбирая между ро-дом-рождением и мужчиной, женщина, как правило, выбирает первое. Мужчина и брак часто необходимы женщине лишь как *средство для рожания* и утверждения себя в телесности рода через создание новых тел.

Отсюда проистекает святое и истовое переживание женщиной законности брака — он дает возможность максимально полно использовать мужчину для продолжения рода.

4

Женщина продолжает род во имя рода и поэтому всегда зависит от оценки родом ее положения при мужчине.

Когда род называет ее любовницей или женой, женщина испытывает *принципиально разные переживания*; абсолютно разные вселенные оживают в ее душе.

Жизнь любовницы отличается от жизни жены *свободой рожания*. Род принимает жену в себя, омывает своим бытием-покровительством через законную беременность и роды. Род есть

постоянное третье лицо в сексуальном и эротическом единении мужа и жены. Любовница соединяется с мужчиной вне рода, выступая более или менее тайной для него, жена соединяется с мужчиной в пределах стихии рода, она *не всегда готова*, но *всегда обязана* родить для него нового представителя. Родовое бытие тайно и явно принуждает ее к этому.

5

Когда мужчина знакомится с женщиной, это не обязательно означает, что он хочет утратить одиночество; иногда он просто желает найти роскошную оправу для своего одиночества...

Для женщины, наоборот, *искреннее движение навстречу знакомящемуся* почти всегда означает тайное или явное желание лишиться одиночества. Как правило, это мысль о свадьбе, порой это мысль о единении через измену чуждому мужчине,

72

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

но это всегда мысль о *близости без одиночества*. Ради этого женщины часто готовы жертвовать свободой.

Такое положение дел, все более характерное для современного западного мира, приводит к трагическому столкновению женского и мужского...

6

Род живет в женщине в двух ипостасях. Это — *инстинкт продолжения рода* и род *как окружающий социум* с его привычками, правилами и стереотипами. Обе ипостаси рода смешиваются в душе женщины, но такое смешение есть лишь отражение единства этих начал *в бытии за пределами ее души*. Любой социум существует для того, чтобы *продолжать и увеличивать себя при помощи женщины*. И возрастание качества жизни и счастья все новых и новых членов социума *желательное, но не необходимое* условие.

Благодаря этому человеческий род так уверенно и плотно населил нашу планету.

7

Часто нам кажется, что усовершенствование и массовое развитие противозачаточных средств в XX веке приводит к новому положению вещей. Но дело не в противозачаточных средствах — они были известны и до XX века — *а в новой морали брака*. Даже самые примитивные народы представляют, как не допустить беременность при сохранении нормального секса. У этих народов существует *запрет на предохранение от беременности*.

Современное западное общество создало такую мораль брака, при которой семья может иметь одного ребенка, а порой и не иметь детей вообще. Это стирает разницу между мужем и женой и любовником и любовницей — брачной и внебрачной парами. Род прищуривается и ослабляет свои объятия.

Но такое освобождение семьи от власти рода и родового достаточно часто приводит не к возрастанию свободы бытия, а к *нарастанию одиночества*. Не в силах реализоваться вне рода и рожания, муж и жена *осуществляют бегство к ребенку* от оргиастически раскованной и наполненной молодостью жизни для себя...

Однако ребенок в западном мире уже не является той аб-

73

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

солютной ценностью, которой он был еще полвека назад. Для достаточно большой категории лиц он становится не целью, а *средством* освобождения от одиночества, чуть выше наркотиков и алкоголя. Отсюда глубинная неустойчивость семейного бытия Запада и отчаянная попытка вернуться к прежней семье. Но, однажды вспыхнув, сексуальная революция оставляет глубинные изменения в семейной психологии.

В этом — одна из фундаментальных причин утери смысла в современном западном мире...

8

Свадьба и брак — два совершенно противоположных полюса семейного бытия. Свадьба несет в себе абсолютную праздничность, брак окружен обыденностью, он напоминает лодку, медленно влекомую течением по кругу обыденности.

Свадьба часто есть *вспышка перед успокоением*. Вспышка чувств, сжигающая одиночество двоих, она становится прелюдией к странной застылости чувств, порождающей одиночество и тоску.

Брак несет в себе удивительное затишье и замирание. Романы, мифы и сказки останавливаются счастливым браком. Он вызывает к жизни некое абсолютное молчание. Реки двух одиночеств сливаются и кружатся в озере. Это озеро может быть прекрасным и милым — с живописными лесами, скалами и полями вокруг, но оно всегда — остановка движения.

Удивительно противостоят *идея брака* как священного единства между женщиной и мужчиной и привычная *обыденность брака*. Ницше сказал по этому поводу поразительные слова:

«Брак: так называю я волю двух создать третьего, который больше тех, кто создали его. Глубокое уважение друг перед другом как перед хотящими одной и той же воли называю я браком.

Да будет это смыслом и правдой твоего брака! Но то, что называют браком многое множество, эти лишние, — ах, как назову я его?

Ах, эта бедность души вдвоем! Ах, эта грязь души вдвоем! Ах, это жалкое довольство собою вдвоем!»¹

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. — С. 62.

74

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

9

Свадьба есть победа упорядоченного женского начала над неупорядоченным мужским. Брак является *победой среднего рода над мужским и женским*. Женщины (или женственные мужчины) всегда более или менее искусно приводят своего избранника к свадьбе. Брак более или менее последовательно приводит мужчину и женщину к бесполому бытию. Эротическое и сексуальное влечение постепенно утихает в браке, мужчина и женщина полнеют или худеют, теряя яркие признаки пола. Они получают взамен угасание *одиночества-ужаса* перед бытием холостяка и старой девы. Они заменяют его *одиночеством-скукой*.

Безусловно, есть семьи, где брак не наделен всеми этими ужасными атрибутами. Однако свобода мужчины и женщины в таком браке и нарастание мужского и женского начал в них определяются, вероятно, *не браком как пиковым, а любовью, которая продолжает существовать в браке*.

Глава 7 СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА

Мне как спутник, как друг, как любовник, нужен человек, который был бы способен меня понимать всю, отвечать на все запросы моей души. Если нет такого одного, мне нужно двоих, троих, пятерых, почему я знаю сколько! Пусть он... усложняет и возвышает свою душу, пусть он дорастет до меня, пусть он одолеет меня в поединке любви — и я буду рада оказаться побежденной. Но поддаваться или притворяться побежденной я не хочу.

Валерий Брюсов, «Последние страницы из дневника женщины»

1

Супружеская измена — это восстание против монотонности брака. Это поиск маскарада и тайны. Это вызов всему рациональному и правильному в семейном бытии.

75

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

И самое главное — это *восстание против одиночества, порождаемого браком*.

2

Супружеская измена может быть случайной и сознательной. Грань между ними удивительно тонка. И та, и другая — результат одиночества в браке. Но сознательная измена — в отличие от случайной — всегда проистекает от *осознания одиночества*. Это осознание порождает необратимое желание измены и *волю к измене*.

Случайная измена всегда неслучайна, однако осознанная измена подготавливается не игрой обстоятельств, а игрой ума. Осознанная измена — это всегда направленное движение к измене. И одновременно это акт, который состоялся задолго до его материализации. Материализация измены выступает чем-то вторичным и угасающим, иначе может быть только при внезапном появлении любви.

Осознанная измена — это предварительная измена в сердце. Она выражает глубочайший внутренний кризис человека — человека, который должен, но не желает разорвать отношения с чуждым ему человеком. Такая измена есть восстание и против монотонности *брака вообще*, и против *конкретного брака с конкретным лицом*. Конечно, осознанная измена может быть результатом желания спасти брак через усиление новизны ощущений, временное отвлечение от партнера и т.д., но она всегда вносит в отношения двоих то *чувство раздвоенности*, при котором они с очень большим трудом (а порой и никогда) не смогут прийти к переживанию единства и счастья.

Ибо одно дело — спасение из серости брака своего возлюбленного (возлюбленной) через создание *новой полноты бытия*, а совсем другое — бегство из этой серости к новому партнеру и новому пестрому бытию, которые рано или поздно обернутся *новой серостью*...

3

Супружеская измена может быть вызвана сексуальным и эротическим одиночеством. Поэтому можно говорить о сексуальной и эротической измене. Первая, как правило, выступает всего лишь результатом недопонимания двоих и, являясь *действительно случайной*, может быть прощена и понята

76

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

гораздо быстрее. Вторая — результат глубокой, иногда непреодолимой чуждости, поиск родного и созвучного. Это бегство от одиночества вдвоем. Чуждые в браке люди, мучительно связанные общими детьми или материальными обстоятельствами, по сути дела, *с самого начала пребывают в состоянии обоюдной эротической измены*. Сила духа и красота души каждого из них будут выражаться в том, *насколько случайная измена каждого из них станет осознанной* и, наконец, приведет к разрыву, который создаст новое, *более чистое эротическое одиночество* и эротическое единство.

Между крайностями сексуальной и эротической измены существуют бездны вариаций.

Так, например, чисто сексуальная измена, когда муж получает от любовницы то, что он *стесняется предложить жене*, а жена не может или *стесняется понять* его, и чисто эротическая измена, при которой женщина, *сексуально и хозяйственно преданная* мужу с детьми, имеет мужчину на стороне *для более богатого духовного общения*, смешиваются причудливо и трагично. Секс и эротика проникают друг в друга, создавая удивительные грани одиночества изменяющих мужчин и женщин.

4

Измена возможна как ослепление, длящееся дни и даже годы. В этом случае возникает измена любви через иллюзию любви. В такой измене сексуальное и эротическое достигают максимально трагического слияния, ведущего к бездне и порождающего бездну. Именно измена любви, пусть даже преходящая и раскаявшаяся, может вызвать те глубинные сдвиги в человеке, которые приводят к бытию сексуального маньяка.

5

Измена может иметь глобальные метафизические причины, выходящие за пределы и лица, которому изменяют, и самого брака. Порой она есть результат простого *любопытства* и *жажды познания* все новых мужчин и женщин, толкающих людей на безрассудные поступки.

Но порой она выходит за пределы любопытства, познания и ненасытности.

Такая измена — вызов человеческому бытию вообще с его серостью и отчуждением. Это желание *эротического слияния* с

77

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

человечеством без сексуальной подоплеку, приводящей к беременности, родам и новому отчуждению. Это желание абсолютного преодоления отчуждения между людьми.

Однако в условиях сегодняшнего бытия человека такая измена почти всегда трагична, ибо касается лишь *отдельных* представителей человечества и почти всегда завершается (или обрывается) сексуальной связью. Такая измена имеет смысл лишь за пределами измены — в сфере творчества для всего человечества. Однако подобное творчество может выступить изменой любви к *конкретному* человеку.

Измена партнеру с *идеями человечества* отражает, может быть, самое глубокое эротическое противоречие современного человека. Любить человечество (нацию) можно только через самого близкого человека. И вместе с тем любовь к ближнему не одно и то же с любовью к человечеству (нации).

Разрешение этого противоречия, возможно, таится в следующем: ***только вступая в андрогинный союз с любимым человеком, можно действительно полюбить человечество.***

6

Если женщина желает, чтобы муж изменил ей, необходимо перестать понимать его.

Если муж хочет, чтобы жена изменила ему, нужно перестать посвящать ее в свои сокровенные замыслы.

Понимать мужчину — значит понимать то дело, которым он увлечен. Именно оно сообщает мужчине эротическую цельность и привлекательность, только через него женщина может дойти до сердца мужчины и утвердиться там. Лишь постигая дело мужчины и становясь его соучастницей, женщина может рассчитывать на понимание *всего мужчины* — вплоть до его сексуальных проблем, а также на *свою незаменимость для мужчины*.

Понимать женщину — значит понимать ее любовь или эротическую привязанность к мужчине. Если для мужчины эротическое реализуется как в общении с женщиной и семьей, так и за их пределами — в созидательной деятельности для нации, человечества, Бога, то истинная женщина полностью реализуется в общении с мужчиной. Она глубинно желает отдаться его целостности и устремленности, чтобы служить им и обрести смысл.

78

Книга!. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Мужчина часто изменяет не с самой красивой, а с самой понимающей женщиной. Женщина же порой изменяет не с самым сильным мужчиной, а с самым увлеченным, а потому цельным и мужественным.

7 До конца оправдать измену может только любовь. Но она оправдывает измену только в том случае, если перестает быть изменой и *освобождается в любовь*.

Глава 8 ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Нет единенья, нет слиянья, Лишь только вечная алчба И согласованность желанья И равнодушие раба.

Валерий Брюсов

1

Очевидно, что любое слияние мужчины и женщины без любви рано или поздно приводит к одиночеству вдвоем. В наиболее яркой форме это проявляется в браке, когда такое одиночество узаконено и скреплено материальными узами.

Однако сами по себе материальные узы рожают не трагедию, а лишь драму одиночества вдвоем. Истинная трагедия возникает тогда, когда к браку примешиваются влюбленность и любовь.

2

Понятно одиночество людей, *купивших друг друга*, она, например, — столичную прописку, а он — ее красоту. Это банальное одиночество будет существовать до тех пор, пока более предприимчивая сторона не доведет свою покупку до логического завершения — развода.

Бесконечно более трагичны другие виды одиночества вдвоем.

Прежде всего приходит на ум одиночество искренне влюбленных людей, которые имеют разный культурный уровень. Их первоначальное общение, наполненное иллюзиями,

79

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

скрывает это различие, но впоследствии, когда прилив чувств отступает, обнажается различие друзей, вкусов, манер и оценок. Такое совместное страдание, закрепленное сексуальным тяготением и общими детьми, может продолжаться бесконечно долго.

С другой стороны, кто-то из двоих может сойти на ступеньку ниже или, наоборот, возвыситься.

Нисхождение-слияние с более низкой средой дает только видимость гармонии, одиночество отступает вглубь, замирает, но рано или поздно проявит себя — во встрече с бывшим однокурсником, забытым другом, в строке стихотворения...

Однако и возвышение порой несет в себе трагедию. Такова история Мартина Идена из одноименного романа Джека Лондона. Простой матрос, полюбив девушку из высшего света, совершает невозможное — в одиночестве преодолевает культурную пропасть между ними. Более того, он полностью меняет свое бытие и начинает *создавать культуру* — пишет рассказы и эссе. Продавая свои творения, он проходит все тяготы и ужасы жизни начинающего литератора и, наконец, добившись блестящего успеха, заполняет долларами имущественную пропасть между собой и возлюбленной.

Казалось, все препятствия устранены. Слияние влюбленных близко. Но тут возникает новое, непреодолимое препятствие — *различие ценностей*, от которого не спасает ни общность прочитанных книг, ни общность положения. Развившийся Мартин Идеи видит чуждость возлюбленной, оказавшейся заурядной буржуазной девушкой. *Лишившись невозможности обладания ею, он лишается иллюзии о ней*. Обыденность общения свергает возлюбленную с небес на землю.

Одиночество вновь охватывает его, словно волны океана; развив творчество из любви к иллюзорной женщине, он не может найти смысла в новом творчестве и новой любви. И он топит свое одиночество в волнах океана...

3

Итак, различие культурного уровня — ничто по сравнению с различием ценностей. Именно последнее приводит к *окончательному одиночеству вдвоем*, изменение которого возможно лишь в

результате апокалиптических метаморфоз жизни.

80

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Наиболее глубокое различие ценностей мужчины и женщины и, пожалуй, *единственно непреодолимое* в обычной жизни — это различие творческой и материальной мотивации. Одиночество достигает тут своего трагического пика, и случайным возлюбленным остается только разойтись по обе стороны этого пика, рана его острием детей и судьбы...

4

Одиночество вдвоем есть трагическая насмешка над свободой взаимоотношений мужчины и женщины, насмешка над самой идеей андрогинного единства мужчины и женщины.

Разрывая его, многие движутся прочь от идеи андрогинного единства и любви — они движутся к власти, надеясь в ней найти последнее преодоление одиночества.

Глава 9 ИЛЛЮЗИЯ ПОСЛЕДНЯЯ: ВЛАСТЬ

1

Каждый из нас изначально стремится преодолеть свое одиночество через сохранение свободы. Такое преодоление и есть любовь в самом широком смысле. Однако далеко не всегда у нас получается это. *Нам тяжело пережить свободу как единство.* Свобода окружающих и близких парадоксально углубляет ощущение одиночества. Пропасть растет. Родные вселенные сталкиваются и расходятся, не в силах создать содружество и со-единение свобод.

Это приводит к неверию в любовь и желанию заменить свободу одиночества на *единство без свободы.* Такое единство есть власть.

2

Власть всегда есть замена любви, точно так же, как воля выступает заменой вдохновения.

Эта аналогия не случайна. Нетрудно увидеть, что вдохновение определяет любовь, воля — власть. Вдохновение — бесконечное расширение и *окрыление* свободы, воля — ограничение и концентрация свободы в очень малом объеме.

81

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Вдохновение и воля — разные формы бытия свободы, приводящие к любви или к власти.

Любовь есть завершившееся и осознавшее себя вдохновение. Вдохновение в любви постигает свой эротический характер и необходимость андрогинного единства.

Власть есть завершившаяся и осознавшая себя воля. И вместе с тем она всегда выступает как *воля к новой власти*, постоянно стремясь преодолеть свои границы. Власть всегда есть *властвование над властью.* Это с трагической ясностью показал Ницше, а за ним — Хайдеггер.

Нарастающая власть стремится назвать себя свободой. Но власть есть ограничение свободы, а потому всегда — ограничение эроса и отчуждение от эротической близости.

3

Обладающий властью всегда чувствует свою недостаточность. Но он топит это чувство в желании большего и неограниченного властвования над собой и миром. Однако оно имеет свои границы. Ибо нарастание власти над собой *ограничено пределами власти.* С определенного момента оно застывает и возможно дальше только *через превращение власти в любовь и свободу.* Без этого превращения власть переходит исключительно во власть над другими. Ее нарастание есть нарастание жестокости и одиночества, *ослабляющих* и, наконец, *убивающих власть.*

Власть обретает смысл только как путь к любви. В противном случае она переплавляется в абсолютное одиночество властителя. Фридрих Ницше, растворяющий в воле к власти вдохновение и любовь, приходит к космическому одиночеству Сверхчеловека и его пророка Заратустры. Их одиночество — огромная тень одиночества самого Ницше, отвергнувшего любовь вместе с бессмертием и Богом...

4

Но власть над другими — достаточно мощная сила, чтобы на первых порах создать иллюзию преодоления одиночества.

В наиболее масштабной форме эта власть может быть выражена в политической власти, стремящейся стать властью над нацией и человечеством. Она требует максимальной концентрации воли властителя и всей его жизни.

82

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Однако возможны и камерные формы власти над другими. Это может быть власть над животным

и упоение его преданностью, власть в семье — над женой (мужем) и детьми, власть-администрирование в науке и искусстве.

Но чем больше иллюзия преодоления одиночества ослепляет властвующего, тем более мучительным будет прозрение...

5

Итак, именно ограничение, а затем убийство свободы приводят властителя к одиночеству — тайному и совместному пульсу его и осчастливленных подданных. Многоногий организм несвободы окружает властителя, и он есть его одинокое сердце.

Некрофилия властителя — попытка дьявольского разрушения этого одиночества. Смерть представляется чем-то более ужасным, чем одиночество, и оно должно померкнуть на ее фоне. Но бездна одиночества властителя сродни бездне смерти. Рано или поздно они соединяются, бесконечно углубляя друг друга. Эта новая бездна — результат *материализма властителя, материализма, имеющего парадоксально мистическую форму*. Этот материализм заставляет искать трансцендентное в смерти и механическом расчленении живого. Трансцендентное как Бог и абсолютная гармония бессмертия — единство, которое действительно очищает одиночество властвующего, становится все более непостижимым и недоступным.

Одиночество такого властителя есть одиночество маньяка, раздувшееся до границ государства. Его одиночество становится одиночеством всех. Сущность тоталитаризма такого властителя есть неудержимое желание *передать свое одиночество всем подвластным*. Смерть, целая цепочка смертей становится мостом, по которому одиночество властителя перетекает в государство, рождая донос и измену себе, а также ужас доноса и измены себе.

Однако этот чудовищный мост непрочен и не выдерживает вес власти-одиночества.

И бездна ждет властителя...

Так было во времена Калигулы. Так было во времена Ивана Грозного. Так было во времена Гитлера и Сталина.

83

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

6

Бегство от свободы-одиночества в кажущуюся соборность власти приводит к бесконечной полноте одиночества. Обыденное мышление всех времен и народов, *объединяющее свободу с властью*, а любовь — с *отрицанием свободы*, забывает об этом одиночестве, точнее, не хочет замечать его. Уже сам факт такого одиночества означает, что власть лишь частично связана со свободой.

Сети одиночества-власти улавливают утративших способность любить, и они навсегда запутываются в них. Неспособность любить есть самая глубокая несвобода. Власть таких людей замыкается в одиночестве и, становясь одиночеством, навсегда теряет себя.

7

Убийство любви есть самоубийство власти.

Власть без любви стремится породниться с ужасом и погибнуть. Ужас может лишь временно и частично усилить ее. Объединение власти с ужасом — первый шаг в бездну полного одиночества. Любовь есть высшая свобода. Поэтому верно и иное высказывание — самоубийство власти есть результат убийства свободы. Однако тут необходима оговорка. Существует свобода-любовь и свобода-произвол. Различие между ними — *в степени слияния с любовью* или, наоборот, с материей. Власть, порожденная свободой-произволом, материальным хотением, беременна одиночеством и только очищается от удаления подобной свободы. Эта свобода есть воля за пределами любви, океан воли, чуждый созерцанию и представлению, более того — *чуждый вдохновению*. Такая свобода всегда трагична и одинока; точно также трагична и одинока порождаемая ею власть.

8

Истинная антитеза есть антитеза *не свободы и любви, а любви и власти*.

Обыденное размышление противопоставляет любовь и свободу, ибо чувствует — то, что оно называет любовью, не может быть свободно.

84

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Свобода всегда вторична по отношению к любви и власти. Она распята между любовью и властью. Именно в этих пределах она обретает свое трагическое бытие.

Любовь и власть, отчужденная от любви, аналогичны Богу и дьяволу, свобода — человеку. По

мере удаления от любви к власти свобода все больше становится одиночеством...

Поэтому Кьеркегор был лишь отчасти прав, когда говорил, что понятием, противоположным греху, есть не добродетель, а свобода. Таким понятием является любовь, дарующая свободе истинность и вечность.

9

Но может стоит избегать власти, пытаясь заменить ее любовью и дружбой? Ответ на этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Воля к власти имеет свой глубинный смысл. Она дает личности цельность и устремленность. Власть есть процесс изменения человеком своей животной природы и уничтожение обыденности властвующего. Безусловно, речь идет о *власти над собой*. Любовь и дружба, не поднятые такой властью над горизонталью обыденности, превращаются в пошлую скуку и радость совместного время-убивания. Они перестают быть любовью и дружбой. *Путь к свободе и истинной любви лежит через власть над собой.*

Однако трагизм ситуации выражается в том, что власть над собой как *разрушение обыденности внутри себя* требует подобного разрушения и вокруг себя. Это порождает власть над другими. Такая же власть тянет в тайный водоворот несвободы как зависимости от подвластных и одиночества как неспособности полюбить их. Выходом, вероятно, может быть лишь одно — *изначальное соединение власти над собой и любви*, парадоксально вмещающей любовь к окружающим в их идеальном и освобожденном бытии, любовь к идеальному себе, любовь к неповторимой женщине и любовь к Богу.

Этот выход есть соединение воли к власти и воли к любви. Или иначе: воли и вдохновения.

Такой путь — часто *тоже путь одиночества*, но именно он ведет к абсолютному преодолению одиночества.

На этом пути приобретает окончательный смысл *воля к одиночеству*. *Лишь он ведет мимо бездны.*

Власть-одиночество есть результат разочарования в любви и свободе. Власть, объединившаяся с ними, делает одиноче-

85

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ство невозможным. Однако такое объединение не было окончательно дано еще ни одной исторической личности...

Лишь в лице Христа мы видим пример абсолютного превращения власти в любовь и свободу, а любви и свободы — во власть. Власть над обыденностью, возвышающую и очищающую ее

Глава 10 ОБРАЗ ЛЕНИНА: ОДИНОЧЕСТВО ПРОТИВОБОГА

Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честлюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению...

Николай Бердяев

1

Выше было показано, что власть, лишенная любви, уничтожает себя. Хотя возможно единение власти с иллюзорной любовью, любовью-суррогатом и любовью-призраком. Это единение продлевает дни и ночи власти.

Удивительным примером этому есть жизнь и борьба Ленина.

2

Ленин есть существо среднего пола. Именно это определяет его глобальное одиночество. Вот главный тезис, который будет развиваться и доказываться в этой главе. Разумеется, речь пойдет не о фантастических разоблачениях физиологии и анатомии Ленина (например, о наличии у него женских половых органов и т. п.), речь пойдет о состоянии психики.

О том, что Ленин психически лишен мужского пола, говорит вся логика его жизни. Его отношение к женщинам окрашено равнодушием и рационализмом. Он воспринимает их не как женщин, а как специфических товарищей, служащих делу революции. В его сознании они даже не являются сестрами. Женщины отличаются от мужчин лишь определенным

86

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

способом организации тела, который часто обременяет их, но при известных условиях может быть преодолен и возвышен.

Ленин лишен любви к конкретной женщине. Надежда Крупская есть его придаток, материализация воли и популяризатор мысли. В главных вопросах жизни она не воспринимается

им как женственность и, уж конечно, не участвует как женственность в его борьбе. Для того, чтобы войти в эту борьбу, ей необходимо *одолеть свою женственность*. Она женственна ровно настолько, насколько это может понадобиться революции. Под воздействием Ленина она утрачивает пол и входит в *усредненную половую жизнь*. Смысл этой жизни лежит за пределами пола и отношениями между полами. Она принципиально лишена и сексуального, и эротического звучания.

Образ Женщины вытесняется и заменяется образом Революции — единственной женщины и женственности, доступной Ленину. Но революцию нельзя любить. Ее можно только страстно желать. Революция слишком динамична, чтобы самой быть целью. Она есть переход к новому бытию, преддверие метаморфозы. Хаос и ничто в революции ждут своего перехода к новому космосу и бытию. Страстное желание революции для Ленина является желанием *собственной метаморфозы*, которая может подарить пол и связанную с ним полноту жизни...

3

Но на этом пути обретение пола невозможно.

Поэтому революция, эта динамическая и жестокая женственность, болезненное торжество социальной диалектики, требует для Ленина иной коллективной женственности — женственности статичной, укорененной в бытии. Такая женственность должна быть не только в будущем, но и в настоящем. Она должна быть не только мечтой и идеалом, но и реальностью, это дает шанс обрести любовь и пол.

Подобной женственностью для Ленина становится партия. Партия — есть воплощение идеала и островок постреволюционного будущего. Ленин вступает в мистический брак с партией, создавая и все больше влюбляясь в ее образ. Партия должна быть целостна, и она должна иметь целостное мировоззрение — этого влюбленный и властный мужчина всегда требует от женщины. Единство мужчины с такой женщиной

87

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

означает рождение жизнеспособного нового и его победу над миром. В этом смысле весьма показательны слова Н. Бердяева — мыслителя, который наиболее близко подошел к разгадке тайны Ленина:

«Целью Ленина, которую он преследовал с необычайной последовательностью, было создание сильной партии, представляющей хорошо организованное и железно-дисциплинированное меньшинство, опирающееся на цельное революционно-марксистское мирозерцание. Партия должна иметь доктрину, в которой ничего нельзя изменить, и она должна готовить диктатуру над всей полнотой жизни»¹.

4

Итак, партия для Ленина есть одновременно детище и возлюбленная. Но, развиваясь, эта возлюбленная утрачивает женские и *обретает мужские черты*. В ней растет волюнтаристическое начало. Ленин радуется воле партии и страшится ее. Исходя из интересов революции, необходимо мужское, сильное начало, и вместе с тем *ему необходимо подчинение партии* — для утверждения себя как мужчины и воли. Фракции и ереси решительно отсекаются Лениным, хотя в глубине души он не может не чувствовать, что партия теряет волю и творческий порыв.

Противоречие раздражает Ленина. Реальное разрешение этого противоречия — в преодолении влечения к неперсональному и перенос его на личность. Ленину необходимо преодолеть эротическое тяготение к коллективу, уничтожающее сущность эротизма и любви.

Однако Ленин оказывается неспособным на это. Единственным выходом для него становится *наделение партии средним полом*, которое закрепляет его собственное среднеполое бытие и окончательно уничтожает тягу к действительной эротической жизни. И это приводит к удивительному единству партии — за счет отсечения всего нестандартного, волевого и яркого — и процветанию среднего дисциплинированного типа.

«Когда Луначарский попробовал заговорить о богоискательстве и богостроительстве, — пишет Бердяев, — то, хотя

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.— С. 98-99.

88

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

это носило совершенно атеистический характер, Ленин с яростью набросился на Луначарского, который принадлежал к фракции большевиков. Луначарский вносил усложнение в целостное марксистское мирозерцание, он не был диалектическим материалистом, этого было достаточно

для его отлучения»¹.

Единство-селекция посредственностей нагнетает одиночество вождя большевиков в усредненной массе, ибо одноименные заряды отталкиваются. Безусловно, это не означает непосредственное отторжение — наоборот, как мы увидели выше, одноименность приводит к укреплению материального единства — нет, речь идет о глубинном метафизическом разъединении, приводящем к одиночеству связанных *нетворческим* и *неэротическим* делом, делом, лишенным любви и свободы. Подобное одиночество лишь через несколько поколений может привести к материальному распаду, но оно обязательно приведет к нему...

5

Сказанное порождает аналогию Ленина и Канта, ибо Кант так же находится по ту сторону женского и мужского.

Ленин — это Кант эпохи пролетарских революций. Их объединяет последовательный рационализм и критицизм. Они близки в своей неспособности пережить экзистенциальное потрясение от встречи с женщиной.

Однако это лишь частично так. Кант гораздо эротичнее Ленина, он имеет представление о женственности как мудрости — высшее эротическое переживание, свойственное всем философам. Оно было впоследствии доведено Владимиром Соловьевым до учения о Божественной Софии.

Ленин практически лишен такого переживания эротической жизни. Он сужает женственность до революционного действия и единения действующих — совершающих насилие над действительностью. Женственность для Ленина представляется жестким и силовым началом и, одновременно — покоряющимся и несвободным. Эти черты женственности мы можем найти в древних языческих культах Кибел-лы — богини, требующей жестокости и человеческого стра-

' Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — С. 98.

89

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

дания, взирая на них равнодушными глазами материи-прародительницы...

Мистическое соединение с женственностью-мудростью представляется Ленину идеалистическим бредом, все его вне-эротическое существование восстает против этого. Отсюда чуждость Ленина духовной и философской элите, приводящая к удивительной направленности, цельности и узости мировоззрения, в котором число ответов невелико, но *все же превышает число вопросов*. Поэтому в пределах мировоззрения Ленина философия легко переходит в идеологию, а идеология столь же просто становится религией...

Бердяев пишет: «Тоталитарный марксизм, диалектический марксизм есть абсолютная истина. Эта абсолютная истина есть орудие революции и организации диктатуры. Но учение, обосновывающее тоталитарную доктрину, охватывающую всю полноту жизни — не только политику и экономику, но и мысль, и сознание, и все творчество культуры — может быть лишь предметом веры»¹.

Материалистическая диалектика Маркса, Энгельса и Плеханова еще не до конца отчуждена от философии, диалектический материализм Ленина и Сталина находится в абсолютном и агрессивном одиночестве по отношению к миру философии, больше того, к миру культуры.

В мировоззрении Ленина, извергающем неприязнь ко всему эротическому и андрогинному, искажаются и в то же время достигают мучительной ясности прежние черты российской революционной интеллигенции: «кажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом... подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера»².

6

Неспособность к эротическим переживаниям и любви приводит Ленина к неспособности постижения идеи вечности и абсолютности духовного — к неспособности постижения идеи Бога и индивидуального бессмертия. Именно поэтому

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — С. 100. " Там же.

90

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Ленин уже в отрочестве осознанно и самостоятельно становится атеистом.

С этого момента начинается самое глубокое и метафизическое одиночество Ленина — *одиночество в мире без Бога*, — то "одиночество, которое в это же самое время переживают Ницше и герои Достоевского. Но если Ницше и герои Достоевского впадают в безумие и абсурд

во вселенной, где нет идеи Бога, то Ленин остается в здравом рассудке, больше того, обретает практическую устремленность. Ленин становится не просто безбожником, он превращается в Противобога. Вся среда России, лишенная полноты эротизма, — среда нигилистической социал-интеллигенции, а затем пролетариата и беднейших крестьян, обожествляет Ленина. *Ленин есть божество обыденного и среднего*, того среднего, которое поглощает великие страсти и различия полов. Остается лишь желание материального равенства при абсолютной убежденности в равенстве духовном и эротическом...

Ленин, с самого начала — культ и божество, этот удивительно живой и целостный мыслитель, заглядывающий на десятилетия вперед, неизбежно слеп к извечным проблемам Духа. Всемирная история Духа течет мимо него, оставляя в одиночестве. Проблемы Духа пребывают выше пределов досягаемости могущества Противобога. Ленин *неспособен исказить их и поставить на службу своему делу*. Поэтому образ Ленина как Противобога подобен, но не тождественен образам дьявола и Антихриста — ибо они обладают мощным внеэротическим началом, искажающим Дух, и есть бездна, а не посредственность и справедливость. Ленин не есть бездна отрицательного, *это бездна нуля*. Умножение личности на ноль дает ноль, — если личность позволяет себя умножить. Почти все в окружении Ленина, а затем и во всей стране, попадают под воздействие этого магического умножения...

Ленин стремится отстраниться от Духа и его жизни, подбирая крохи и искры Духа, — волю, диалектический рассудок и живое созерцание. Ему доступны лишь эти кусочки Духа, и потому он не может поверить в вечное бытие Духа.

Бессмертием наделяется материя. Ленин заморожен ее бесконечностью и мощью. Безграничная материя шевелится вокруг него и в нем, течет в бездны новых циклов, поглощая Революцию, Партию, Истину, — делая их относительными.

91

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Тяга к Материи — последняя попытка обрести метафизическую женственность и стать мужчиной. Но Материя равнодушна к Ленину и его искаженному эросу. Не оплодотворенная Духом, она оставляет ему лишь волю к социальным экспериментам. И тут Материя со всем своим хтоническим могуществом дает Ленину власть над людьми. Эта власть реальна, но преходяща. Ибо самый посредственный человек в конце концов есть Дух. А Ленин, как поразительно точно пишет Бердяев, «не верил в человека, не признавал в нем никакого внутреннего начала, не верил в дух и свободу духа. Но он бесконечно верил в общественную муштровку человека, верил, что принудительная общественная организация может создать какого угодно нового человека, совершенного социального человека, не нуждающегося больше в насилии. Так и Маркс верил, что новый человек фабрикуется на фабриках. В этом был утопизм Ленина, но утопизм реализуемый и реализованный. Одного он не предвидел. Он не предвидел, что классовое угнетение может принять совершенно новые формы...»

Не добившись обретения пола, Ленин искренне желает *освободить материю человека от Духа и Эроса*, которые представляются среднему полу лишь мишурой на цепях эксплуатации. Однако Ленин приводит человека к еще большей материальной нищете и зависимости.

Таков закон Вселенной. Порабощение Духа всегда приводит к деградации материи.

7

Ленин создал революцию, партию и государство посредственностей. Исторические условия сложились так, что посредственности победили. Они победили, заменив Бога на Материю. Они стали у колеса истории, породив бесполоую науку, бесполое искусство и бесполоую философию. Но история, вознеся это государство посредственностей, эту империю, чуждую эротизму, вернула их праху и материи...

Булгаковский Шариков — всего лишь искаженное отражение Идеальной Посредственности Ленина.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. — С. 105.

92

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

8

Противобог Ленин бессознательно желает походить на Христа, но они глубинно разные — человек среднего пола и андрогинная личность...

Гуманизм Ленина есть *гуманизм среднего пола*...

9

Ленин заменяет любовь справедливостью. Более того, он заменяет любовь *социальной справедливостью*. Достижение социальной справедливости требует насилия, а поддержание — власти.

Власть входит в бытие Ленина, но эта власть не усиливает его мужское начало, ибо это может сделать только власть во имя Женщины, Эроса и Любви.

Социальная справедливость — это подобие любви, ее истончившийся призрак. Но даже как призрак любви она дает власти Ленина достаточно долгую жизнь.

10

Сталин есть мужское начало, продолжающее бесполое дело Ленина. Сталин — неизбежное усиление власти и жестокости, ибо мужчина, продолжая дело среднеполого, всегда ненавидит себя и это дело. В образе Троцкого, пытающегося сжечь усредненность в огне мировой революции, мы видим то же самое.

Сталин одинок благодаря Ленину. Его жестокость есть продолжение жесткости и цельности Ленина. Ленин еще не некрофил, он пока *технофил*, принимающий коммунизм как воспитание и бытие нового человека *наравне* с электрификацией всей страны. Более того, это технофил, желающий воспитать нового человека *через* электрификацию всей страны.

Но свет лампочки Ильича не способен развеять мрак душ, лишенных идеи Бога и индивидуального бессмертия...

11

Ленин — это юродивый среднего пола. Юродивость дает ему возможность глубинного сближения с народным, массаами России.

Но он хочет чувствовать себя святым. И официальная пропаганда делает его святым в земной жизни и в жизни по-

93

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

еле смерти. Однако магия диалектического материализма Ленина, заменившая православие, *превращает эту святость в вещество*. Святость Ленина тиражируется в бесчисленных бюстах, картинах, памятниках и, окончательно потерявшись в них, низвергается в материю...

12

Крах СССР — это крах *государства усредненных полов*. Это крах государства, порожденного одиночеством человека среднего пола, государства, унижающего женственность-любовь и мужественность-творчество. Это крах государственного атеизма, ибо атеизм — религия среднеполоых — оказался неспособным дать смысл и цель.

13

Российская империя есть водоворот народов, затягивающий в бездну СССР.

Средний пол Ленина — символическое выражения этого и наказание за это...

14

Российская империя была наказана средним полом Ленина, *бегущего от одиночества в коммунизм*, как страна, совместившая несовместимое. Она есть единственная страна, физически и государственно соединившая в себе Европу и Азию. Но все бесчисленные народы, включенные Россией в себя на месте этого удивительного соединения страдают от него.

Российская империя не смогла найти духовный синтез Европы и Азии — синтез религии, философии и искусства. Она осуществила имперский синтез — *властное* соединение национальных культур. Но от этого не в меньшей степени пострадала сама российская культура — она была распята в социалистическом бытии империи. Великая русская философия конца XIX — начала XX века — преддверие синтеза Запада и Востока — обретает себя вопреки империи и имперскому — вопреки властному началу, лишенному любви.

15

Безмерное одиночество российской интеллигенции и ее народа в империи, породившее волю к коммунизму, может быть преодолено только через *очищение от империи*.

94

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Глава 11

ОДИНОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО КУЛЬТУРИСТА:

АРНОЛЬД ШВАРЦЕНЕГГЕР

1

После падения мифов подражателей мифу Ленина — мифов Сталина и Гитлера — в политике

западного мира угасает непосредственная и явная воля к власти. Эта воля, завершающаяся *волей к обожествлению*, заменяется *волей к политическому успеху*. Сталин и Гитлер — последние политики XX века, которые были обожествлены и стали абсолютными кумирами своих империй. Мы говорим это о западном мире, пока еще определяющем императивы политики и массовой культуры планеты, а потому оставляем в стороне Восток с феноменами Мао, Хомейни, Хусейна и т. п., мифы которых развиваются в пределах одной нации и лишь частично выходят на планетарный уровень.

Итак, западному миру, прежде всего его молодежи, нужны совсем новые кумиры. Это кумиры, воля к власти которых выходит за пределы политики. Политика становится слишком будничной, теряет зрелищность и экзистенциальный надлом. **В ней больше нет героев.** Все те, кто жаждет успеха и победы, рождающих преклонение и славу, должны направить свою волю к власти в совершенно другие сферы. *Они должны изменить свой расовый облик — раздвинуть пределы генетически допустимого.* Именно в этом — истинная причина появления и бурного расцвета культуризма в XX веке.

2

Культуризм реализуется как воля к *неотчуждаемой* власти в эпоху окончательной победы демократии над аристократией и цивилизации над культурой. Он есть воля к неотчужденной власти в эпоху восстания масс.

Культурист желает превратить свое тело в орудие власти и властвования. Это эстетическое властвование над мужчинами и женщинами, в котором **красота парадоксально сочетается с ужасом.** Находятся идеальные пропорции тела, которые наиболее мощно выражают тип властелина. И, главное, создается система телесного строительства, ведущая к идеалу. В

95

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

результате каждая часть тела культуриста становится увеличенной и оформленной властью над собой, а все тело в целом устремлено к властвованию над миром.

3

Любой культурист бессознательно отождествляет себя с аристократом прошлых веков, которого происхождение и шпага поднимают над толпой. Только шпагу ему заменяют трицепсы.

4

Культурист производит над собой бесконечное волевое усилие, он пребывает на пределе воли, достигая тела властелина. Под его кожей перекачиваются не просто мускулы, а материализованная воля.

Предел воли характеризует любой вид спорта, но только в культуризме она достигает внеспортивного бытия и могущества. Ни один вид спорта не имеет таких эстетических последствий. За пределами игры великий футболист может показаться вам серым и обычным; великий культурист будет все время будоражить ваше восприятие.

Культуризм отличается от всех остальных видов спорта двумя принципиальными особенностями: максимальной свободой и возможностью развития индивидуальности. Все остальные виды спорта проходят под жестким диктатом тренера и числового результата. Они близки к индустрии. Культуризм приближается к искусству. Он вызывает аналогии с деятельностью скульптора, а динамический характер выступлений роднит его — как ни парадоксально — с балетом и фигурным катанием.

В культуризме с его свободой и развитием индивидуальности в XX век возвращается античность с ее атлетической и философской свободой.

Культуризм для XX века — самый молодой и самый древний вид спорта и искусства. Он находится в самом начале развития. И его может ожидать странное будущее...

5

В культуризме находит свое трагическое выражение мужественная женщина. Она преодолевает в нем свое одиночество и одновременно укрепляет его. Женский атлетизм — это ло-

96

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

гическое завершение женской эмансипации и безумная попытка прорваться к андрогинизму без мужчины.

6

Как и всякое искусство власти, культуризм всегда приводит к одиночеству. Телесное выделение человека из среды, рождающее удивление и ужас, рождает и тайную вражду. Тяготение к атлету

соединяется со странным отчуждением от него.

И проблема не только в телесности культуризма и психологии среднего человека. Проблема даже не в том, что мышцы — самая эфемерная часть тела, которую биологическая смерть разрушает в первую очередь, оставляя археологам грядущего лишь скелет культуриста. Проблема — в одиночестве власти без любви. Культуризм как волевое преодоление одиночества, порыв к *власти над одиночеством* без и вне любви обречен на одиночество.

7

В целом же культуризм XX века есть реализация мужества в мире угасающей мужественности. Ощущение угасания мужественности-аристократизма Ницше выразил в своем презрении к западной культуре. По сути дела, Ницше был первым, кто предсказал появление культуризма. Сверхчеловек, лишенный внетелесного Духа, может утвердить себя только через новое тело и новую волю.

Культуризм — есть странная попытка наполнить западную культуру XX века той волей к власти, которой она уже не обладает в мире стандартных вещей. Не случайно массовая культура демократизированного Запада породила в 20—30-е годы XX века сериалы о сверхлюдях с нечеловеческой силой и магическими способностями, выраженные в комиксах, а затем мультфильмах и фильмах. Тоска по воле к власти, стоящей над цивилизацией, сквозит в образах Бэтмена и Конана-варвара.

8

Однако развитие современного атлетизма есть не только тоска по прошлому, но и предчувствие будущего. Будущего, в котором поднимаются новые, прежде побежденные расы.

Культуризм XX века — арена противостояния белой и черной рас, противостояния их воле к власти.

4 Зак. № 925

97

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

9

В культуризме всегда есть власть над собой и окружающими, стремящаяся сокрушить одиночество изнеженного индустриальностью человека Запада. Культуризм не есть власть тела, это власть воли. Но культурист может властвовать лишь *при помощи тела*. И все же в исключительных случаях он способен возвыситься и двигаться дальше, чтобы властвовать на уровне волевого покорения мира *за пределами тела*. Таким культуристом становится Арнольд Шварценеггер, и в этом его наивысшее одиночество.

10

Арнольд Шварценеггер есть нечто большее, чем обычный культурист. Он выделяется среди других культуристов словно представитель иной расы, побеждая не просто сложением и волей, но и насмешкой, и вдохновением.

Арнольд Шварценеггер — наиболее завершившийся тип культуриста — наиболее осознавший свою волю к власти. Это позволяет ему выйти за пределы культуризма и столь же напряженно завоевывать мир в кино и бизнесе.

Арнольд Шварценеггер есть классический покоритель Америки. Америка, это женственное начало, всегда жаждет европейскую мужскую силу. Остро переживающая свою юность, сделавшая даже цвет своих долларов символом юности, Америка желает воли к власти, которая приходит из *Старого Света*.

11

В лице Арнольда Шварценеггера Америка получает пра-давний пыл арийской расы. Шварценеггер соединяет в себе Терминатора, ужаснувшего и спасшего Америку, с Конаном-варваром, принесшим из древних киммерийских степей чудовищную мужскую мощь.

Образ Шварценеггера — в его собственном лице и в лице всех его героев — это сегодняшний и грядущий вызов белой расы черной и желтой расам, и более узко — это вызов германца романцам¹.

¹ Вспомним его соперничество с культуристом Оливой и актером Сталлоне.

98

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

И одновременно — это *предчувствие метаморфозы во взаимодействии рас*.

Образ Шварценеггера — *воплощенное нежелание признать завершение воли к власти западного мира*. Это нежелание признать победу над ней воли к обогащению и инстинкта самосохранения —

продолжения рода. Это нежелание принять окончание конструктивной силы и смысла воли к власти.

И вместе с тем его образ — выражение *предела воли к власти*.

Попытаемся понять это в аналогии.

Образу и мифу Шварценеггера противостоит образ и миф Брюса Ли. Это противостояние статического и динамического начал. Однако в своей статике Шварценеггер эпичен, динамизм Брюса Ли лишен эпоса; он только драматичен. Арнольд Шварценеггер и Брюс Ли есть трагическое выражение воли к власти белой и желтой рас в XX веке — соревнования Европы и Азии, развернувшегося *под воздействием Америки*. Образы и мифы Шварценеггера и Ли создаются в Европе и Азии, но свое высшее развитие и завершение они смогли получить только в Америке, этой стране всеобщего соперничества и смешения рас.

Шварценеггер есть эпический герой. Как эпический герой он странствует по просторам исторического и легендарного мира. Он выступает эпическим героем на экране и даже на культуристическом помосте, сражая своих противников, словно хтонических чудовищ. И эпос, окружающий его, стремится стать мифологией.

Именно недостаточная эпичность губит Брюса Ли... Он столь же трагически одинок, как и Арнольд, но его одиночество *лишено эпической защиты*, и миру проще разрушить и его одиночество, и саму его жизнь.

Вероятно, не стоит особенно развивать мысль о том, что все кино-воины, пытающиеся соединить в себе качества Арнольда Шварценеггера и Брюса Ли, так и не смогли достигнуть их легендарности...

12

Пророк Заратустра признал бы Арнольда Шварценеггера Сверхчеловеком, он обладает не только сверхчеловеческой мощью и волей, но и наполнен безжалостным смехом над слабостью мира. Он стоит на пороге метаморфозы.

99

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Но метаморфоза эта возможна только через соединение власти с любовью, а тленного тела — с бессмертным духом — всем тем, чего желали Заратустра и Ницше, но во что не могли поверить...

13

Шварценеггер глубинно желает чего-то большего, чем покорение Америки или получение Оскара за лучшее исполнение мужской роли. Одинокий и непонятный, он может ожидать столь же странное будущее, как и весь культуризм, который, пройдя толщу веков, утвердился на стыке тысячелетий странным символом красоты и ужаса.

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Часть IV ДЫХАНИЕ ВЕЧЕРА: ДЕТИ

Ты молод и желаешь ребенка и брака. Но я спрашиваю тебя: настолько ли ты человек, чтобы иметь право желать ребенка?

Победитель ли ты, преодолел ли ты себя самого, повелитель ли чувств, господин ли своих добродетелей? Так спрашиваю я тебя.

Или в твоём желании говорят зверь и необходимость? Или страх одиночества? Или недовольство собою?

Я хочу, чтобы твоя победа и твоя свобода страстно желали ребенка.

Все в женщине загадка, и все имеет одну разгадку: она называется беременностью.

Фридрих Ницше

101

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Глава 1 ОДИНОЧЕСТВО И ДЕТИ

1

Абсолютно понятен сюжет: случайная беременность, рождение и заброшенность ребенка, приводящая к его одиночеству. Семья или ее отсутствие не играют здесь принципиальной роли; такое одиночество прорастает в любом случае...

Развитие цивилизации в конце XX века имеет хотя бы тот положительный факт, что нежелательных рождений становится меньше. Секс все в большей степени отделяется от деторождения. Этот процесс грозит охватить страны Латинской Америки, Азии, Африки — все то, что мы еще называем третьим миром. Можно допустить, что в XXI веке случайных детей и случайного одиночества в детстве будет еще меньше — *именно это превращается в важнейший*

компонент культуры секса. То, что раньше было уделом отдельных личностей, постепенно становится правилом человечества.

Но речь сейчас пойдет об ином: одиночестве ребенка желанного, ожидаемого и любимого, — *одиночестве как фатальном моменте детства.*

2 Возможность одиночества заложена уже в самом акте родов. Разъединение матери и ребенка, разрезание пуповины, соединяющей их, приводит к ощущению трагической вы-брошенности в мир. Это ощущение, переполняющее психику ребенка в первые дни после рождения, постепенно вытесняется новыми отношениями с матерью — кормлением, лаской рукой и звуками. Абсолютное единство — внутриутробное единство крови матери и ребенка — заменяется единением при помощи молока, прикосновения и голоса. Но впоследствии возникает новое ощущение единства. Разрезанная пуповина восстанавливается на психоэнергетическом уровне. Мать начинает воспринимать ребенка как нечто противоположное, отличное от себя. Она начинает осознанно говорить с ним, поражаться непостижимым причинам его плача, сердиться на него, радоваться его успехам и удивляться его от-личности от себя. Это еще крепче соединяет мать и дитя. Тьма внутриутробного обновления наполняется светом, и

102

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

ребенок начинает воспринимать мать как целостный мир, принадлежащий *лишь ему* и живущий *лишь для него.*

3

Поэтому, когда ребенок осознает, что у матери есть другая жизнь, иные, *отличные от него интересы,* он воспринимает это как трагедию.

У разных людей она случается в разное время. Это зависит от обостренности восприятия жизни и от личности матери. Но одиночество, рожденное осознанием того, что мать не принадлежит тебе, как вещь, в любом возрасте оказывает колоссальное воздействие на личность ребенка. Это аналогично второму рождению — ребенок опять выбрасывается в мир, где ему суждено утвердить себя как личность.

4

Точно так, как при физическом рождении, ребенок начинает присваивать молоко, воздух, цвета, звуки и запахи мира, теперь он побуждается к присвоению своего духа, пробуждается к самопознанию. Одиночество всегда подталкивает к вопросу: «Кто Я?». Из «Почему Я одинок?» рано или поздно рождается «Зачем Я?». Ощущение матери многоплановой личностью, которая может родить еще одного ребенка, уехать на съемки фильма, задержаться в библиотеке и т. д., сдвигает меня с положения в центре Вселенной. Я понимаю, что Вселенная значительно больше, чем обмен прикосновениями и пищей в маленьком мире «Оно — Мать». Я все больше начинаю переживать свое прежнее состояние безраздельного владения матерью *как безличное, «Оно».* Мое новое Я входит, как луч в темный и таинственный мир за пределами матери, и он внезапно освещается. И в этом безжалостном свете уже в раннем детстве открывается смысл одиночества.

5

Смысл одиночества в детстве... Печальная бездна, в которой личность прикасается к пониманию себя. Я, сбросив оковы Оно, обретает пол. Пол обретает и мать, которая *вдруг становится женщиной,* с кокетством, страданиями, волей, устремленными поверх головы ребенка.

Мать, это огромное теплое существо, тоже снимает маску «Оно». Первое «мама» есть *наименование мира,* первое «Ты», обращенное к Личности матери, есть *наименование себя.* «Я не

103

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

есть мать и мать не есть Я... Я одинок и заброшен», — это первое мучительное переживание постепенно развивается в «Я больше, чем мать, и мать больше, чем Я. "Каждый из нас имеет право на свою жизнь...»

6

Стремление к физическому обладанию матерью у мальчика выражается Фрейдом в знаменитом понятии «Эдипова комплекса». Сексуальное обладание — предельная степень физического властвования над человеком. Именно преодоление «Эдипова комплекса» означает наиболее полное освобождение от *материи матери* и переход от инфантильной сексуальности к эротическим переживаниям взрослого.

«Эдипов комплекс» должен быть пережит и преодолен как нечто аморальное не в физическом, а в *нравственном смысле* — он должен быть снят *как психическая зависимость мальчика от матери.*

Эта эмансипация мальчика есть условие его превращения в мужчину. Часто она окрашивается в трагические тона. Такова уже упоминавшаяся история Хью из «Порога» Урсулы Ле Гуин, который убивает чудовище иного мира как образ матери-зависимости.

7

Отчуждение от владения матерью не всегда означает *отчуждение от матери*. Более того, это прорыв к истинному диалогу с ней. Одиночество мальчика становится прелюдией к общению с матерью как свободной личностью. Несвобода, накладываемая мальчиком на покоряющуюся мать, в конечном счете приводит к более глубокому его страданию.

Несвобода матери по отношению к ребенку рождает его инфантилизм— *исковерканное детство, прорастающее во взрослом состоянии и лишаящее его взрослости.*

8

На первый взгляд кажется, что девочка зависима от матери не меньше, чем мальчик. Больше того, каждому, кто прикоснулся к этой проблеме, кажется, что зависимость эта тоньше и глубже. Однако это не совсем так. Девочка, которой *самой предстоит стать матерью*, в самом раннем детстве ощущает, что она *рождена матерью*. Все общение дочки и матери вращается вокруг рождения — это игра в дочки-матери,

104

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

вышивание, совместная покупка и одевание кукол, чтение сказок, завершающихся счастливой свадьбой и появлением детей. Ощущение того, что мать живет не только для нее, дается девочке легче — она уже бессознательно *живет будущим рождением, где матери отводится роль бабушки.*

Излишняя привязанность девочки к матери, научившейся говорить и вошедшей в коллектив сверстников, может означать либо ту или иную форму психоэнергетического вампиризма, либо первые ростки тяготения к собственному полу. Чрезмерные ласки матери такой девочки с необходимостью приведут к катастрофическому нарастанию ее одиночества в будущем...

9

Отец значительно больше отделен от ребенка в первые годы его жизни. Он, словно огромная неясная тень, возвышается над ним и вновь пропадает. Он есть карающая и одаривающая стихия, во многом потусторонняя ребенку. Поэтому взросление ребенка означает *опускание отца на землю*. Это часто приводит к одиночеству ребенка, лишившегося своего *мифа об отце*, веры в его всемогущество. Ощущение всемогущества отца неотделимо от ощущения ревности — он обладает правами на мать. *Переживание свободы матери есть познание образа отца-мужчины.*

10

Очень часто отцу хочется *быть мужчиной*, а не *воспитывать мужчину*. Поэтому он проще находит общий язык с дочкой. Дружба отца и дочери, дошедшая до преклонного возраста, — достаточно частое явление в мире людей.

Мальчик — юноша — мужчина всегда соперничает с отцом. Сначала во влиянии на мать, затем — в стремлении превзойти положение отца в жизни. Отец болезненно ощущает соперничество, волю к власти, противоположную его воле; отсюда иногда иррациональная строгость и бессмысленные наказания сына. Воля к власти, объединяющая мужчин и в то же время разделяющая их, делает сына одиноким в присутствии отца...!

Отец может лишь допустить, что воля к власти сына будет развиваться в назначенном им русле. Если этого не происходит, пролегает пропасть на годы и десятилетия.

105

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

11

Отец и дочь дополняют друг друга. *Отец часто находит в дочери то, что он искал, но не мог найти в жене.* Явление, названное Фрейдом «комплекс Электры», — тяготение дочери к отцу — бессознательно провоцируется отцом, неудовлетворенным и разочарованным общением с женой. Такой отец воспитывает в дочери то, что он *хотел бы видеть в жене* и в этом воспитании отдает ей себя.

Однако если у дочери с отцом есть отчуждение, то оно стремится стать абсолютным. Оно превращается в *неспособность общения* — в стену, разделяющую мужчину и женщину, между которыми *не должно быть сексуальных отношений.*

Глава 2 СТРАННЫЙ РЕБЕНОК

Он вспомнил, как отец рассказывал ему о том, что он родился со старческой головой, но сейчас

его голова вовсе не напоминала старческую...

Стивен Кинг, «Талисман»

1

Ребенок может быть отчужден от мира своей семьи глубинными особенностями развития. Это рождает одиночество, лучшащееся изнутри него. Оно освещает сумерки обыденности. Сквозь свет такого одиночества в детстве прошли, вероятно, все гениальные люди.

Не каждый странный ребенок становится гением, но каждый гений был странным ребенком.

2 Одиночество странного ребенка может быть трагически суетливым и шумным, когда он задает множество вопросов, на которые родители не находят ответа, но оно может быть печальным и тихим, когда он замыкается в себе, безмолвно постигая мир.

106

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Но и то, и другое — *одиночество непонятого ребенка*. И родителям, если они хотят постичь странного ребенка, необходимо *искать лейтмотив симфонии его странности*. Им нужно научиться воспринимать его как отдельную Вселенную. Они же часто не готовы к этому. И одиночество странного ребенка бесконечно углубляется...

3

Одиночество странного ребенка — это опережение юношеского одиночества. Но странный ребенок не есть вундеркинд. Последний просто механически опережает своих сверстников на три, пять, десять лет. Странный ребенок качественно отличается от любого взрослого и сверстника. Он может даже отставать в обычном развитии от сверстников. *В нем зреет нечто принципиально новое.*

4

Одиночество странного ребенка освещает обыденность и раздвигает ее. И внезапно в обыденности открывается бездна. И одиночество странного ребенка может осветить в ней нечто необыденное. Иногда это нечто бывает ужасным. Борьба с таким ужасом — судьба странного ребенка. Она выводит его в юность и взрослость.

Стивен Кинг в своих романах создает целую галерею странных детей, обретающих себя в преодолении ужаса, *пытающегося уничтожить их странность*. Их одиночество притягивает ужас, словно магнит.

Однако навстречу призыву одиночества странного ребенка из разлома обыденности может выйти не только Ужас, но и ответный Свет...

5

Наилучшее, что могут сделать родители, которые так и не смогли понять странного ребенка, — это не мешать его одиночеству...

107

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Глава 3 МАТЬ-ОДИНОЧКА И ОДИНОКАЯ МАТЬ

1

Дети часто становятся одиночками благодаря родителям, но и родители могут обрести одиночество благодаря детям. В наиболее яркой форме это проявляется в образе матери-одиночки. Так обычно называют женщину, которая, родив ребенка без ведома рода, сама воспитывает его. Род жалеет, но и презирает ее, ибо он не видел такую мать в подвенечном платье под руку с отцом ребенка. Эта жалость и презрение отчасти напоминают жалость и презрение к старой деве. Однако в современном обществе они имеют гораздо более мягкие формы. Если старая дева не обладает мужчиной вообще, то за матерью-одиночкой стоит *призрак мужчины, материализованный в ребенке*.

Одиночество матери-одиночки наполнено страданием-прикованностью к ребенку. И одновременно она ищет в ребенке окончательный смысл и преодоление одиночества. Ей хочется составить с ребенком самодостаточный мир. Но чувство самодостаточности постоянно ускользает от нее. Мать-одиночка всегда осознанно или бессознательно стремится обрести мужчину. Обретение мужчины для матери-одиночки есть снятие *позора беззамужества*. Поэтому ее интерес к мужчинам может быть окрашен тайной враждой к ним.

2

Совсем иначе род относится к одинокой матери — женщине, разведенной с законным мужем. Здесь мужчина не является призраком, он удержан в сознании и памяти рода; род владеет его образом и именем. Жалость к одинокой матери, разведенной с мужем, в отличие от матери-

одинокки, почти преобладает над презрением.

Если обретение мужа для матери-одиночки есть *снятие позора беззамужества*, то для одинокой матери это *снятие позора развода*. Ее тяготение к мужчинам также может быть окрашено враждой, укрепляющей бастионы одиночества, возведенные против мужчин. Преодоление этой вражды есть преодоление одиночества, и возможно для нее — как и для матери-одиночки — только через любовь.

108

Книга!. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Однако любви к мужчине бесконечно сложно реализоваться в жизни одинокой матери. Ребенок стоит между ней и миром мужчин. Его одинокий *образ* требует всей полноты любви. И нереализованная любовь женщины к мужчине, слившись с любовью к ребенку, обрушивается на его слабые плечи. Понятно, что такая любовь порой калечит и уродует ребенка. Он вырастает собственником матери, владеющим ею, как рабыней, вырастает неспособным уважать и любить ее.

Женщине всегда нужно уметь отделять любовь к мужчине от любви к ребенку— соединенные, они губительны для ребенка. Поэтому все женщины, которые видят в мужчине лишь материальный придаток к себе и ребенку, всегда готовят основу будущего несчастья для своего ребенка. Они всегда есть одинокие матери при живом и близком муже...

Любовь к мужчине первична по отношению любви к ребенку.

Только способность и воля любить мужчину делает творящей, а не разрушающей любовь матери к ребенку.

Глава 4 ОДИНОЧЕСТВО СТРАННОЙ МАТЕРИ

1

Иногда сам факт рождения ребенка может означать для женщины травму существования. Это не только результат нежелательной беременности, но и непредвиденных последствий рождения. Женщина вдруг понимает, что ребенок и семья отнимают огромное время, которое она отдавала раньше, например, искусству или спорту. Возникает противоречие между желанием вернуться к прежней жизни и необходимостью отказаться от нее во имя рожденного ребенка. Такое противоречие испытывает, вероятно, весьма незначительное количество женщин — аналогичное количеству мужчин, которые, начав сексуальный акт, начнут тяготиться им, думая о проблемах работы. Большинству женщин дано инстинктивное сладострастие от пребывания рядом с новорож-

109

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

денным, близкое к сладострастию полового слияния с мужчиной.

Но женщины, у которых это сладострастие обрывается иной страстью, все же есть. Воспринимая ребенка как материальную часть и продолжение себя, они пребывают в одиночестве наедине с ребенком. Для рода и для себя каждая из них становится странной матерью.

Странной матери предельно важно связать образ ребенка с тем увлечением, которому посвящена ее душа. Если этого не происходит, такая мать очень страдает: результатом этого страдания может стать равнодушие к ребенку. Ей недостаточно иметь телесный и душевный контакт с ребенком, она жаждет духовного единства.

Странной матери нужен странный ребенок.

Поэтому она должна создать миф о ребенке, включенный в миф ее жизни.

2

Странная мать почти всегда незаурядная женщина. Как правило, это женщины творческих профессий — писательницы, актрисы, художницы. С другой стороны, странная мать может быть Музой творческого мужчины.

Ее незаурядность, порой столь тягостная для ребенка в первые годы жизни, впоследствии может стать *условием, тесного общения и понимания* в то время, когда мать и повзрослевших детей разделяет стена отчуждения. Только странная мать будет интересна повзрослевшему...

Взрослея, мы всегда хотим найти странность в наших родителях, ибо нам мучительно тяжело видеть, как они теряют исключительность, наполнявшую наше детство, и превращаются в *таких как все*. Взрослея, мы хотим видеть родителей странными, ибо *хотим продолжать уважать их*.

Нам нужна странность, которую не заменяет даже успех.

Нам нужна странность родителей, чтобы мы и они не остались в одиночестве.

3

Поэтому странная мать не есть плохая мать. Часто она рассеянная и неумелая мать, но это почти всегда компенсируется глубиной ее личности...

ПО

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

4

Род осуждает странную мать, променявшую семью и воспитание детей на творчество за пределами семьи. Он осуждает ее за то, что она выбирает одиночество-отстранение от ребенка и семьи во имя свободы творчества.

Род смиряется лишь в случае однозначного социального успеха ее творчества.

В этом случае род относится к странной матери снисходительно-иронично.

5

Странная мать несет в себе тайну, которую ребенок должен разгадать, став взрослым...

Глава 5 ОДИНОКИЙ ОТЕЦ

1

Можно предположить, что все те мужчины, которые после развода пытаются оставить детей у себя, обладают выраженными чертами психики женщины. Далее, можно предположить, что все те женщины, которые соглашаются на это, обладают достаточным числом мужских черт психики. Сам факт передачи ребенка мужчине говорит: между такой женщиной и таким мужчиной есть определенная гармония и понимание. Это делает непонятной причину их развода. Остается предположить, что именно ребенок нарушает прежнее единство женственного мужчины и мужественной женщины.

Однако добровольная передача женщиной ребенка его отцу при разводе не обязательно означает ее психологическую подобность мужчине. Ситуация может быть прямо противоположной — женщина желает найти мужчину *более мужественного*, чем ее муж. Подобное желание делает несущественным все остальное. Таков пример жизни Бриджит Нильсен.

Итак, отец, оставивший себе ребенка, почти всегда женственен, мать же не обязательно мужественна. Она может быть мужественной, но она может быть и тоскующей женственно-

111

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

стью, и тем, что выше мы назвали странной матерью — женщиной, в которой сочетаются мужские и женские черты.

2

Забота одинокого отца о детях никогда не заменит женское влияние на детей. Отсутствие андрогинного единства отца с женщиной деформирует психику детей гораздо сильнее, чем в случае с одинокой матерью. Любовь одинокого отца к ребенку может быть еще более слепой и жестокой. Отошедший от глубинных интересов Духа и внесемейной жизни, он теряет мужской пол, а вместе с ним — грядущее уважение детей...

Безусловно, возможна экстремальная ситуация вдовца, когда принятие женских обязанностей есть моральный долг. Однако, если это принятие становится самодовлеющим (вплоть до изменения психологии пола), оно не принесет детям счастья.

3

Но феномен одинокого отца часто возникает и в нормальной семье. Отец, в отличие от матери, всегда болезненней переносит *отчуждение от подростков детей*. Мать удовлетворяет то, что она становится бабушкой и получает внуков.

Когда же отец становится одиноким в присутствии своих детей, его не спасают внуки. В большинстве это касается мужчин, увлеченных делом и желающих найти в детях его искренних продолжателей. То же самое мы можем сказать и о странной матери.

Равнодушие детей к делу отца приводит к обесмысливанию для него семейной жизни...

Глава 6 ПОКИНУТЫЕ РОДИТЕЛИ

1

Вырастая, дети покидают родителей. Это непреложный закон жизни. Родители выполняют свою функцию продолжения жизни и отступают в сумерки. Они не в силах угнаться за повзрослевшими детьми. Именно с этим связано то явление, которое получило название «второй молодости». Вторая мо-

112

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

лодость — это бытие родителей, которых круг судьбы вернул в беззаботные времена, когда у них

не было детей.

Иные родители испытывают облегчение и освобождение, но большинство страдает. Избавлением от этого страдания могут быть внуки. Но внуки никогда до конца не заменят детей; к тому же, вырастая, они тоже стремятся покинуть дедушку и бабушку. И тогда остаются только узы жалости — родители материально поддерживают повзрослевших детей или дети помогают родителям. Однако материальное благополучие (или крайняя бедность) могут на годы развести их...

Поэтому истинным избавлением от покинутости может стать только яркость личности, притягивающая к себе вне и независимо от родовых уз. Творческая выявленность личности родителя позволяет ему пронести общение с ребенком через десятилетия.

2

Практически все дети духовно покидают родителей в подростковом возрасте. Некоторые потом возвращаются, а большинство — никогда. Они теряют идеальный образ родителей, которые пронесли через все детство, а новый — так и не возникает — *родители слишком обычны*. Странность и неповторимость не проявлены в них.

И последующее разделение отцов и детей *как взрослых* лишь углубляет образовавшуюся в отрочестве трещину.

3

Но родители могут пережить покинутость так и не родив ребенка. Особенно это касается людей, которые соединились с единственной целью — иметь семью и детей и пережили бесплодие. Они родили ребенка в своем воображении, и это потенциальное обладание, угасая, делает их сиротами. Они ждут год за годом, и надежда удерживает их рядом. Но образ неродившегося сына или дочери ускользает. И неумолимый голос рода призывает их разойтись.

Если выясняется, что бесплодна женщина, этот голос может искушить даже неординарного мужчину. Так случилось с Наполеоном и его Жозефиной. Их любовь не устояла перед желанием Наполеона иметь наследника, которое словно тень легло на его сердце...

113

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4

Бездна покинутости распаивается перед родителями после смерти ребенка. Это горе может соединить их, обнажив все самое главное в их отношениях, но может и навсегда разлучить. В этом испытании с окончательной ясностью проступает характер единства мужчины и женщины.

Образ умершего ребенка не должен бесконечно витать над родителями, вызывая тоску и жалость к существующему вне пределов их бытия. Смерть ребенка должна очистить их к новой жизни. Если этого не происходит, они надламываются, погружаясь в тоскливое пребывание в мире, наполненном чувством вины. И рано или поздно одному из них захочется вырваться из этого мира, найдя нового спутника...

5

И все же родители, покинутые живыми детьми, гораздо более частое явление в нашем мире. Возможен ли универсальный рецепт от их одиночества?..

Вряд ли он существует. Каждая семья уникальна как произведение искусства. Можно сказать лишь одно. Для того чтобы дети не покидали своих родителей, они должны перестать быть лишь родителями и стать для своих детей друзьями. Они должны возвысить кровно-родственные узы до единства личностей. Глубинная дружба между родителями и детьми возносит жалостливую душевность по отношению друг к другу на те высоты, где она превращается в духовный полет. И высший смысл семьи — в поиске этого духовного полета.

Того духовного полета, который избавляет от одиночества как сумрачной бездны, ждущей у порога старости...

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Часть V ЗАКАТ ОДИНОЧЕСТВА

Старость полна наслаждениями, нужно только уметь ими пользоваться.

Луций Анней Сенека

115

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Глава 1 СТАРЕЮЩАЯ ЖЕНЩИНА И СТАРЕЮЩИЙ МУЖЧИНА

1

Призрак старости всегда рождает в нас беспокойство. Этот призрак может прийти к нам в любом возрасте, но особенно настойчиво он преследует нас в то время, когда мы начинаем утрачивать

телесные признаки юности. Мужчины воспринимают это спокойней, женщины почти всегда приходят в ужас, не желая смириться с жестокостью времени. /

Призрак старости для женщины — это призрак сексуального и эротического одиночества. Это *призрак зимы эроса*. Старение забирает у женщины возможность рожать детей и очаровывать мужчин природной свежестью. На первый план выступают артистизм и элегантность. Не случайно промежуток между взрослостью и старостью называется для женщины элегантным возрастом. Противопоставить старению можно только дух и душу. Оно всегда останавливается перед умом, искусством и способностью любить. Очень важно *неприятие старения как доминирующей реальности* и противопоставление ему внутренней молодости. Внутренняя молодость женщины есть ее душевность и женственность. **В большинстве своем мужчины ценят в женщине не юность, а женственность.**

Именно женственность как душевность вызывает к жизни те духовные и творческие силы, которые сражаются со старением и побеждают его.

2

Преодоление чувства старения для мужчины возможно через развитие мужественности. Мужественность как условие эротизма отгоняет старение и сохраняет молодость, точнее, отгоняет *чувство старения*, но само старение всегда приходит вслед за своим чувством, более того, *оно и есть это чувство*. Впрочем, если старение понимать не как увядание, а как умудрение, то оно не только не противостоит молодости, но и одухотворяет ее, выводя из временной зависимости в свободу Вечности. *И переход от старения к старости может парадоксально усилить молодость...*

Об этом будет рассказано в третьей главе этой части.

116

V

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

3

Ощущение старения может и должно быть заменено переживанием зрелости. В данной ситуации зрелость рассматривается как психическое равновесие внутри себя, ощущение себя личностью, побеждающей в жизненной борьбе и оседлавшей жизненный максимум. Такая зрелость не отчуждена от действительной молодости, более того, не есть ее следствие, а является *предпосылкой*.

Речь идет не только об осенних натурах, расцветающих после сорока, здесь говорится практически обо всех. Замена старения *нарастающей зрелостью* — нравственный долг перед собой. Безусловно, это возможно только в том случае, если за чертой старения и старости лежит не химическое разложение Я, а его Новое Бытие. Переживание индивидуального бессмертия есть самое мощное условие преодоления старения как увядания и обесмысливания бытия.

Глава 2

СТАРОСТЬ-ВЗРОСЛОСТЬ: ОБНОВЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ИСХОД

1

Старость, завершающая взрослость как ее сморщенная карикатура, всегда есть *потеря смысла взрослости*. Такая старость есть одиночество-отстранение от прежней полноты бытия. Она может найти себя лишь в создании устных и письменных мемуаров, но это лишь тень прежней жизни и ее смысла.

Старость, пытающаяся оставаться лишь взрослостью, неизбежно обречена на одиночество. Это одиночество напоминает многоликий тотем. Все лица одиночества, заглядывающие в нашу жизнь, могут соединиться в старости-взрослости, все ветры одиночества, штурмующие нашу жизнь, она сливает в *последнем порыве*. За ним — *многоликая тишина старости...*

117

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

2

Старость может обрести смысл только как преодоление взрослости и возвышение над ней.

Попытка жить по-взрослому в старости вызывает сопротивление изменившегося тела и зажигает страдание, рожденное ощущением необратимости. Темное пламя этого страдания приносит сумерки. И отшатнувшийся дух требует новой нагрузки и новой победы над миром. Дух требует *новой ценности...*

3

...Однажды я увидел старушку, сидящую на лавочке среди летнего парка. Буйная молодая зелень окружала ее. Садилось солнце, и его лучи пробивались к ней сквозь листву. Внезапно я ощутил, что вечно юная природа прощается с ней. Она была юной в пору юности тоненькой девушки и остается юной сейчас, когда *человеческое время* сделало некогда юную девушку одинокой. Старые друзья один за другим покидают ее, а внуки вместе с родителями живут где-то близко и очень далеко... Она одна. Только ветерок, шелест листьев и солнечные лучи остались с ней.

Но время движется, унося одиночества. А юная природа пребывает вечно юной, и через сотню лет для новой старушки на скамейке в парке она раскинет ветерок, шелест листьев и солнечные лучи... Печаль пронзила меня. Я вдруг почувствовал, что именно старики и дети находят время смотреть на природу без суеты...

4

Природа окружает старость и дает частичку вечной юности. Но вместе с ней она приносит и тоску. Человек должен найти путь к *собственной вечной молодости*, ибо вечная молодость природы все же не для него. Вечное возвращение возрождающейся природы не может быть вечным возрождением человеческой памяти и любви. Необходимо нечто принципиально иное.

Вечная молодость человека есть определенное состояние сознания, и еще шире — духа, и лишь понятая таким образом, она может быть парадоксально усилена в старости.

118

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Старость может быть закатом одиночества, который приходит с закатом человека. Однако *переживание вечной молодости духа становится закатом одиночества, который сохраняет свет человека*; это закат одиночества, наполняющий старость отдохновением от суеты и одновременно печалью и желанием возвращения к утраченной полноте жизни.

И поиском новой полноты.

Итак, старость может задать молодости новые горизонты. Но каким образом возможно подобное?

Глава 3 СТАРОСТЬ-МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ-ДЕТСТВО

1

Старость стремится стереть признаки пола мужчины и женщины. Но это не означает, что одиночество в старости — это бесполое одиночество, одиночество общих болезней и общего отдаления от молодости с ее устремленностью к новым эпохам. При сохранении эротической жизни человек до конца может нести яркие признаки пола. И дело не просто в продолжении сексуальной жизни, а в *продолжении жизни творческой*, сохраняющей духовность-мужественность и душевность-женственность.

2

Однако великая тайна старости заключается в том, что в ней происходит не только уравнивание полов, но и *андрогин-ная метаморфоза пола*. Эта метаморфоза выражается в мудрости. Старость может привести к ослаблению умственных способностей, но она может превратить разум в мудрость. *Мудрость — высшая форма эротической жизни старости*.

Старость связывается с мудростью почти во всех известных культурах. Богочеловеческая мудрость выражается в образе юноши и мужа (Христос, Будда, Магомет), но мудрость человеческая всегда наделяется седыми волосами и бородой.

Мудрость — это овладение старостью и полная победа над ее одиночеством.

119

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

3

Способность быть мудрым — это способность пережить мир как гармонию и себя как *гармонию в гармонии*. Переживание этой двойной гармонии есть одновременно созерцание и действие. Это созерцание гармонии Универсума и превращение в гармонию себя. В молодости от мудрости как гармонии созерцания-превращения могут отвлекать страсти, во взрослости — суета. Старость как очищение от аффекта и суеты дает чистое поле для мудрости. Старость — это удивительный дом мудрости.

И вместе с тем старость, наполненная мудростью, есть возрождение молодости и Вечная Молодость. В мудрости молодость получает свое вечное звучание, которое есть намек на его бесконечное усиление за пределами смерти.

Мудрость есть творчество. Однако в отличие от любого другого творчества она с наибольшей силой соединяет мужские и женские черты. Мудрость соединяет в себе мужское и женское, ибо есть творение себя как микрокосма. Микрокосм же не может быть наделен одним полом или

хаотическим смешением мужских и женских признаков. Поэтому **одинокчество в старости может стать окончательной духовной победой над одиночеством и отчуждением женщины и мужчины**, той победой, которая не могла быть достигнута в молодые годы. Именно благодаря мудрости возникает поразительный феномен *старости-молодости*. Такая старость, наполненная андрогинной энергией и обновленной любовью, рождает полноту жизни, не уступающую физиологической молодости и взрослости, а часто *и превосходящую их*.

4

Однако очевидно, что старость умудряет и омолаживает далеко не всех людей. Старая, многие отчаянно пытаются остаться взрослыми; иные же просто *возвращаются в детство*. Забытые запахи и цвета детства приходят к ним. Старость может вновь соединить друзей детства, разобщенных целой жизнью, братьев и сестер... Старость парадоксально соединяет начало и конец жизни, возвращая к беззаботности детства, лишённого суеты и мелочных целей взрослости. Жизнь человека делает круг.

120

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Конечно, детство обладает *своей мудростью*, поэтому старость, приходящая к детству, мудра по-своему. Но это все же не мудрость вечной молодости, *она лишена полноты эротического и вечного*. Это мудрость не на вершине, а у подножия ее.

Наверное, в идеальной старости должны говорить и детство, и юность, но гораздо чаще случается так, что побеждает что-то одно. Человек, в котором победила старость-детство, остро чувствует одиночество и нуждается в общении со внуками — своими или чужими. Если этого не происходит, его дух обезображивается вместе с плотью...

5

Каждый человек есть бездна, но не всякий человек есть микрокосм. Наиболее ярко это проявляется в старости, когда бездна человеческого Я приближается к бездне смерти. Бездна старости-молодости спокойно подходит к последнему рубежу, бездны старости-детства и старости-взрослости содрогаются от ужаса, приобретая хаотические черты.

Старость-молодость доводит *ясность эроса до ясного переживания бессмертия эроса* и уходит из пределов биологической жизни, оставаясь космосом.

Высший смысл старости сообщают только смерть и эрос. В парадоксальном единении они создают мудрость как постижение индивидуального бессмертия и окончательную победу над одиночеством-страданием. Призрак Смерти и Дух Эроса соединяются мудростью старости-молодости не в нек-рофильный союз, а *в переживание бессилия и мимолетности смерти, а не жизни*.

Но смерть и мысль о смерти приходят не только в старости и не только к умудренному. Они могут явиться в любом возрасте, принося с собой ночь одиночества.

Попытаемся заглянуть в эту ночь.

И увидеть в конце ее свет.

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Часть VI

ПРИХОД НОЧИ:

ОДИНОЧЕСТВО И СМЕРТЬ

Смерть есть самый глубокий и самый значительный факт жизни, возвышающий самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни... Жизнь благородна только потому, что в ней есть смерть, есть конец, свидетельствующий о том, что человек предназначен к другой, высшей жизни.

Николай Бердяев

Многие умирают слишком поздно, а некоторые слишком рано...

Фридрих Ницше

,

122

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Глава 1 ОДИНОЧЕСТВО КАК СИРОТСТВО

1

Мысль об одиночестве всегда ходит недалеко от мысли о смерти. Больше того, *смерть порой представляется столь абсолютным одиночеством, что мы воспринимаем его как абсолютное слияние со всем*. В этом может быть коренится самая глубокая причина материализма —

нежелание выносить одиночество приводит к растворению в материи.

Именно смерть порождает наиболее безысходные формы одиночества. Одна из самых сильных — сиротство. Сиротой является человек, оставшийся без родителей в возрасте, когда он очень нуждается в них. Между ним и родителями пролегает пропасть смерти. Его одиночество окружено этой пропастью, и ему необходимо строить мосты через нее, чтобы попасть в мир. Иной ребенок строит эти мосты, а иной пробует лететь через пропасть, и тогда сиротство уже в детском возрасте дарует ему мудрость. *Сиротство есть раннее постижение тайны смерти всей полнотой бытия.*

2

Сиротство часто приводит к странности человека, раскрывает те способности, которые в обычных условиях остались бы спящими. Обычный ребенок говорит с бытием при помощи родителей, сирота вынужден говорить с ним один на один. Одиночество сироты есть *одиночество наедине с бытием*. И он должен либо подняться, чтобы овладеть бытием, либо сдаться перед его напором и выйти из течения.

Сирота обречен стать либо победителем жизни, либо отстраниться от нее. Среднего не дано.

3

Однако сиротство может охватить человека не только в детском возрасте. Привязанный к родителям способен ощутить в зрелые годы то, что другие переживают лишь в детстве. И от родившегося одиночества его порой не спасают ни дети, ни жена...

Такое сиротство может быть результатом не только физической смерти родителей. Ощущение сиротства в юные и

123

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

зрелые годы часто возникает вследствие отчуждения от родителей, и оно еще глубже, ибо не окрашено очищающим таинством смерти...

Глава 2 ВДОВЕЦ И ВДОВА

1

Смерть разрывает эротическую связь людей. Разрушение эротической связи может быть разрушением оков и освобождением от одиночества вдвоем. Но оно может стать разрушением смысла и цельности двоих. Поэтому вслед за смертью одного из супругов возможно как одиночество-освобождение, так и одиночество-утрата.

2

Мужчины тяжелее переносят утрату жены; женщины гораздо проще могут прийти в себя после смерти мужа — для того чтобы жить во имя детей. И великодушная природа сделала так, что феномен вдовца значительно более редок, чем феномен вдовы. Вероятно, это есть дополнительным объяснением того, что во многих культурах ношение траура по умершему супругу обязательно только для женщин.

Как ни странно это звучит, но женщине привычно стать вдовой — такова логика развития вида «гомо сапиенс», где мужчины в среднем живут меньше женщин. *Бытие женщины включает в себя мысль о вдовстве и бессознательную готовность к нему, бытие мужчины отгоняет эту мысль и готовность.* Женщина значительно проще мужчины смиряется со вдовством, соблюдая все его ритуалы, налагаемые родом. Вдовство мужчины находится по ту сторону разума, вдовство женщины рационально.

Одиночество вдовца трагически уникально, одиночество вдовы — это *одиночество общности вдов*. Дети никогда до конца не заменяют вдовцу их матери, вдова находит в заботе о детях не только замену, но и *завершение* эротической жизни с мужчиной. Она видит *материю мужа* в детях и успокаивается.

В этом заключается глубочайшая тайна и разгадка вида «гомо сапиенс».

124

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

3

Однако возможна утрата не просто мужа или жены, а любимого или любимой. Такое вдовство и порожаемое им одиночество неизбежно трагичны и для мужчины, и для женщины. *Андрогинное единство любящих возносит переживание смерти одного из них над пределами физиологии пола.*

Здесь мы сталкиваемся с трагическим парадоксом. Чем глубже и истиннее любовь, тем в меньшей степени вдовство может вызвать только боль и тоску. Любовь наполняет тоску по умершему светом, ибо, даруя любящим чувство бессмертия любви, дарует веру в возможность соединения с любимым или любимой в новой жизни за пределами биологической смерти...

Глава 3 ОДИНОЧЕСТВО И САМОУБИЙСТВО

1

Одиночество может стать таким нестерпимым, что хочется спрятаться от него в бездну смерти. Верующий в бессмертие материи ищет в этой бездне полное слияние с материей *как матерью* — слияние по ту сторону духа. Верующий в индивидуальное бессмертие пытается *найти новое бытие для своего духа, в котором больше не будет одиночества*.

И то, и другое есть бегство от бытия. *Только через углубление одиночества можно утвердиться в бытии и обрести единство со всем живущим в доме бытия*. Одиночество есть путь к любви.

Одиночество является необходимым мостом к истинной дружбе.

Лишь молот одиночества может разрушить стену одиночества.

2

Но бесконечное углубление одиночества в акте самоубийства есть падение ниц перед одиночеством. Это выход в новые круги бытия, которые могут потребовать *нового одиночества* и нового мужества для победы над одиночеством.

Самоубийство никогда не спасает от одиночества.

125

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

3

Самоубийство может быть оправдано только как самопожертвование. Самопожертвование есть разрушение своего тела в заведомо неравной борьбе во имя цели, выходящей за пределы одиночества. Самопожертвование — это жертвование своей земной экзистенцией во имя свободы и любви. Это последний всплеск мужества, защищающий бытие свободы и любви.

Речь идет о собственной свободе и любви, а также о свободе и любви ближних. В первом случае самопожертвование есть гибель во имя чести, во втором — гибель во имя освобождения и очищения рода.

Высшим примером соединения этих начал самопожертвования есть образ Христа.

Но самопожертвование есть действительность только в том случае, если оно осуществляется *во имя свободы и любви*. В противном случае самопожертвование — это самоубийство, порожденное приказом обезумевшего одиночества...

Вместе с тем верно и обратное — самопожертвование как жертвование свободой и любовью — жертвование Духом и Душой — во имя коллектива, дела и т. п. есть самоубийство. Однако теперь это самоубийство и коллектива, и дела...

Самопожертвование имеет смысл только как *телопо-жертвование*, а не жертвование Духом и Душой.

Лишь из дьявольских уст можно услышать слова: пожертвуй Душу, чтобы стать счастливым...

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Часть VII

НОВЫЙ ДЕНЬ: ПО ТУ СТОРОНУ ОДИНОЧЕСТВА

О друг, вникай!

Что полночь говорит? внимай!

«Был долог сон, —

Глубокий сон, развеян он: —

Мир — глубина,

Глубь эта дню едва видна.

Скорбь мира эта глубина, —

Но радость глубже, чем она:

Жизнь гонит скорби тень!

А радость рвется в вечный день, —

В желанный вековечный день!»

Фридрих Ницше

127

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Глава 1 СВЯТОЙ, ГЕРОЙ И ГЕНИЙ

1

В своих странствиях по океану одиночества мы приближаемся к берегам, лежащим за пределами одиночества. Они залиты новым солнцем, и новый день царит здесь. Попробуем приподнять завесу и над ним.

Выше мы постигли две трагические истины одиночества: одиночество есть необходимое условие становления личности, ее неповторимое наслаждение и — высочайшее страдание и зло, избежать которых стремится каждый человек. Две эти истины соединяются в антиномию, разрешение которой возможно только *за пределами обыденности* человеческого бытия. Ибо обыденность, находящая свое высшее и самодовольное выражение в так называемой взрослости, всегда порождает лишь иллюзии разрушения одиночества.

2

За пределами обыденности лежат жизни Святого, Героя и Гения. Их жизни есть бесконечное нарастание одиночества, которое затем приходит к бесконечной победе над собой. Святой преодолевает одиночество, сливаясь с Абсолютом, Герой — с историей своего народа и человечества, Гений же одновременно сливается и с Абсолютом, и с Историей. Гений соединяет в своем воображении бытие Святого и Героя, он может выразить святость и героизм в литературе и музыке, скульптуре и живописи. Одиночества Святого и Героя объединяются в творческом одиночестве Гения и поднимаются над горизонтом одиночества. Гений — место встречи Святого и Героя как разных духовных типов и разрешение трагического противоречия между ними.

Это доступно Гению потому, что в отличие от Святого и Героя его эротическая жизнь наиболее гармонична и полна. Только Гений знает феномен Музы — женщины, которая может разделить с ним творческое одиночество как непонимание толпы, а затем — волшебный взлет и воцарение в душах.

3

Историческая святость мировых религий отчуждена от

128

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

женственности. Женственность воспринимается только в ее негативно-материальных проявлениях — как соблазн и утяжеление духа. Поэтому Святой часто окружен одиночеством-отстранением от женщин. Лишь христианство знает культ Божьей Матери как метафизической женственности, но эта женственность почти не распространяется на земных женщин...

Все это приводит к разведению в идее святости мужского и женского начал; такое разведение достигает в практике монашества свое логическое завершение.

4

Герой не менее отчужден от женственности, он может обладать множеством женщин, но не знает Женщины. Женственность всегда тянется к героизму, но *только как нечто противоположное*. Женственность тянется к героизму, не понимая его. Тяготение женщины к Герою почти всегда инстинктивно и физиологично — и в этом трагедия и женщины, и Героя.

Поэтому Герой в отличие от Гения достигает полноты своего бытия *вне общения с женщиной*. Женщина для него — спутница минут отдыха и расслабления. Даже если он завоевывает мир *для женщины*, то, оставшись с ней *вдвоем за пределами завоевания*, очень быстро начинает тосковать и возвращается к политике и войне.

Отношения Наполеона с Жозефиной — нечто совсем иное, чем отношения Шеллинга и Каролины...

Святой ощущает Вечную Женственность как непостижимый свет, порой лишенный формы и персональности. Для Гения она оформлена и персонифицирована в Музе. Герой значительно дальше отстоит от переживания Вечной Женственности. Его бытие требует эмпирических женщин, наполненных земными страстями и земной привлекательностью. Он жаждет женщину как «самую опасную игрушку», и Вечная Женственность есть лишь бледный призрак, витающий над женщинами, прошедшими сквозь его жизнь.

Поэтому освещенные Вечной Женственностью Святой и Гений объединяются в старости-молодости. Герой же гораздо чаще довольствуется старостью-взрослостью...

5

В потоке человеческой истории только Гений до конца спо-

Э Зак. № 925

129

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

собен наполнить свое бытие андрогинностью и сделать женщину участницей своих побед. Любовь к женщине не выносится за скобки его бытия, а пребывает в нем. Именно андро-гинность позволяет Гению глубоко пережить экзистенцию Святого и Героя. Безусловно, *это только переживание, а не бытие*. Гений не есть одновременно Святой и Герой, однако *именно такое*

переживание позволяет Святому и Герою уживаться в человеческой культуре.

6

Гениальное Я трагически отдалено от бытия рода, оно общается с родом только посредством своих мифов. Святой и Герой намного мощнее укреплены в родовой стихии, *их одиночество бледнеет в лучах родового почитания*. Гений часто вызывает настороженность рода. Святой и Герой принимаются современниками. Гений может быть до конца воспринят только потомками. Однако именно мифы Гения вдохновляют Святого на подвиг святости, а Героя поднимают на борьбу против целого мира.

7 Миф — как произведение о высшем мире, где разрешаются мучающие нас трагические противоречия, — отдаляет Гения от бытия остальных людей и удивительно приближает к нему. Миф задает новые горизонты бытия и творит новые ценности. Он отдаляет Гения от бытия Святых и Героев и сливает их бытие воедино. Именно миф соединяет Гения и Музу в андрогинную целостность, которая есть упрек и вызов иллюзорному единению человеческого мира.

Глава 2 ГЕНИЙ И ЕГО МУЗА

1

Гений есть человек, сделавший свое саморазвитие развитием человечества. Это поднимает Гения над его нацией и над человечеством, порождая *отчужденное слияние* с ними. Но как мы увидели выше, Гений поднимается не один, а вместе со своей Музой. Больше того, Муза — это крылья Гения. Муза может быть воображаемой или реальной, но она всегда

130

Книга 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

есть воплощение Вечной Женственности и потому — необходимое условие гениального творчества.

Душевное начало Гения сливается с душевностью Музы, и это укрепляет *дух Гения*, наполняет его энергией и мощью.

2

Каждый момент жизни Гения и Музы — это преддверие к новой полноте жизни. *Это преддверие к новой полноте мифа*. Миф — общий замок Гения и Музы. Населяя его, они зовут туда свою нацию и все человечество.

Гений лепит свою Музу как скульптор, раскрывая перед ней волшебные картины мифологии. *Прежде чем увлечь человечество, Гений должен увлечь Музу*. Муза же впоследствии сама будет лепить образ Гения, внося в их общий миф свои черты. Только это может быть названо сотворчеством Гения и Музы.

Но миф как общее детище Гения и Музы стремится стать мифологией — целым миром, где отдельные произведения не сталкиваются в хаотическом безумии, а соединяются в космос. Мифология — высший итог деятельности Гения и Музы, и, войдя в мир, она может превратиться и в религию, и в идеологию... Мифология — вечный мост, соединяющий Гения и Музу с настоящим, прошлым и будущим человечества.

3

Лишенный Музы, Гений лишается желания полета. Он тяжелеет, его тянет вниз, в зовущие глубины инферно. Его наполняет ужас, и в глазах его играют багровые отсветы. Так рождается черный гений, мучимый гениальностью. Его мифология становится танцем над бездной, безумным танцем древнего божества, обращенного в демона и желающего быть Сверхчеловеком. Голоса инферно одолевают его и в конце концов дарят одиночество безумия. Такова гениальность Ницше, чистый свет которой заполнили багровые сумерки...

4

Гений и Муза являют собой *одиночество двоих, пока еще неразгаданных и непонятых человечеством*. Но даже такое одиночество двоих есть все же меньшее одиночество, чем одиночество Святого и Героя в восторженной толпе, которая при смене декораций может распять и Святого, и Героя...

Конечно, Гений и Муза хотят пробиться к сегодняшнему человечеству и воссоединиться с ним. Однако это желание

131

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

имеет свои пределы. Переходя их, оно искажает величие творчества. Это случилось с Галой и Сальвадором Дали.

Они выбрали славу и восторг — эти изменчивые дары современников, отодвигаясь от Вечности.

Но выбор современности в ущерб Вечности всегда приводит к отчуждению Гения и Музы. Это выразилось в том, что ни на одном из портретов Галы, сделанных Дали, нет Галы. Холодное и одинаковое лицо смотрит на нас со множества полотен; окруженное бездной фантазмов, оно не становится от этого живее. Улыбка не трогает застывшие губы и глаза...

И лишь в работах, где отсутствует лицо Галы, мы можем иногда ощутить присутствие истинной Галы — гениальной Музы одного из самых странных и трагических художников XX века...

5

Единство Гения и Музы может проникнуть в обыденность и оплодотворить ее. Речь идет о мужчине и женщине, которые превратили семейную жизнь в вечно обновляющийся миф и нашли в нем неповторимые цельность и счастье. Этот миф значим лишь для них, но он — преддверие восприятия гениальности и самой гениальности...

Глава 3 СВОБОДА-ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА-ЛЮБОВЬ

1

Жизнь Гения постоянно наполняет его одиночеством и постоянно освобождает от одиночества. Одиночество Гения по отношению к человечеству самое полное и одновременно самое иллюзорное. Никто так не един с идеей человечества и самим человечеством, как Гений.

И все же это единство достигается только путем трагического разрыва с человечеством. Но порой Гений отрывается не только от человечества, но и от своей Музы.

Их отдаление — это отдаление Духа и Души, которая не поспевает за Духом. Поэтому Гений постоянно нуждается во временном, но полном одиночестве для реализации своей свободы. Такое одиночество есть покрывало на таинственных способностях Гения. Глубина этого одиночества или, точнее, *высота* отличает Гения от таланта.

132

Книга I. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Бесконечный холод и огонь Вселенной входят в Гения. Он стоит вне человечества — по ту сторону добра и зла, созерцая космические Добро и Зло. Восторг и ужас наполняют его. Такое одиночество порождает свободу, которую можно так и назвать: *свобода-одиночество*. В ней — необходимое условие реализации личности Гения; она вызывает к жизни осознание разрыва гениального Я и эмпирического человечества и ликвидирует этот разрыв в строящейся мифологии Гения. И эта одинокая мифология трагически переплавляется впоследствии в анонимные бессознательные конструкции морали и эстетики грядущего человечества...

Но мифология несет в себе *персонально окрашенную Вечность*, и постичь ее как Вечность могут немногие, и прежде всего — Муза Гения.

И для этого необходима совсем иная свобода.

2

Женщина не может быть так гениальна, как гениален мужчина хотя бы потому, что *она не может вынести одиночество Гения*. Вершина свободы-одиночества страшит ее.

Гениальность женщины — это гениальность Музы. Такая гениальность реализует себя в *свободе-любви*. В этом смысле женщина выше мужчины ровно настолько, насколько любовь выше самого возвышенного одиночества. Женщина-Муза окружает свободу-одиночество Гения своим пониманием; она выступает необходимым опосредованием между Гением и миром, лестницей, ведущей в Небо Гения.

3

Но сказанное не означает, что Гений и Муза расходятся по обе стороны черты, разделяющей свободу-одиночество и свободу-любовь. *Такое расхождение есть завершение гениальности*. Гений обогащает Музу свободой-одиночеством как *свободой-творчеством*. Муза же превращает это одиночество в любовь. Отдаление Гения и Музы, связанное с надчеловеческим прорывом Гения, приводит их к *еще более тесному единению*. Гений может созерцать новую Мифовселенную без Музы, *творит* же ее — всегда с Музой. Ибо творение всегда есть любовь. Свобода-одиночество есть ничто без свободы-любви. Замкнувшись в себе, она превращается в свободу одинокого

133

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Гения, которого ждет лишь бездна безумия — творчество без любви всегда завершается безумием. Свобода-любовь без *свободы-одиночества-творчества* утрачивает свободу и вырождается в одиночество-зависимость двоих, живущих в иллюзорном дворце, скрывающем привычку и скуку. До тех пор, пока человек остается человеком, свобода-одиночество и свобода-любовь, вспыхивая

и сменяя друг друга, будут создавать андрогинное единство Гения и Музы. Именно такое единство позволяет им не превратить любовь в обыденность брака, усыпляющую все мифы и романы литературы и жизни. Это единство дает им возможность вместе войти под закатное небо старости-молодости...

Свобода-одиначество вечно взаимодействует со свободой-любовью, но завершением может быть только любовь. Одиначество — условие обретения любви, и смысл одиначества — только в любви, *ибо только любовь превращает одиначество в свободу и творчество.* Одиначество — величественное условие развития персоны и развития вообще — всегда есть *средство*, любовь — *исход и цель.*

Свобода-одиначество должна обогатить свободу-любовь. Это удивительно выражено в христианском учении о грехопадении человека и его апокалиптической метаморфозе. Человечество отпадает от Бога, свобода-любовь заменяется свободой-одиначеством, но именно *нарастание свободы-одиначества* приведет к *новой свободе-любви*, соединяя человека и Бога...

4

В каждом акте вдохновения Гений отрывается от Музы, чтобы затем вернуться и подняться с ней в небо — к апокалиптическим знакам, начертанным на нем. Любовь Музы выражает Божественную Душевность, творчество Гения — искру Божественного Духа; *объединяясь, они делают возможным Божественное Присутствие на земле.*

В способности соединить свободу-одиначество и свободу-любовь, возможно, кроется высшее оправдание бытия греховного человечества, идущего вперед, распиная, оплакивая и любя своих Святых, Героев и Гениев...

134

Книга 2

люди тоски

и ЛЮДИ СКУКИ

Тайна

одиначества и совместимости

мужчины и женщины

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Посвящается Лесе, разговор с которой начал эту книгу, и Светлане, которая помогла ее завершить

ОТ АВТОРА

Идея о людях тоски и людях скуки открыла мне глаза на самого себя. Множество болезненных случайностей моей жизни вдруг получили объяснение. Я испытал удивительное облегчение и решил написать эту книгу. И сделал ее на одном дыхании — почти за месяц.

Постепенно я понял, что эта книга не просто открывает глаза.

Она, пожалуй, открывает судьбу. И читать ее стоит без напряжения, вживаясь в написанное интуицией — той таинственной областью Я, где судьба зарождается и крепнет. Этим объясняется обилие выделений в тексте. Они — для бессознательного.

И последнее. Категоричность авторской позиции отчасти оправдывается тем обстоятельством, что человек тоски и человек скуки порой уживаются в каждом из нас.

21 сентября 2000

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Проникновение 1

РАЗЛИЧИЕ ТОСКИ И СКУКИ

Магнит — бездействует... Вибрация — слаба... Искажены: Пространство... Время... Поле... Немотой опечатаны слова, И сцеплен взгляд кристаллом слезной соли.

Елена Колон

137

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

1. Тоска и скука над безднами времени и Вечности

1

Тоска и скука... Два близких и бесконечно противоположных состояния... Как осознать их различие? И как, осознав, выразить в словах? Ибо, приближаясь к тоске и скуке, слова грубеют, утрачивают подвижность, гибкость и блеск.

Но все же мы попытаемся очертить контуры тоски и скуки в словах. Для этого нам будет нужно постичь тоску и скуку как *способы бытия.*

И начнем мы с проблемы молодости. Нет, более того, — с проблемы Вечной Молодости.

2

Юность может уйти, молодость остается навсегда. Юность отдана на съедение времени, молодость живет в Вечности. Но Вечная Молодость часто скрыта от нас под пылью обыденности. И нам кажется, что ее нет, что она иллюзия. Нам кажется, что под пылью обыденности *лишь пыль*. И в этой душной атмосфере смерть предстает перед нами как очищение, морщинистая рука, стирающая жизнь вместе с пылью жизни.

3

Наполненные таким бытием, мы испытываем тоску *или* скуку.

Переживание тоски есть переживание устремленности к обретению утраченной Вечной Молодости.

Переживание скуки есть отождествление себя с обыденностью и временем и, одновременно, *усталость от обыденности-времени*. Скука есть страдающее отрицание самой возможности Вечной Молодости как *Вечного Обновления*.

4

Итак, скука означает замкнутость человеческого бытия и одновременно его разрушительную нестабильность. В тоске мы переживем собственное бытие как открытость, распахнутую бездну, целостность которой может быть равна вечно молодой целостности Вселенной.

138

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

5

Человек — это мир, врата в который могут быть замкнуты или открыты.

Замкнутость может означать безопасность и цельность, но вместе с тем она порождает ту затхлость, в которой произрастает скука.

Открытость дает человеку свежий ветер, врывающийся во врата его личности, однако этот ветер может расшатать и сдвинуть с места все сокровенное, глубинно-личностное, превратить его в хаос. Этот ветер может стереть черты духовного лица.

Но истинная открытость, открытость, понятая как *открытость личности*, дает человеку неповторимую целостность бытия. Преддверием этой открытости и целостности является тоска.

6

В состоянии скуки мы полностью придавлены временем, для нас закрыта Вечность. В состоянии тоски мы стремимся выйти из времени в Вечность, из взросления и дряхления — в непрекращающееся *обновление* и *омоложение* личности.

Но тоска показывает, что это обновление и омоложение не полностью доступны нам. Она показывает, что мы трагически раздвоены — ***мы раздвоены между временем и вечностью***.

Эта раздвоенность ведет нас к необходимости глубинного изменения нашего бытия.

7

От скуки можно откупиться, ее можно утолить *внешней жертвой*.

Тоска неутолима. Она требует *внутренней жертвы*. ***Она требует принесения в жертву всей глубины человека***.

Тоска требует личности. Поэтому ее можно только пережить.

8

Скука насыщается *развлечениями*, тоска преодолевается лишь *самоизменением*.

139

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

9

Каждый человек в своей жизни испытал и тоску, и скуку. Однако каждому из нас дано *преимущественное* переживание *либо тоски, либо скуки*.

Именно поэтому люди глубинно различны. Осознать различие людей тоски и людей скуки — ***значит осознать тайну человеческой совместимости***.

Ибо человек тоски и человек скуки вряд ли смогут ужиться.

2. Могут ли быть люди тоски и люди скуки?

1

Насколько правомерно разделять людей? Вне всякого сомнения у меня найдется достаточно оппонентов, если я позволю себе положительно ответить на этот вопрос.

Но людей разделяет *сама жизнь* — уже тем, что они не могут быть вместе — уживаться, взаимодействовать, дружить...

Да, но из того, что люди *разные*, еще не следует, что они могут быть разделены на *две, три* и т.д. категории, — так ответят мне мои оппоненты.

Конечно, я вынужден отчасти согласиться с ними. Из различия людей еще не следует возможность их разделения. Однако различие и уникальность людей вместе с тем и не отрицает возможность *более общего* экзистенциального разделения.

Такое разделение есть разделение обыденного бытия человека и всего того, что выходит за пределы обыденности.

2

Давайте согласимся, что есть люди, преимущественно живущие в обыденности, и люди, не только устремленные за ее пределы, но и *живущие за этими пределами*.

Далее можно допустить, что именно люди обыденности наполнены преимущественно скукой, тогда как люди предельного и запредельного бытия существуют в русле тоски. Отсюда само человеческое бытие кладет между ними предел,

140

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

перейти который можно лишь переходя в иную тотальность бытия.

3

Означает ли это, что мы разделяем человечество непроходимой пропастью, и эта пропасть может стать основанием для некоего *экзистенциального тоталитаризма*?

Да, такая опасность имеется. Но против нее есть глубинное противоядие.

Это противоядие — *любовь*.

ИМЕННО ЛЮБОВЬ СПОСОБНА ПРЕОДОЛЕТЬ НЕПРЕОДОЛИМУЮ ПРОПАСТЬ ЛЮДЕЙ ТОСКИ И ЛЮДЕЙ СКУКИ. Речь здесь идет не об абстрактном уважении всех ко всем, уважении, которое рождено *страхом взаимного неуважения*. Речь идет о любви как действительно личностном отношении.

4

Истинная любовь основана на переживании **ВЕЧНОСТИ ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА В ЧЕЛОВЕКЕ.**

Того личностного начала, которое может выйти за пределы и тоски, и скуки — *за любые пределы*. Любовь есть отношение к вечному в человеке. Понятая таким образом, любовь становится огненным мечом в руке *каждого* человека, отсекающим все конечное, равнодушное и болезненное в человеческом бытии. Она становится защитой личностного в человеке, условием недопущения разрушительных последствий осознания разделенности людей тоской и скукой. Именно такая любовь заставляет нас не закрывать глаза на бесконечную экзистенциальную разорванность человеческого бытия.

Она призывает нас углубиться в нее.

5

Но всех ли людей можно разделить на людей тоски и скуки? Нельзя ли выделить еще какие-нибудь иные типы людей?

Прежде всего нам приходит в голову, что возможны промежуточные формы бытия тоски и скуки. С другой стороны, мы можем предположить, что есть люди, которым неведома ни тоска, ни скука. Не ставит ли это под угрозу сам принцип нашего рассмотрения? Попробуем ответить на этот вопрос.

141

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Во-первых, действительно мы не сможем найти в чистом виде человека, погруженного лишь в тоску или в скуку. В жизни все трагически перемешано. Однако доминирующий способ бытия есть всегда. И он влечет нас словно глубинное течение вопреки всему поверхностному.

Во-вторых, пока люди живут в этом мире, никто из них не может, не покрывив душой, утверждать, что он *абсолютно счастлив*. Даже люди, заявляющие из суеты обыденности, что им *некогда скучать*, окунулись в эту суету ради спасения от скуки. Они вынуждены швырять в пасть обыденности все новые и новые дела и стоит им только остановиться как скука охватывает их с необоримой силой...

6

И тоска, и скука несут страдание. Этот простой факт замораживает желание говорить о преимуществах тоски или скуки. Более того, это желание кажется нам жестоким.

Но не приводят ли наши размышления все же к тому, что тоска может вывести из страдания в

некое новое бытие, тогда как скука *закрывает страдание в одном и том же бытии?*..

7

И все же не будем спешить с оценками и выводами. Углубимся в проблему и пусть *сама глубина ответит нам*.

В этой глубине нам предстоит спросить мужской и женский пути бытия о тоске и скуке.

И в этом противоречивом ответе возможно нам и откроется истина...

3. Психософский способ проникновения

1

Для постижения смысла тоски и скуки и проявления их в бытии мужчины и женщины нам необходимо найти соответствующий способ проникновения в проблему. Этот способ проникновения не может принадлежать исключительно философии или психологии. Он лежит между ними. Или, точнее, он одинаково возвышается над ними.

Почему? Тоска и скука есть экзистенциальные ситуации — ситуации человеческого бытия-на-пределе. Экзистенциаль-

142

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

ные ситуации не могут быть восприняты лишь логически. Более того, они не могут быть восприняты лишь духовно. Их восприятие нуждается в *душевном проникновении*, переживании.

Именно это приводит к выходу за пределы философского способа отношения к реальности — духовного отношения — и предполагает дополнение его психологическим — душевным. Это приводит нас к психософскому способу проникновения в проблему.

2 Итак, мы будем проникать в тайны человека тоски и человека скуки с позиций *психософии* — учения, соединяющего в себе философию и психологию.

3

Это означает, что мы будем *вживаться в проблему*, используя не только размышление, но и жизненную открытость, способность к переживанию и сопереживанию.

Мы будем двигаться философски — будем искать *смысл*. Мы будем искать смысл в бытии человека тоски и человека скуки и смысл выхода за их пределы. С другой стороны, мы будем двигаться психологически, рассматривая мужское и женское начала как специфические и несводимые к абстрактному человеку. Однако мы будем *преодолевать психологизм* как отчуждение от смысла и трансцендентных оснований человеческого бытия.

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Проникновение 2

ТОСКА И СКУКА:

ПРИЗРАКИ СВОБОДЫ

И ОДИНОЧЕСТВА?

Ночью бессонной Северный ветер Холод надул В загустевшее утро. Долго и жалко Выл, задыхаясь, И воплотился В серых громадах Хмурых домов, Проступивших из мрака. *Н.Хамитов*

144

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

1. Тоска, скука и свобода

1

Тоска и скука — это удел свободного человека. Несвободный механически озабочен, ему действительно некогда тосковать и скучать. *Но означает ли это, что он свободен от тоски и скуки?*

Нет. Он лишь на время спрятался от них.

И стоит действительному Событию пробить брешь в суеде, тоска или скука обрушатся на человека.

2

Тоска и скука обрушиваются на человека, вышедшего за пределы обыденных забот достаточно далеко, чтобы *почувствовать себя человеком*.

Они — показатели человечности человека. Той человечности, которая является свободой.

Бегство от тоски и скуки — это бегство от свободы.

3

Но именно тоска и скука есть состояния, разрушающие свободу. Для огромного большинства людей обыденности тоска и скука олицетворяются со свободой. Поэтому бегство от тоски и скуки — это бегство от страдания и безысходности, которые приносят с собой тоска и скука.

Но вместе с водой выплескивается ребенок. Суевающийся человек бежит от страдания и убегает от полноты жизни, путь к которой лежит через страдание.

4

Свобода может жить только за пределами тоски и скуки. Но она противостоит и обыденности с ее паутиной забот.

Выход к свободе опасен. Словно два зверя, тоска и скука стоят на страже обыденности. Они могут причинить боль, могут и покалечить. Но путь к свободе пролегает мимо них. Более того, он пролегает *сквозь них*.

Чудовища рычат и оскаливаются.

Сильный идет к ним навстречу и побеждает. Слабые опасаются подойти и всю жизнь проводят в отдалении под тайным гнетом, который от этого еще более мучителен...

145

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

2. Маски одиночества

1

Тоска и скука есть переживание своего одиночества в бытии. Это переживание своей неслиянности с бытием, выброшенности из бытия.

Это переживание своей чуждости бытию — *тоска и скука означают выход к собственным пределам и стремление разрушить их*.

2

Тоска и скука — две разные маски человеческого одиночества. Они надеваются на разные лица, но иногда на одно и то же лицо.

Таким лицом может быть только лицо человека тоски — только он способен осознанно носить обе маски. Он сменяет их в попытке избавиться от одиночества, но это только усугубляет его.

Когда тоска стремится перейти в скуку, она становится на колени; скука, устремленная к тоске, бросается в бездну. В этой бездне ей суждено умереть и возродиться вновь.

Возродиться в том качестве, в котором скуке больше нет места...

3. Скучный и скучающий, тоскливый и тоскующий

1

«Этот человек *скучен*».

«Этот человек *тосклив*».

Какая разница смыслов скрывается за этими высказываниями! Скучный человек вызывает у нас брезгливое равнодушие и отторжение. *Тоскливый человек* — страх и болезненное любопытство. Любопытство усиливается, если мы смотрим на *тоскующего человека*. Тоска такого человека, в отличие от человека тоскливого, замкнута в нем и не изливается на нас.

Та же разница лежит между скучным и *скучающим человеком*. Но скучающий человек не способен привлечь нас, как тоскующий, он не вызывает у нас любопытства. Лишь мимо-

146

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

летный холодный интерес, *который сам становится скукой*. Скучающий человек находится в бездне нуля, и эта бездна превращает в ноль любое внимание.

2

Скучающий и тоскующий человек в своих внешних проявлениях могут исказить свою глубинную сущность. Так скучающий может показаться тоскливым, а тоскующий — скучным. **Все зависит от установки восприятия.**

Человек, живущий в пространстве скуки, переносит ее на любого другого человека. Всякое действие, не связанное с непосредственной практической деятельностью, представляется ему порожденным скукой.

Человек, живущий в пространстве тоски, способен более тонко различать тоску и скуку. Однако в моменты особенного погружения в тоску он видит других людей в ее отсветах. И тогда скучающий человек может показаться ему тоскливым и тоскующим.

3

Всякий ли скучающий человек будет скучным для нас? Как правило, это всегда так. Скучающий человек может быть интересным, если его скука смешивается с тоской. Яркий пример этому — Печорин Лермонтова. В его жизни тоска трагически спорит со скукой, и потому его образ вызывает наше небезразличие.

Скучающий человек, наполненный *преимущественно скукой*, может быть любопытен своими

связями, но не своей личностью.

4

Всякий ли тоскующий человек является тоскливым? Нет, лишь тот, кто *пытается заразить своей тоской окружающих*. Эта устремленность превращает тоскующего человека в садиста. Вместо того, чтобы преодолевать тоску самоуглублением, он желает вынести ее за пределы своего Я и навязать ношу своей тоски окружающим. В итоге возникают тоскливость и тяжесть в общении, которые окружают тоскующего человека хищным туманом. Этот туман размывает очертания его личности и превращает в чудовище.

147

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

5

Если один человек страстно желает заставить другого разделить с собой тоску вопреки его воле, это может превратить его в маньяка'. Учитывая теснейшую связь тоски с эротической сферой человека, мы можем предположить, что он будет прежде всего сексуальным маньяком. Образы тоскующих людей, превращающихся в сексуальных маньяков, великолепно выписаны в романах Томаса Харриса.

Таковы Гам из «Молчания ягнят» и Долархайд из «Красного Дракона». Тоска, заполнив собой их жизнь, привела к стремлению *мстить за тоску*. Они желают отдать свою тоску другим, прежде всего женщинам. Для этого им нужно вызвать в них еще большее страдание от тоски. Мощь этого страдания такова, что жертвы с необходимостью должны умереть.

Лишь в созерцании смерти приходит к ним облегчение от тоски. Однако оно кратковременно. Вскоре их демоническая тоска усиливается и требует новых жертв. И в конце концов ей приносится последняя жертва — *собственная жизнь*.

6

Оба эти романа пронизывает образ еще одного маньяка — доктора Лектора. Он тоже тоскующий человек, мстящий за свою тоску окружающему миру. Но его тоска странным образом сочетается со скукой, более того, непостижимым образом *переходит в скуку*. Именно поэтому Лектор наполнен той дьявольской иронией и трезвостью, которые отсутствуют у Гама и Долархайда.

Образ доктора Лектора напоминает образ дьявола — тоска в его бытии становится скукой, а скука — тоской. Такой чудовищный синтез возможен уже за пределами человеческого...

7

Однако именно тоскующий человек может принести в мир любовь. Исцеляя свою тоску самоизменением, он превращается в действительно интересную личность.

Встречая равнодушие, испуг и насмешку окружающих, такие люди начинают считать их своими врагами или двуногими объектами без души.

148

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

4. Смех человека тоски и человека скуки

1

Смех на время стирает скуку и углубляет тоску.

2 Смех человека скуки — это хохот. В его экстатических раскатах скука корчится, словно пронзаемая молниями. А потом поднимается посвежевшая и окрепшая...

3

Смех человека тоски — это передышка перед новым вдохом атмосферы тоски.

5. Поцелуй ревности: страдание бесполое и сексуальное

1

Ревность есть переживание, в пространстве и времени которого мы воспринимаем любимого человека *как вещь*. Это чувство неприятия его свободы. В ревности скрыто желание повелевать любимым человеком и контролировать его.

2

Желание повелевать любимым или любимой есть ограничение собственной свободы и собственной полноты бытия.

Мы превращаемся в мясников, отрезающих от собственной свободы кусочки любви, и в конце концов истекаем кровью...

3

Скучающий человек ищет себе повод избавиться от скуки и часто таким поводом становится ревность. Ревность вырастает на почве такого чувства человека скуки, как зависть.

Точно так же, как зависть может носить бесполой характер, ревность также может быть бесполой. Бесполой ревность — это маска *под лицом* человека скуки. Но она заставляет кривляться и страдать лицо *над* маской.

149

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4

Ревнует прежде всего человек скуки, а не человек тоски. *Однако чувство ревности способно переплавить скуку в тоску.*

Чувство ревности может стать толчком, переводящим человека скуки в человека тоски.

Но на это способна только сексуальная ревность.

5

По сравнению с бесполой, сексуальная ревность является бесконечно более мощной. Словно безумный ветер, она пригибает человека к земле, грозя вырвать корни у всех его чувств.

Сексуальная ревность рождена завистью, возникшей в пространстве любовного треугольника.

Еще один скучающий вонзается во взаимодействие страстно любящих-но-скучающих. И когда мужчина или женщина сталкиваются с соперничающим полом, вся полнота страсти переливается в полноту ревности как агрессии.

6

Сексуальная ревность способна поразить даже человека тоски. Но здесь она уже вырывается за очерченные пределы ревности...

7

Ревность есть чувство, которое сторожит страсть от разрушения ее скукой. Она сторожит страсть как волю к обладанию *человеко-вещью*.

И одновременно ревность сама разрушает страсть.

Поэтому за ревностью проглядывает неизбывная тоска, призывающая выйти за пределы и скуки, и страсти, и ревности...

б. Инструменты тоски и инструменты скуки

1

Инструменты тоски — это разряд вещей, которые способны вызывать тоску и через ее усиление *освободить от тоски, направляя ее в конструктивное русло.*

150

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Инструменты скуки призваны развеивать скуку; это *инструменты развлечения.*

2

Музыкальные инструменты достаточно четко разделяются на инструменты тоски и скуки.

Так, например, ударные и медные духовые — инструменты скуки. Они изгоняют скуку своими жизнерадостными вибрациями, но эта жизнерадостность парадоксальным образом является питательной средой для новой скуки.

Почти все струнные — инструменты тоски. Из них выделяются скрипка и гитара. Еще большую тоску выражает виолончель. Ее печальные звуки ошупывают контуры тоски и указывают на ее пределы...

3

Рояль и фортепиано могут передать меланхолию, но не тоску. Этим инструментам не хватает *запредельной углубленности в бытие*. Они чужды трансценденции. К ним обращаются от скуки; они могут разогнать скуку и рассеять грусть, но они бессильны перед тоской. Вблизи от тоски они становятся жалкими и маленькими, такими же жалкими и маленькими становятся их голоса.

4

Главный инструмент тоски — орган, стремящийся унести в небо вместе со своими звуками весь мир.

В органе сосредоточена мистическая мощь тоски. Орган излучает волны тоски, которые колеблют устои мироздания.

5

Человек тоски тяготеет к холодному оружию, человек скуки — к огнестрельному. Их глубинное различие может проявиться в этом простом отношении.

6

За редким исключением огнестрельное оружие — это оружие скуки. Огонь, выбрасывающий пули, обладает кратковременной жизнью, он лишен глубинного спокойствия и благородства.

Огнестрельное оружие несет в себе момент слепой случайности, вызывающей тайный страх и презрение к нему...

151

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

7

Холодное оружие — оружие тоски. Оно практически не подвластно случайности и служит прямым продолжением воли. Именно поэтому холодное оружие выступает символом власти. Меченосец и карабинер — сколь глубокая разница лежит между этими словами и реальностями, скрывающимися за ними!..

Меч — инструмент тоски, служащий для устранения тоски. Это наиболее явный символ власти. Меч — как наиболее универсальное и благородное оружие — играет ту же роль в мире оружия, что и орган в мире музыки...

Вытеснение меча и шпаги ружьем и саблей означало вытеснение аристократического начала из сферы политической власти — вытеснение людьми скуки людей тоски.

8

Меч несет в себе благородство и обнажается не в скуке, а в тоске.

Истинно владеть мечом может лишь человек тоски. В его руках меч превращается в фаллос, который вступает в эротическое отношение с Бытием, очищая и оберегая его.

Но меч может стать *демоническим фаллосом*. Он может стать фаллосом, который пробивает себе влагалище в любой плоти, используя вместо семени кровь и вызывая смерть вместо рождения.

В этом чудовищном сексуальном действе тоска *крово-смешивается* со скукой.

Благородный Герой с мечом превращается в Демонического Властелина, которому меч заменяет живой фаллос, а тоска становится маской скуки...

7. Вытеснение и возвышение тоски и скуки

1

Тоска и скука могут быть вытеснены и возвышены, трансформированы.

Вытеснение означает попытку освободиться от тоски и скуки без изменения их сущности. Но тоска и скука всегда

152

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

остаются при этом в человеческом существовании и рано или поздно возвращаются. Вытеснение тоски и скуки есть бегство от них в пространстве *замкнутой психики*. Эта замкнутость не оставляет никаких шансов бегущему.

Возвышение предполагает коренное преобразование тоски и скуки — такое преобразование, когда они переходят в совсем иное качество. Лишь в этом случае происходит действительное освобождение от тоски и скуки.

2

Тоска значительно сложнее, чем скука, подчиняется вытеснению. Всем своим бытием она призывает к трансформации. Вытеснение тоски может быть лишь кратковременным; утопленная в подсознании, она мгновенно всплывает вновь.

3

Вытеснение тоски и скуки происходит прежде всего в суете. Но паутина суеты бессильна удержать не только тоску, но и глубокую скуку. И тогда на смену суете приходят алкоголь, наркотики, путешествия, извращение секса и, наконец, вытеснение может привести в сумеречный лабиринт, в котором человек становится Минотавром по отношению к другому, а затем и к себе...

4

Вытеснение тоски и скуки характерно скорее для женщин, чем для мужчин. Ибо возвышение требует того *духовно-творческого самоуглубления, которое род тормозит у большинства женщин*.

5

На пути возвышения тоски и скуки мужчины часто восстают против рода и порывают с ним. Женская душевность-жалостливость не позволяет решительно отвергнуть род и обыденную жизнь, связанную с родом. В этом смысле душевность может парадоксальным образом разрушать личность женщины. Но именно женская душевность не допускает деструктивных последствий вытеснения тоски и скуки, которые столь часто уродуют личность мужчины.

153

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

6

Возвышение скуки возможно только через переход ее в тоску. Освобождение от страдания человека скуки реально лишь через его вознесение к страданию в тоске. **Человеку скуки необходимо сгореть в огне еще большего страдания, чтобы ступить за пределы страдания в скуке.**

Лишь после этого он может перейти в бытие, очищенное от страдания.

7

Человек тоски и человек скуки есть люди, не способные до конца возвысить тоску и скуку. Это люди, довольствующиеся вытеснением и страдающие от него. Волны вытеснения омывают их бытие, но оно *остаётся прежним*. Волны грохочут, но вытеснение только усиливает тоску и скуку. Усиливает настолько, что в какой-то момент спасение может прийти только через возвышение тоски и скуки.

Ибо в волнах вытеснения можно и захлебнуться.

8

Человек скуки — это тот, кто не способен возвысить скуку до тоски.

Человек тоски — это тот, кто не может возвысить тоску до любви.

Ибо истинным возвышением тоски может быть только любовь.

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Проникновение 3

ОДИНОЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ТОСКИ

Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман смешивает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом.

Мартин Хайдеггер

Больше всего человек создает от отчаяния. От тоски, от одиночества, от состояния оглушенности.

Потому что тогда его ничто не удовлетворяет.

Карел Чапек

Осень разделась до Ноября Сыпятся листья и негде укрыться Я выбираю молчанье — и зря: Даже молчанье не может продлиться.

Длинные ливни пригонят печаль И уведут онемевшую юность Тихо слетает лесная вуаль — Это весна, уходя, оглянулась.

Утро разбудит часы из песка Белое утро — страница итога Тонкая плеть, облака и тоска Все, что оставила эта дорога...

Валерий Жулай

155

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛЛ*

1. Человек тоски как разрушитель обыденности

1 Тоска рождена утратой смысла. Скука — утратой желания.

Это рассуждение будет центральным в нашем постижении людей тоски и скуки, которые всю жизнь борются за *смысл* или за *желание*. Или точнее: за обновление смысла или желания.

Мы начнем с портрета человека тоски. Правомерно ли это? Ведь из всего того, что мы осознали выше, следует вывод: *скука более простое состояние, чем тоска* и осознать ее будет проще.

Не стоит ли от простого подойти к более сложному? Увидеть в тоске развитие скуки?

Действительно, такая логика подкрадывается ко мне. Но ее останавливает принципиальный аргумент.

2

Скука как переживание обыденности необъяснима из самой себя. Скука несамостоятельна и может быть понята лишь с позиций тоски.

Скука — лишь лагуна на берегу Океана Тоски.

3

Поэтому скука не является эмбрионом тоски. Она есть некое параллельное переживание по отношению к тоске, но она параллельна тоске лишь как ветвь дерева может быть параллельна стволу — лишь условно и лишь *изогнувшись у основания*.

4

Человек тоски и человек скуки отличаются углубленностью в свою личность. Человек тоски *уже коснулся своей личности*, человек скуки еще блуждает *около нее*.

5

Человек тоски всегда восстает против обыденности в поисках потустороннего и запредельного. В этом восстании он обретает себя и свое страдание.

156

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

6

Восстание человека тоски против обыденности есть прежде всего восстание против рода. Это восстание против желания *жить в роде* и *продолжать род*.

Тоскуя, почти невозможно зачинать и совсем невозможно рожать. Тоска призывает к аборту.

7

Тоска тормозит детородные и вообще сексуальные возможности. Углубляясь в этом направлении, она наполняется страхом секса и агрессией к нему.

Половые органы начинают тяготить. Секс все больше приобретает садо-мазохистическую окраску. Такая тоска, словно кровь, пульсирует по жилам секты скопцов...

8

Характерный человек тоски — Николай Гоголь. Он восстает против обыденности и его смех заставляет плакать. Этот странный смех будит тоску, спящую в глубине души у каждого.

Смех Гоголя — это тоскующий смех. Его раскаты ранят. Серая бездна обыденной жизни открывается каждому, кто хотя бы раз рассмеялся этим смехом. Все удовольствия и маленькие радости повседневности превращаются тоскующим смехом в ужасных призраков.

Носы, столь долго и преданно служившие людям для чихания, нюханья табака и ароматов вареной говядины, внезапно покидают своих повелителей. Оживают шинели и морозными петербургскими ночами обретают собственные души. Каждому, кто смеялся тоскующим смехом, открывается, что голоса обыденности— это не человеческие голоса, а *голоса вещей*...

9

Человеком тоски был Ницше. Поражает удивительное сходство с Гоголем — общее единство душевной мягкости-ранимости и жестокой насмешки.

Однако в тоске Ницше сворачивается трансцендентное и запредельное. И тогда тоска вырождается в скуку.

157

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

Именно тоска Ницше порождает скуку Постороннего Альбера Камю...

10

Человеком тоски является Стивен Кинг. Он пытается выйти за пределы тоски при помощи ужаса, но это удается ему лишь отчасти. Ужас подчиняет его себе.

В мире чистого ужаса стирается различие тоски и скуки. Пламя ужаса столь ослепительно, что рядом с ним меркнет огонь и тоски, и скуки. Конечно, *пламя рукотворного ужаса может превратить скуку в тоску*. Но оно способно и запутать отношения тоски и скуки...

Не случайно многие романы Кинга часто читаются от скуки и после прочтения лишь на время избавляют от нее, становясь всего лишь развлечением.

Для того, чтобы ужас вывел не только из скуки, но и из тоски, необходимо, чтобы за ним скрывалось нечто абсолютно преодолевающее ужас и бесконечно более могущественное, чем он — *любовь*...

< 2. Человек тоски как странный человек

Вы мне нравитесь... в вас есть нечто высшее, чем просто земное животное.

Брэм Стокер

1

Человек тоски — всегда странный человек. Его странность проистекает из желания странствовать за пределами обыденности. Движимый этим желанием странствовать, он никогда не вмещается в ситуации обыденности. Все обыденные ситуации как повторяющиеся и однотипные тяготят его...

2

Странному человеку хочется быть наперекор обыденности. Ему хочется работать в праздник и отдыхать в будни. Учреждения притягивают его в вечерние часы, когда их покидает дневная суeta. Люди интересуют его без социальных масок.

Означает ли это, что странный человек находится в вечной оппозиции к любому массовому бытию эпохи?

158

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

И да, и нет. Для странного человека важно не вступать в оппозицию, а быть собой вопреки всему. И если результатом этого становится оппозиция, то она является побочным результатом странствия по внутреннему космосу, чуждому любым безличным и массовым играм своей эпохи.

3

Любая тоска порождает странность, любая странность ведет к тоске. Это — фундаментальный закон нашего мира.

Странность предполагает одиночество — островок, омываемый волнами Океана Тоски. Возможен ли такой мир, в котором странный человек не будет в тоскующем одиночестве?..

Очень хочется ответить: «Да». Однако это «Да» требует оговорок. Странность есть вызов любому человеческому бытию как социальному бытию. Поэтому странный человек не может избавиться от одиночества до тех пор, пока человеческое бытие будет социальным бытием — бытием, группирующимся на основе отчуждения от странности.

4

Общество, уважающее странного человека и преклоняющееся перед странным человеком не в силу его *волевого* давления на людей и не в силу его социального преуспеяния, а в силу *странности как таковой*, странности как личностного своеобразия, — такое общество уже лежит за пределами всех известных нам форм общения и взаимодействия людей.

3. Мужчина тоски: стремление за горизонт

1

Мужчина тоски постоянно выталкивается обыденностью на ее поверхность — к тому Солнцу и Воздуху, которые находятся за пределами обыденности. Но мужчина тоски может оказаться не только легче обыденной среды, но и тяжелее ее. Тогда он опускается на дно обыденности и проникает *глубже* дна.

Для мужчины тоски характерно стремление к выходу в за-

159

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

предельное бытие, к трансцендированию. Мы назовем это **стремление стремлением за горизонт**.

2

Стремление за горизонт есть стремление за пределы пространства своей страны и времени своей эпохи. Более того, это стремление *за пределы пространства и времени вообще*. Это устремленность к **абсолютно непознанному и неизведанному**. И вместе с тем это устремленность к тому, что всегда смутно ожидается и будоражит надежду — к **вечному**. Поэтому познание и *изведывание* мужчины тоски всегда переходит в самопознание и *само-изведывание*. Ибо постижение Вечности возможно только через постижение себя.

Постигание Вечности есть проникновение в собственные вневременные глубины.

На этом пути самопознание становится самотворением. Самотворение для мужчины тоски становится глубинным способом выхода из мира тоски.

3

Мужчина тоски стремится избавиться от тоски через избавление от обыденности. На этом пути он желает разрушить свою собственную тоску через *изменение бытия в целом*. В этом он принципиально отличается от женщины тоски, которая стремится преодолеть тоску лишь через изменение своего *собственного* бытия.

4

Можно выделить три типа мужчины тоски. Это Гений, Герой и Святой. Все они имеют общую тоску — **тоску по запредельному**. Но каждый из них пытается выйти за пределы этой тоски по-своему.

5

Гений— это мужчина тоски, в бытии которого воля к вдохновению доминирует над волей к самосохранению и продолжению рода, а также над волей к власти и реализуется в культуротворчестве, кардинально меняющем жизнь рода!

Более подробно я развернул эту мысль в книге: *Пределы мужского и женского*.— К., 1997.

160

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Гений — это мужчина тоски, склонный к мифотворчеству. Ибо в мифе всегда разрешаются трагические для личности и рода противоречия. Именно через миф Гений может глубинно изменять родовую жизнь.

6

Тоска в жизни Гения толкает его выразить себя в продуктах культуры. Его личность трагически возносится в этих продуктах и столь же трагически застывает.

Объективированный в культуре дух Гения напоминает окаменевшие языки пламени.

7

Гений отличается от таланта глубиной тоски.

Талант может проявить себя как Ученый и Художник. И Ученый, и Художник рождены тоской, но эта тоска уступает тоске Гения. Тоска таланта есть тоска не по *запредельному*, а по *предельному бытию*.

Поэтому талант устремлен реализоваться в пределах этого мира— в пределах специализации. Ученого удовлетворяет понятийное моделирование мира, дающее ему системность, как видение *скелета бытия*. Художника — образное выражение, дарящее личности живость, разомкнутость и *хаотичность*.

Гению недостаточно специализации. Он стремится к универсализации, пытаясь соединить в своей личности системность Ученого и живость Художника. Именно такое соединение приводит к мифотворчеству Гения, которое пребывает в культуре, но не вмещается в ней, а потому стремится стать метакультурой.

Это стремление неизбежно трагично. Ибо Гений стремится творить метакультуру ***языком культуры***.

8

Глубина тоски по запредельному рождает в Гении запредельное усилие самопреодоления. Но преодолевая себя лишь *в рамках культуры*, Гений глубинно страдает. Это страдание означает устремленность за пределы объективированного творчества и желание быть кем-то большим, чем Гений.

Присутствие страдания *от замкнутости в предметах культуры* наполняет творчество Гения неповторимой катарсической мощью.

6 Зак. № 925

161

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

9

Герой есть мужчина тоски, который стремится к запредельному не через творение произведений, а через творение поступков. Его деятельность выходит за пределы культуры в жизнь.

Герой — это мужчина тоски, в бытии которого воля к власти побеждает волю к вдохновению, более того, воля вытесняет вдохновение. Это вытеснение может привести к тому, что в бытии Героя тоска может переродиться в скуку и сближаться со скукой. А потому Герой способен переродиться во *Властелина* и даже в *Демонического Властелина*.

10

Сущность Героя коренится в способности совершить подвиг. Подвиг есть поступок, который непосредственно меняет жизнь рода в критических ситуациях. Как правило, подвиг означает *спасение, защиту*. Поэтому подвиг рождается в борьбе со стихией или врагом. А значит, наилучшая арена для свершения подвигов — пространство и время стихийного бедствия или войны.

11

Война, словно безумная самка, порождает героев. Но героизм на войне граничит с демонизмом и вскоре может обратиться против рода, пославшего на войну. В героизме на войне очень сильна воля к внешней власти. Это непосредственно проявляется в случае захватнической войны. Но даже в условиях самой справедливой войны, войны на своей территории, желание защитить и спасти достаточно часто соединяется со стремлением возвыситься через убийство.

12

Глубинный подвиг Героя — это *самоизменение*. Тогда он вступает в борьбу с самим собой и выходит за пределы воли к власти над миром — сначала в *волю к власти над собой*, а затем — в *волю к вдохновению*. Именно такой подвиг — бескровный — может быть назван действительно нравственным. Только на этом пути Герой обретает сверхчеловеческие черты личности.

Лишь подвиг самоизменения способен освободить Героя

162

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

от тоски. Подвиг на войне в конце концов усиливает тоску и может превратить истинного Героя в

Героя случайного...

13

Сущность Святого заключается в недопущении войны во всех ее формах. Иными словами, **Святой— это мужчина тоски, который преобразует волю к власти в волю к любви и милосердию.** По своей природе Святой стремится совершать поступки, несущие в жизнь любовь. В этом его принципиальное отличие от Гения и Героя.

Однако Святой не проникает в стихию вдохновения так глубоко, как Гений, и не столь мощно преобразует ткань жизни, как Герой. Его любовь бывает достаточно абстрактна и внеэротична. В исторически известной святости глубоко разделяются мужское и женское начала. Именно это сообщает человеческой святости странное бессилие в ее воздействии на мир и отчуждает ее от андрогинного Божества.

14

И в Герое, и в Гении есть гордыня, которая может заслонить от них любовь. Они желают личного расцвета, из которого может вырастать тайный или явный эгоцентризм. Этот эгоцентризм означает стремление властвовать у Героя и жажду славы у Гения. Святой лишен гордыни, ему хочется раствориться в бытии, преодолеть личностное начало в себе.

Но такое преодоление есть преодоление силы и глубины любви. Святой не просветляет гордыню, а бежит от нее. Однако истинная любовь к людям может родиться из глубин личности, познавшей бездну гордыни индивидуального бытия и сумевшей переплавить ее в **гордость бытия персонального** — ту гордость, без которой любовь *сливается с жалостью* и утрачивает свой смысл.

15

Если уместно сказать, что Святой принимает на себя грех гордыни Гения и Героя, то столь же уместным будет утверждение, что Гений и Герой принимают на себя **грех бегства от гордыни**, наполняющий бытие Святого.

16

Итак, и Гений, и Герой, и Святой не есть самодостаточные типы. Тоска в бытии каждого из них говорит по-разному, но достаточно громко. Подлинное преодоление тоски возможно

163

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

лишь тогда, когда черты Гения, Героя и Святого соединятся в *одной личности*. Это может произойти только за пределами человеческого бытия — в том бытии, которое мы называем сверхчеловеческим и богочеловеческим.

17

Незавершенность Гения, Героя и Святого проявляется в их отношении к женщинам. Как правило, это отношение глубоко трагично.

Герой и Святой не могут допустить женщину в свое бытие. Она разрушает их бытие, ибо *зовет к чему-то иному, чем героизм и святость*. И это иное не всегда есть падение героизма и святости. Иногда оно означает их возвышение.

Лишь Гений осознает необходимость женщины как Музы, присутствие которой наполняет творческий процесс целостностью и полнотой. Однако и Гений часто жертвует женщиной во имя объективированного творчества, понимая, что не в силах *пережить* смысл **жизнетворения в андрогинном единстве с женщиной**.

И тоска пропитывает жизнь Гения, Героя, Святого... В потаенных глубинах своего существования — там, где рождаются божественные смыслы — они понимают: мужчине тоски нужна женщина тоски. *Лишь будучи удвоенной, тоска может покинуть жизнь и мужчины, и женщины*.

Но женщина тоски вновь и вновь выскальзывает из жизни Гения, Героя, Святого.

Для того, чтобы понять почему, постараемся прикоснуться к ее бытию.

4. Женщина тоски: Гетера и Муза

Я так хотел тебя обнять, Но ты ускользнула как сон, Как теплая косточка вишни Упала в зовущую землю.

Н.Хамитов

1

Женщина тоски более обостренно и индивидуально переживает свою тоску, чем мужчина. В тоске для нее концентри-

164

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

руется весь мир. Если для мужчины тоски тоска есть трагедия Бытия, а уже потом личности, то для женщины тоски в тоске говорит, кричит и страдает прежде всего *личностное*.

2

Женщина тоски часто воспринимает свое бытие как неизбывную трагедию. Из этой трагедии ее не может спасти ни деторождение, ни преклонение мужчин.

Ей нужно нечто большее.

В поисках этого большего она становится Гетерой или Музой.

3

Гетера — это женщина тоски, которая отправилась в поиски мужского внимания и участия и хочет охватить своим желанием наибольшее количество мужчин. Но Гетеру интересуют не мужчины вообще, а *странные мужчины*. Она стремится актуализировать странных мужчин, развить в них их странность. Она стремится к тому, чтобы развить эту странность до *величия*. Такова Таис Афинская, которая движется по античному миру, обогащая встречающихся ей мужчин.

4

В отличие от Гетеры, Муза всегда стремится найти *единственного мужчину*. Ее поиск поэтому часто бывает куда более трагичным, чем у Гетеры. В этом поиске она может на время разуверяться в своих возможностях, испытывать глубочайшие депрессии. Однако полнота жизни, которую получает Муза, космически выше полноты жизни Гетеры.

5

Гетера чаще всего ищет Героя. И она способна действительно актуализировать именно Героя. Но в большинстве случаев это — трагическая актуализация. Гетере не хватает всеполноты душевности, которая может дать мужчине то величие, которое не вело бы его к гибели.

Гетера пробуждает в мужчине не столько волю к вдохновению, сколько волю к власти.

Муза всегда ищет Гения. Лишь в единстве с ним она может преодолеть ту глубинную тоску, которая преследует ее. Муза актуализирует в Гении величие, но это *одухотворенное вели-*

165

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ние — величие, в котором *вдохновение сильнее воли и власти*.

Муза переплавляет в мужчине волю к власти над миром в волю к власти над собой, более того, под ее воздействием воля и власть преобразуются во вдохновение.

6

В Гетере тоска часто *размывается скукой*; именно это заставляет ее двигаться от мужчины к мужчине, двигаться по горизонтали.

Муза укоренена в такой тоске, которая может быть преодолена только *андрогинной любовью*. Эта любовь выходит за горизонт, больше того, вообще за пределы горизонтали — в вертикаль.

7

И Гетера, и Муза есть странные женщины. Но странность Гетеры отдана всем, рано или поздно приобретая безличный характер, тогда как странность Музы направлена на Единственного.

Муза ищет мужчину, с которым она могла бы соединиться в андрогинном сотворческом единстве, соединиться вопреки всему. Именно это делает тоску Музы более глубокой и *чистой*, а ее обретение — более полным.

8

Гетера может стать Музой, но Муза практически никогда не превратится в Гетеру.

Каролина из Гетеры постепенно стала Единственной Музой Шеллинга; нечто подобное произошло с Галой Сальвадора Дали и Аспасией Перикла.

Вместе с тем, возможна жизнь Гетеры, в которой она навсегда остается Гетерой. Таковы Таис Афинская, Клеопатра, Лу Саломэ, Нина Петровская. Их жизнь наполняется неизбывной тоской. Той тоской, что порождает безумие.

Гетера есть незавершенно-страдающий тип, ведущий к Музе...

9

Однако сама Муза не может считаться завершившимся типом. В той мере, в которой она лишь *побуждает* Гения творить и не творит *сама*, она отчуждена от Гения.

166

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Муза сама должна стать Гением. Но это не означает, что для этого ей нужно оторваться от Гения-мужчины. Это не означает эмансипацию-борьбу за Гения-женщину.

Нет. Такая борьба будет бесплодной и вместо эмансипации означает рабство под пятой *бесполой*

гордыни. Это всегда приводит к вырождению и гениальности, и женственности.

Муза должна развернуть собственные творческие возможности рядом с Гением и во взаимодействии с ним. И это в свою очередь приведет к выходу Гения за пределы культу-ротворчества и соединит его с бытием Героя и Святого.

Лишь при помощи женщины-Гения мужчина-Гений может так возвысить свою тоску, что она станет любовью. Лишь с помощью мужчины-Гения женщина может обрести гениальность и переплавить тоску в свободу.

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Проникновение 4

ОДИНОЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА СКУКИ

...Вы, как и большинство, слушаете голоса всех истин через толстое стекло жизни; они кричат, но вы не услышите.

Александр Грин

168

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

1. Человек скуки в пустыне и лесу своего бытия

1

Человек скуки — это человек, который боится оставаться наедине с собой. Это человек, которого тяготит собственное общество.

2 Человек скуки, в отличие от человека тоски, предельно дорожит своим социальным положением и своей социальной маской. Социальная маска человека скуки скрывает от остальных людей и от него самого глубинную неустроенность в бытии.

3

Человек скуки постоянно играет в свою значимость. Ему бесконечно важно получить престижную роль в пространстве и времени семьи, коллектива, социума. Отвергнутость социумом означает для него крах жизни.

4

Человек скуки живет в пустыне — скука испепеляет его внутренний мир. И в этой пустыне он пытается вырастить лес.

И ему *почти* удастся это.

Деревья пускают корни и тянутся вверх. Их кроны шумят *суетливой ответственностью и заботой*, а на ветвях щебечут многочисленные **практические дела**.

Человеку скуки кажется, что он нашел спасение и смысл. Однако его ответственность и забота так и не становятся **любовью**, а практические дела — **поступками**. В результате полнота жизни постоянно ускользает от него. Деревья становятся призраками, а ветер в листве — собственным дыханием.

И человек скуки вновь оказывается в пустыне...

169

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

2. Вызов мужчины скуки: Обыватель, Хозяин, Властелин

1

Жизнь мужчины скуки стиснута двумя волями. С одной стороны — это *воля к самосохранению и продолжению рода*. С другой — *воля к власти*'.

Все многообразие типов мужчины скуки может быть выведено из взаимодействия этих волей.

2

В своих наиболее простых формах мужчина скуки выступает Обывателем.

Обыватель — это мужчина скуки, у которого воля к самосохранению и продолжению рода однозначно доминирует над волей к власти.

Для Обывателя существует лишь забота о сохранении себя и своего рода-семьи. Все явления реальности, выходящие за пределы этого, воспринимаются как второсортные и несущественные, больше того, *недействительные*.

3

Обыватели представляют собой слепую массу любого социума, массу, которая подчиняется писаным и неписаным законам, но глубинно противостоит им. Воля к самосохранению и продолжению рода заставляет их быть вместе, выполняя социальные запреты, однако эти запреты являются внешними и достаточно легко разрушаются в экстремальных ситуациях — ситуациях войны, революции и т.д.

Ибо принятие Обывателем законов и табу есть результат *вытеснения асоциального, а не возвышения его*. Асоциальное не изменяется и не исчезает. Оно уходит вглубь и ожидает своего часа.

И рано или поздно этот час наступает.

Бессознательная агрессия к внеродовой социальности выходит на поверхность. Эта агрессия стремится уничтожить прежде всего культуру **и** то, что порождает культуру,— личность.

Более подробно эти идеи я изложил в книге: *Пределы мужского и женского*.— К., 1997.

170

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

4

В массе обывателей невозможно проявление личностного начала.

Личность засыпает в ней. Или выходит за ее пределы.

5

Вытеснение агрессивности и сон личностного начала приводят к тому, что Обыватель утрачивает эротическую и сексуальную напряженность бытия.

Это вытеснение и этот сон замораживают его сексуальную жизнь.

Обыватель вытесняет себя как мужчину. Все истинно мужское засыпает в нем. Его общение с противоположным полом удивительно бесформенно и безобразно.

6

Обыватель обладает *ущемленной сексуальностью*.

Ему бесконечно тяжело знакомиться с женщинами. Грубая сексуальность тянет его к ним, но ослабленность волевого, а вместе с ним и творчески-эротического порыва порождает страх и отторжение, за которые он впоследствии презирает себя. Живущий по принципу «Не высовывайся», Обыватель утрачивает способность выделиться в общении с женщиной и *волю к такому выделению*. А ведь именно эта воля необходима для полноценного общения полов. Она выступает источником эротического и одновременно его исходом.

Ущемление сексуальности Обывателя является результатом его эротической ущемленности. Приглушенность творческого начала всегда гасит сексуальность.

7

Сексуальность Обывателя наполнена энергией и силой лишь в ранней юности, когда она поддержана непосредственностью восприятия. Впоследствии ее оплетает скука; она превращается в бесконечное повторение одного и того же. Движение по сексуальному кругу замыкает жизнь Обывателя в тюрьме привычки.

Обыватель ищет новой полноты секса в измене своей женщине, но достаточно скоро убеждается, что измена не спасает его от блеклости желания и одиночества.

171

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

8

Измена лишь удваивает блеклость желания и одиночество Обывателя.

9

Обыватель глубинно страдает в своих пределах. Вырваться из этого страдания — значит вырваться из пространства и времени, где властвует скука.

Но Обыватель может выйти за свои пределы и *оставаясь в пределах скуки*.

Он может сделать это, входя в жизненное пространство *Хозяина*.

10

Хозяин есть мужчина скуки, у которого воля к самосохранению и продолжению рода уравновешена волей к власти.

11

Главная мистерия жизни Хозяина— это оживление вещей.

Вещи интимно близки Хозяину. Близки настолько, что человеческие голоса он слышит хуже, чем *голоса вещей*.

12

Хозяин любит замыкать и откупоривать бытие вещей.

Его можно часто встретить со связкой ключей, уверенно и вместе с тем немного развязно идущего по коридорам какого-либо учреждения. Ключи на кольце, кольцо на пальце — создается впечатление, что он обручен с ключами.

Хозяин любит звон и холод ключей. Ему нравится ощущать, как они теплеют в руках. *Словно*

оживают.

Больше ключей Хозяин может любить только двери. Двери, ведущие в *замкнутое пространство*.

13

Замкнутость бытия — вот что роднит Хозяина и Обывателя.

14

Сексуальность Хозяина более полнокровна, чем у Обывателя. Он уверенней знакомится с женщинами и раскованней общается с ними.

172

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Однако отношение к женщине у Хозяина опосредовано вещами. Хозяин окружает женщину вещами, как стражей. Словно планетарное кольцо, вещи вращаются вокруг женщины Хозяина. Внимательные и настороженные, они смотрят на нее.

И эти *почти живые* взгляды порабощают ее женственность.

15

Хозяин любит не женщину, а те вещи, которые надел на женщину.

Он может быть убежден, что хочет обладать именно женщиной. Однако это не так. Вещи заслоняют собой женщину.

На самом деле Хозяину хочется властвовать не женщиной при помощи вещей, а вещами при помощи женщины.

Вещи становятся тогда для него более пикантными и живыми. Странная *отзывчивость* пульсирует в них — они пахнут женщиной больше, чем женщина пахнет ими. Они более покорны и разговорчивы в меру.

Хозяин есть *Абсолютный Фетишист*, сознает он это или нет...

16

Хозяин любит вещи, но он с опаской и недоверием относится к деньгам. Все имеющиеся у него деньги он стремится *овеществить* — обратить в земли, заводы, дома...

Хозяину глубинно чужд финансовый капитал. Операции с чистыми деньгами, деньгами самими по себе, пугают его. Его пугает стремление получать из некой суммы денег еще большие деньги. Его страшит отношение к деньгам как к информации. Хозяин чувствует в деньгах нечто сверхвещественное. Деньги тоже есть вещи, но это специфические вещи. Это — демонические вещи, ибо от них зависит свобода.

Это демонические вещи, *ибо с их помощью властвуют над свободой*.

В них нет рациональной упорядоченности обычных вещей — деньги всегда сопровождает некий безумный вихрь. Деньги дышат безумием. Ибо они являются знаками воли к власти, а воля к власти в высших проявлениях всегда безумна.

Властное безумие спрятано в глубинах денег. На поверхности остается рациональная информация о мере труда, вло-

173

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

женного в бытие. Информация о ценности всех вещей. Но глубинное безумие вырывается на поверхность, становясь бичом, под ударами которого корчится бытие.

Хозяину же хочется упорядоченности и спокойствия, которые дают *обычные вещи*.

17

Для того чтобы овладеть деньгами, Хозяин должен выйти за пределы своего бытия. Он должен стать *Властелином*.

18

Властелин — это мужчина скуки, у которого воля к власти однозначно доминирует над волей к самосохранению и продолжению рода.

В отличие от Хозяина, Властелин способен управлять стихией денег. Без боязни и нерешительности он опускает руки в эту стихию.

И деньги подчиняются ему.

Не означает ли это, что Властелином — особенно в XX столетии — можно назвать мужчину денег — ростовщика, банкира, бизнесмена?

Нет. Ростовщик, банкир, бизнесмен — это бледные тени Властелина. Не они властвуют миром при помощи денег, а деньги властвуют миром с их помощью.

Банкиры — это всего лишь пальцы, которыми деньги ошупывают бытие.

Действительный Властелин столь же равнодушен к деньгам, как и ко всем остальным вещам.

Деньги выступают лишь средством для увеличения власти. Безумная и хищная сила денег смиряется перед волей Властелина.

Властелин — это Укротитель Денег. Деньги смиряют перед ним свою гордыню. Ибо Властелину необходимо нечто еще более демоническое, чем деньги.

Ему необходимо *овеществление людей.*

19

Властелин овеществляет людей. Его воля двигает людьми, словно шахматными фигурками. Это означает, что он хочет пользоваться их свободой единовластно. Огромная масса чужой свободы должна вытеснить скуку из его жизни.

Но эта свобода вытесняет из его жизни не скуку, а любовь.

Единовластно пожирая свободу множества людей, Власте-

174

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

лин становится глубинно одиноким — ведь лишь любовь выводит за пределы одиночества. Властелин переполнен мертвой, пустой, отчужденной свободой и такая свобода подтачивает его изнутри.

Властелин ищет спасения от этой свободы в сексе и убийстве.

20

Сексуальность Властелина всегда садо-мазохистична. В ней кроется мощное разрушительное начало. Это касается и Властелина, и подвластной ему женщины.

Но Властелин предпочитает не замечать этого. Сексуальность слишком важна для него.

Ибо одним из главных объектов властвования являются именно женщины. Более того, часто они выступают и *главной целью властвования.* Властелин, поднявшийся на Остров Власти из Океана Скуки, желает вырастить на этом острове тайный сад.

И в этом саду ему нужны особенные цветы. Ему нужны говорящие вещи, которыми можно овладеть наиболее полно и глубоко.

21

Таковыми вещами для Властелина могут быть только женщины. В обладании женщиной Властелин сплавляет волю к власти с волей к самосохранению и продолжению рода. Это соединение должно спасти его от инородной свободы, накопившейся в нем, мертвой свободы, порождающей скуку и одиночество.

Властелин бессознательно надеется получить освобождение от скуки и одиночества властвования через *душевность женщины.*

Но у него это получается очень редко.

Ибо Властелин входит в женскую душу и плоть как подавляющее и чуждое начало.

22

Властелин воспринимает женщину только как говорящий и стонущий *предмет для наслаждения.* Стихия женской душевности, которая может дать мужчине ни с чем не сравнимую целостность бытия, оказывается закрытой для него.

Для Властелина закрыто внутреннее естество женщины.

175

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

23

Властное отношение к женщине, которое так нравится многим из них, подавляет душевность женщины. Душевность покидает женщину через тоннель «ВЛАСТВОВАНИЕ — ПОДЧИНЕНИЕ».

И женщина становится лишь одушевленной вещью.

24

Властелин и обожает женщину за это.

Но он и презирает ее за это же. Отсюда растет его садистическое отношение к женщине и женскому. Властелин доходит в своей ревности к женщине до предельно жестоких состояний — вплоть до хладнокровного уничтожения. Но это садистическое отношение одновременно мазохистично или, точнее, *ауто-садистично.*

В глубине души Властелин переживает акт подавления и унижения женщины, дающий ему острое наслаждение, как самоподавление и самоунижение.

25

Властвование над женщинами еще более усиливает одиночество Властелина.

Он может пытаться выйти за пределы этого одиночества двумя путями — путем Эроса и путем Танатоса.

26

Первый предполагает изменение самой сущности бытия Властелина — выход за пределы скуки и обретение чего-то большего, чем воля к власти над миром. Это означает обретение *воли к власти над самим собой*. Более того, он означает **переход воли во вдохновение**.

На этом пути Властелин может превратиться прежде всего в Героя. Однако он может стать и Гением, и Святым.

Это возможно потому, что Властелин, в отличие от Обывателя и Хозяина, изначально пребывает не только в стихии скуки, но и в стихии тоски.

Жизнь Властелина распята между тоской и скукой. Такая располовиненность может породить чудовищный, нечеловеческий способ существования. Но именно она выводит Властелина из обыденности в то предельное бытие, откуда ему может открыться любовь, побеждающая любое одиночество.

176

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Ему может открыться любовь как запредельное бытие, позволяющее преодолеть садистически-властное отношение к женщине, миру и самому себе, обретая волшебную целостность и полноту жизни.

27

Второй путь вызывает такое углубление воли к власти, когда она становится чужда Эросу и обращается к Танатосу. Страсть к женщине превращается в страсть к смерти. Эта страсть становится демонически-запредельной.

Двигаясь по такому пути, Властелин вообще отворачивается от женского; **для него перестает существовать различие между полами**.

Люди окончательно овеществляются. Словно механические игрушки, движутся они по поверхности бытия. И для того, чтобы добиться полноты в мире игрушечных людей, Властелину необходимо их разрушение. Властелин превращается в Демонического Властелина.

3. Демонический Властелин

1

Общение с бездной Смерти заслоняет от Демонического Властелина бездны скуки, сплетенные с безднами тоски во Вселенскую Плеть. Спрятавшись от этой Плети, на какое-то мгновение он даже получает сумрачную полноту и целостность.

2

Вместо Женщины Демонический Властелин соединяется со Смертью.

День жизни сменяет Ночь. Поднимается луна. Волны ледяного света заливают его и его Женщину. Но оглянувшись, он видит свою одинокую тень. Совокупление со Смертью приводит Демонического Властелина к абсолютному одиночеству.

3

Одиночество подталкивает Демонического Властелина к безумию. **Власть, заслонившая собой все и восторжествовавшая над Эросом, власть, превратившая Эрос в Смерть,**

177

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

всегда разрушает естественное отношение сознания и подсознания. Ибо безумец — это тот, у кого нарушено отношение сознания и бессознательного.

У Демонического Властелина сознание меняется местами с подсознанием. Все сознательное отправляется в подвал и становится подсознательным, все подсознательное вырывается на поверхность и занимает верхние этажи в Доме Психики.

В результате Демонический Властелин практически полностью вытесняет свободу из своего бытия.

Так было с Осмондом из «Талисмана» Стивена Кинга, так было с Ганнибалом Лектором из «Молчания ягнят» Томаса Харриса, так было с Волком Ларсеном из «Морского Волка» Джека Лондона...

Так было с Фридрихом Ницше, который повенчался с властью *лишь в своей фантазии*, но этого оказалось достаточно для безумия...

Так будет с каждым, кто пройдет по пути Демонического Властелина до конца.

4. Женщина скуки и ее власть: Самка и Проститутка

— Том, как ты женился?

— Я поймал ее за юбку, когда она хотела выскочить от меня в окно.

Александр Грин

Когда идешь к женщине, возьми с собой плеть.

Фридрих Ницше

1

Женщина скуки во многом похожа на мужчину скуки. Но в ней есть и нечто специфически отличное: это внешняя пассивность бытия. В отличие от мужчины, *женщина скучает более неподвижно и вместе с тем более агрессивно*.

2 Женщина в скуке напоминает хищную актинию, которая ожидает проплывающую рыбку-мужчину. Или иначе: жен-

178

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

екая скука — это наживка, в которой скрыт *сексуальный крючок*.

3

Тайная агрессивность и меньшая — по сравнению с мужчиной — подвижность характерны для женского пола вообще. Однако в скуке они проявляются наиболее ярко. Мужчина скуки ищет развлечения *сам*, женщина скуки *ждет, когда ее развлекут*. Именно поэтому социум допускает *эстетику женской скуки* и отрицает возможность таковой для мужчины.

«Мужчины, мне скучно!» «Фу, какой ты нудный!» — восклицает жеманная красавица и все лица мужского пола на расстоянии слышимости должны отреагировать — подскочить со своими комплиментами и затеями.

Правила хорошего тона людей скуки предполагают женскую скуку как некий *эротический вызов*, который на самом деле является *сексуальным вызовом*. Ответ на него со стороны мужчины означает ухаживание.

4 Женщина цепляется своей скукой за мужчин. Ибо ее

скука — это особым образом украшенная скука. По большому счету это не скука, а *игра в скуку*.

Это игровая или, точнее, *игривая скука*.

Безусловно, женщина может скучать *на самом деле*, но эта подлинная, неигровая скука охватывает большинство женщин, *когда рядом нет мужчины*. Отсутствие мужчины дарит женской скуке истинность.

Если скука в одиночестве охватывает женщину до самых глубин ее бытия, можно сделать вывод: перед нами женщина скуки, а не тоски.

Ибо *игривая скука* может быть характерна как для женщины скуки, так и для женщины тоски.

5

Однако в подобной ситуации все равно сохраняется их различие. Женщине тоски тяжелее дается игривая скука, она всегда асексуальна в ней. Игривая скука для нее становится *наигранной скукой*, и она всегда причиняет страдание как женщине, так и мужчине.

Женщина скуки, напротив, способна превратить скуку в

179

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

сексуальность. *Она действительно привлекательна в своей игривой скуке*. Она естественна в ней. Для нее —■ это способ заигрывать с бытием.

6

Женщина, игривая скука которой поймала мужчину, стремится поскорее выйти за ее пределы. Мужчина развлекает ее, и она из скучающей женщины превращается в *развлекающуюся женщину*. При этом она никогда не становится *развлеченной женщиной*— скука ненасытна и требует все новой пищи.

Однако при первом знакомстве все же возникает иллюзия завершенности. Женщина освещается; ее *внутреннее лицо* под социальной маской улыбается. Словно солнечный луч проникает в ее бытие. Ей кажется, что скука ушла, отступила. В такое мгновение женщина вообще не нуждается в ее игривом могуществе.

Но скука просто затаилась на время. Вскоре она поднимется вновь, безжалостная и многолика. Пока же женщина пребывает в состоянии освобождения от скуки.

7

Это состояние дарует эйфорию и мужчине. Он представляет себя рыцарем, убившим чудовище, Орфеем, выведшим Эвридику из сумерек Аида. Сумев развлечь женщину при первом знакомстве,

он утверждается в своем мужестве. Его самооценка возрастает. Его силы странным образом усиливаются.

И это действительно так. Однако *женщина скуки может быть развлечена мужчиной только в том случае, если она увлечена им*. Когда увлечение ослабевает, ослабевает и реакция на развлечение. Одновременно гаснет способность развлекать у мужчины — столь тесно связанная с женской увлеченностью.

У мужчины тоски происходит угасание реальной способности быть интересным для этой женщины и делать ее интересной. У него угасает способность дарить женщине полноту бытия.

У мужчины скуки обнажается его несостоятельность. Обнажает то, что раньше он казался интересным, а не был интересным. И те стереотипные развлекательные приемы, которые

180

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

в прошлом зажигали в женщине свет, теперь вызывают не игровую, а действительную скуку...

И два чуждых человека, некоторое время пережив одиночество вдвоем, отправляются на поиски новых иллюзий.

8

Власть женщины скуки заключается в ее естественной сексуальности. Эта сексуальность не омрачается трагически-тоскливым стремлением к эротической жизни — жизни, в которой телесные отношения полов полностью подчинены их духовным и душевным отношениям.

Женщина скуки, как правило, более целостна и завершена, чем женщина тоски, другое дело, что ее целостность и завершенность подчинены времени и разрушаются временем. Они существуют до первых морщин. Потом наступает ощущение выброшенности из бытия. Ибо с определенного возраста игривая скука может вызывать лишь насмешку.

Спасение от этого — выход за пределы скуки в личностную жизнь и дополнение секса эросом.

9

Женщина скуки может существовать в диаметрально противоположных формах. Она может быть Самкой и Проституткой.

Самка — это женщина скуки, у которой воля к продолжению рода доминирует над ее эротическими и сексуальными проявлениями, а отношение к детям подавляет отношение к мужчине.

Вместе с тем, Самка обретает себя лишь в присутствии мужчины и в лучах его воли. По отношению к ней абсолютно справедливы слова Шопенгауэра:

«Мужчина стремится во всем к непосредственному владычеству над вещами или посредством уразумения, или одоления и усвоения их. Женщина всегда и во всем обречена на посредственное господство, именно посредством мужа, каковым она только и может обладать непосредственно. Поэтому совершенно в натуре женщины смотреть на все как на средство к приобретению мужа...»

Самка пользуется мужчиной как средством для утвержде-

' Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы.— Л., 1991.— С.192.

181

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ния себя в бытии в качестве порождающего начала. Ее главная задача — продление рода, и эта задача говорит с ней могущественным голосом инстинкта.

Мужчина нужен Самке ровно настолько, чтобы зачать ребенка и обеспечить его выживание.

10

Все мужчины разделяются Самкой как Самцы и Помощники. Самцы — это существа, наполненные одними лишь эгоистическими сексуальными желаниями и бегущие от забот семейной жизни. Помощники — это семейственные мужчины, для которых сексуальность вторична или по меньшей мере равноценна ценностям воспитания детей и хозяйствования.

Женщина представляется Самке истинной главой семейства — именно ей должен помогать мужчина, а не она ему.

Страсть неотвратимо влечет женщину-Самку к мужчине-Самцу (которого она ощущает Властелином, не осознавая этого), но ее рациональность устремляет ее к Помощнику. И в жизни часто случается так: женщина-Самка начинает свою жизнь с мужчиной-Самцом, а завершает ее с Помощником. Типичен и такой сюжет: Самец в качестве любовника, Помощник — мужа.

Любопытно то, что Самка практически совсем не испытывает моральной ответственности перед мужчиной и любой обман, не затрагивающий благополучие детей, представляется ей оправданным. Предательство мужчины для Самки достаточно естественно. Поэтому естественно,

что мужчина платит Самке тем же...

11

Понятно, что такое положение дел создает внутреннюю неустойчивость в семье Самки. Слепая привязанность к детям, привязанность вопреки своей индивидуальности и личности, нравственно ослепляет детей. Это ослепление усугубляется бездушным отношением Самки к мужчинам.

Когда дети вырастают, она часто оказывается глубинно одинокой. Природа, которая связала Самку с детьми за пределами Духа, развязывает их отношения...

182

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

12

Отчуждение от мужчины рано или поздно приводит женщину к отчуждению от детей.

13

Проститутка — это женщина скуки, у которой воля к независимости доминирует над волей к продолжению рода и даже над сексуальностью.

Однако Проститутка точно так же несамостоятельна в своем бытии, как и Самка. Она точно так же зависима от мужчины. Но в отличие от Самки, она гораздо более эгоцентрична. У нее есть *переживание значимости своей индивидуальности* — то, чего лишена Самка.

Она захлебывается своей самозначимостью. Ее Я заслоняет от нее все другие Я. Ее сердце бьется так громко, что она не слышит биение других сердец.

Переживание значимости индивидуальности не доводится Проституткой до переживания значимости личности. Ее личность мучается под панцирем индивидуальности. Духовные и душевные ценности — все то, что дарует глубинную полноту жизни и Вечную Молодость — ускользают от нее...

14

Проститутка наполнена желанием нравиться мужчинам, но как и для Самки, для нее мужчины — лишь средство. Только если Самка использует мужчин как ***средство для достижения беременности*** — *чадозачаточное и чадозащитное средство*, — то Проститутка пользуется мужчинами как ***средством для достижения независимости.***

Проститутка органически неспособна наращивать деньги вместе с женщиной. Она наполнена желанием разорвать мужчин, находящихся рядом с ней, но она практически всегда стремится копить деньги для себя. Она всегда желает создать фонд своей будущей независимости.

И в этой независимости любви находится так же мало места, как и свободе.

Свобода и любовь в жизни Проститутки поглощаются одиночеством. Тем одиночеством, которое рождено расчетом и волей к независимости, вырастающими на почве неверия в любовь и свободу...

183

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Проникновение 5

ВОЙНА ЛЮДЕЙ ТОСКИ И ЛЮДЕЙ СКУКИ

Не прояснить проклятого вопроса

и грешники грядущие упрямо

из мокрых хлопьев и с морковным носом

наивно лепят снежного Адама...

Игорь Барби

\'

184

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

1. Человек тоски и человек скуки в роде, цивилизации и культуре

1

Люди тоски и люди скуки приходят в мир из стихии рода — океана человеческих отношений, связанных с порождением и воспитанием новой жизни. Они выходят из океана рода на материк социальности, и тут их пути круто расходятся.

Человек скуки навсегда остается земноводным — он живет раздвоенный между родовой и социальной действительностью. Эта раздвоенность помогает ему преуспеть в обыденности, но совершенно не дает углубляться в себя.

Человек тоски покидает родовую стихию своего детства. Он не может смириться с Вечным Повторением рода, которое так и не становится Вечным Обновлением. Но он не может

удовлетвориться и социальной жизнью. Ему мало твердой почвы под ногами. Взгляд его устремляется в небо. Человек тоски жаждет трансцендирования и из рода, и из социальности. Он точно так же раздвоен, как и человек скуки, но если человек скуки раздвоен в *рамках обыденности*, то человек тоски раздвоен *между обыденностью и запредельным миром*.

2

Принципиально разная раздвоенность человека тоски и человека скуки приводит к тому, что живут они в принципиально разных мирах.

Человек тоски живет в культуре — мире духовного творчества, *наполненного вдохновением*, и стремится выйти за пределы культуры в нечто сверхкультурное. Человек скуки оказывается в цивилизации — мире материально-экономической жизни, *пронизанном токами воли к власти*.

Безусловно, человек тоски и человек скуки одновременно пребывают и в культуре, и в цивилизации — уже потому, что они люди. Однако речь идет о *глубинном пребывании, пребывании во всеполноте бытия*. Здесь уместно говорить о пребывании либо в культуре, либо в цивилизации.

Это означает, что человек тоски и человек скуки по-разному относятся к познанию и творчеству.

185

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

2. Познание и творчество от тоски и от скуки

1

На первый взгляд очевидным представляется утверждение о том, что скука приводит человека к познанию, а тоска — к творчеству. Однако при более глубоком размышлении и вживании в бытие человека тоски и человека скуки мы можем увидеть, что и для того, и для другого характерны как познание, так и творчество.

2

Мы можем говорить о *познании-от-тоски* и *познании-от-скуки*.

Мы можем говорить также о *творчестве-от-тоски* и *творчестве-от-скуки*.

Эти реальности противостоят друг другу. Их бытие разделено горизонтом.

3

Познание-от-тоски — это познание внутреннее, *самопознание*; творчество-от-тоски есть устремленность к *самоизменению*, к личностному преобразованию себя. Такое познание и такое творчество порождают мифологию, религию и философию, а также мифософию¹ как попытку их синтеза.

4

Познание-от-скуки — это *внешнее познание*, познание окружающего, вещественного, объектного мира. Точно так же творчество-от-скуки есть просто *овеществление своих состояний* ряди снятия невротического напряжения.

Творчество-от-скуки — это *всплывшие на поверхность нереализованные желания и комплексы*.

Познание и творчество от скуки не ведут от внешнего и вещественного к духовному и личностному. Это познание, замкнутое в пределах частных наук, и творчество, имеющее своей целью материальное преобразование мира.

С конца эпохи Возрождения и до XX века такое познание и такое творчество развивались безумными темпами, их воз-

¹ Подробнее см.: Хамитов Н. Пределы мужского и женского.— К., 1997.

186

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

можности представлялись безграничными, но экологический кризис наших дней — природный и духовный — очертил их пределы. Безумный бегун остановился и открыл глаза...

5

Познание-от-тоски, познание-от-скуки, а также соответствующие им формы творчества, безусловно, могут соединиться *в одной личности*.

Однако такие случаи достаточно редки. Окружающий мир вновь и вновь убеждает нас, что люди разделяются на познающих-творящих преимущественно от тоски и познающих-творящих преимущественно от скуки.

И между ними вновь и вновь разыгрывается война.

6

Война людей тоски и людей скуки в областях познания и творчества есть война культуры и цивилизации. Это война людей духовных ценностей и ценностей материальных. Это война людей,

которые видят в познании и творчестве глубинный смысл жизни — *актуализацию личности*, и тех, кто воспринимает познание и творчество в качестве *средства для укрепления социальной роли и обретения власти*. Это война людей, желающих в поиске открытий выйти за узкие границы профессионализма, и людей, охраняющих эти границы.

7

Познание и творчество человека тоски стремится выйти за пределы объективированного познания и творчества в *самотворение*. Такое стремление порождает Гения и окружает его трагической аурой.

Гений выходит за пределы культуры. Деятельность Гения создает *метакультуру* — *мир гениальных произведений, который не вмещается в культуру, ибо является жизненным миром*.

В своих наиболее глубоких формах война людей тоски и людей скуки приводит к противостоянию метакультуры как цивилизации, так и культуре.

187

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

3. Сексуальная война. Сражение первое: мужчина тоски и женщина скуки

1

В наиболее яркой форме война людей тоски и людей скуки проявляется в сексуальной сфере. Сексуальная война свирепствует во всем пространстве и времени человеческой жизни.

Достаточно типичным является сражение мужчины тоски и женщины скуки. Оно описано во множестве произведений искусства. Архетипическими в этом плане являются отношения Пьера Безухова и Элен Курагиной из «Войны и мира» Толстого, Рупрехта и Ренаты из «Огненного ангела» Брюсова, Мартина Идена и Руфи из одноименного романа Джека Лондона.

2

Сражение мужчины тоски и женщины скуки вызывается любовью-страстью. Любовь-страсть означает телесное тяготение людей, а также их личностное тяготение. Но если телесное тяготение мужчины тоски и женщины скуки может реализоваться более или менее полно, то личностное тяготение является чахлым и иллюзорным. Рано или поздно в отношениях мужчины тоски и женщины скуки личностное тяготение становится *личностной тяжестью*.

Иллюзорность личностного тяготения и единства приводит к тому, что и телесные отношения тяжелеют, превращаясь сначала в животные, а затем и в *демонические отношения*. Секс огрубляется, становясь механически-изошренным и эгоистичным.

И бесконечное страдание обрушивается на мужчину и женщину.

3

Это страдание разрушает прежде всего мужчину. Если его страсть достаточно сильна и опутана детьми, он может смертельно заболеть — как физиологически и психически, так и нравственно. Здесь уместно высказать одно парадоксальное утверждение: *для мужчины тоски достаточно часто лучшим исходом является неразделенная любовь к женщине*

188

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

скуки, ибо в этом случае он может, страдая, создать тот идеальный образ, который будет целительным для него.

Малейшая разделенность и совместная жизнь порождают экзистенциальную *боль* и психологическую *болезненность*, выводящие в предельное бытие. Однако именно они освобождают мужчину от страсти к женщине скуки. Личностное тяготение разрывается, и мужчину покидает личностная тяжесть.

4

Но если женщина скуки отвечает мужчине тоски *достаточно глубокой* взаимностью, возможен переход их личностного тяготения в действительную любовь, возвышающую женщину скуки до того уровня бытия, где находится мужчина тоски.

Сражение прекращается; оно заменяется не гибелью, а единством. Но такое единство становится возможным лишь тогда, когда мужчину тоски и женщину скуки соединяла не просто страсть, а действительная *любовь-страсть* — то отношение, которое проникает в глубину личности бесконечно глубже.

Однако любовь-страсть в силу ее глубинного характера может привести к inferнальному страданию и inferнальной борьбе мужчины тоски и женщины скуки и завершиться смертью одного из них или обоим...

5

Именно любовь-страсть может действительно погубить мужчину тоски и женщину скуки. Но именно она способна перейти в *любовь-целостность*[^], очищающую и от тоски, и от скуки... Все зависит от силы и просветленности личности.

Подробнее см.: Хамитов Н. Пределы мужского и женского.— К., 1997.

189

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4. Сражение второе: женщина тоски и мужчина скуки

1

Любовь-страсть мужчины тоски и женщины скуки глубинно трагична, но она уступает трагизму любви-страсти женщины тоски и мужчины скуки.

Женщина тоски всегда более несчастна и одинока в родовой и сексуальной жизни, чем мужчина. Ее страсть к мужчине скуки порождает страдание, которое становится на плечи ее обычного и повседневного страдания в роде. Такое умножение страдания безмерно увеличивает долю мировой тяжести, которую носит женщина тоски. /

2

Женщине тоски достаточно тяжело освободиться от любви-страсти к мужчине скуки, ибо женщина в целом гораздо тяжелее переносит одиночество, чем мужчина. Женщина гораздо в большей степени несет на себе миссию просветления мира в его одеждах из плоти, крови и инстинктов, чем мужчина, которому проще уйти в духовно-идеальные сферы.

Именно поэтому любовный союз женщины тоски и мужчины скуки, который не может выйти за пределы страсти, вызывает более удручающее впечатление, чем подобный союз мужчины тоски и женщины скуки. В нем есть что-то более безобразное и невозможное — то, что выносит приговор нынешнему бытию «гомо сапиенс».

3

Классический пример любви-страсти женщины тоски и мужчины скуки — это пример Анны Карениной и Вронского. Анна Каренина слишком многое ставит на эту любовь и когда выясняется невозможность перехода любви-страсти в любовь-целостность, она губит себя...

4

Любовь-страсть женщины тоски и мужчины скуки достаточно редка в человеческом бытии. Во всяком случае, она встречается реже любви-страсти мужчины тоски и женщины скуки. Это происходит потому, что женщина в целом гораздо

190

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

менее склонна идеализировать мужчину. В еще большей мере это касается женщины тоски.

Женщина тоски — как Гетера, так и Муза — видит все недостатки мужчины скуки весьма выпукло и реально. Необходима очень сильная страсть, чтобы она впала в идеализацию такого мужчины. Сила страсти приводит к тому, что это, скорее, не идеализация, а *ослепление*.

5

Сражение женщины тоски и мужчины скуки происходит в ослеплении женщины и трезвой ясности мужчины. Женщина в таком сражении борется за единение, мужчина — за власть. Женщине хочется возвышения к совместным ценностям, мужчине — порабощения женщины через погружение ее в стихию секса, родов и ухода за детьми. Таким образом ему хочется сгладить ее маленькие странности до поверхности «нормального бытия».

6

Ослепление женщины тоски мужчиной скуки длится до тех пор, пока длится ее страсть. Когда же страсть проходит, с ее глаз будто спадает пелена. Чужой и маленький человек находится рядом с ней. И если тоска достаточно сильна в ней, она отталкивает этого человека, разрывая свою судьбу и судьбы своих детей.

Но лишь в таком разрыве она получает возможность уважать и любить себя и своих детей. Если жалость побеждает самоуважение и любовь к себе, женщина тоски сделает свой род гораздо более несчастным...

7

Более того, *жалость может убить женщину тоски и разрушить род.*

Подобная ситуация разворачивается в романе Джека Лондона «Маленькая хозяйка большого дома». Паола как женщина тоски испытывает привязанность и благодарность к своему мужу Дику Форресту — мужчине скуки, который подарил ей материальную и душевно-игровую насыщенность бытия. Однако когда на горизонте появляется мужчина тоски, она постигает

различие привязанности и любви.

Это трагическое знание разрушает ее. В ее привязанности

191

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

к мужу, словно острый риф, обнажается жалость и эта жалость, вступив в противоречие с любовью, приводит Паолу к самоубийству.

5. Война мужчин и война женщин

1

Мужчины тоски живут под постоянным давлением мужчин скуки. Таланты, а тем более Гении, Герои и Святые прокладывают свой путь, преодолевая бессознательное и осознанное сопротивление Обывателей, Хозяев, Властелинов.

Мужчины тоски и мужчины скуки испытывают друг к другу инстинктивную вражду; учитывая тот факт, что мужчин тоски меньшинство, остается лишь удивляться, как они выживают в мире людей. Одним из объяснений этого является то, что Властелин всегда нуждается в Таланте, Герое, Гении и Святом. Властелин нуждается в их просветленности, в их мифологиях, религиозных и философских учениях, которые он стремится превратить в идеологии, укрепляющие его властвование. Свою волю Властелин навязывает Обывателю и Хозяину, заставляя подавить и вытеснить клокающую внутри ненависть.

2 Однако Властелин сам достаточно часто испытывает неприязнь к Гению, Герою и Святому, ибо в сущности лишь терпит их. Ему бы хотелось содержать внутри себя все их потенциалы, но он сознает невозможность этого. Такое осознание время от времени угасает и Властелин стремится указывать Гению, Герою и Святому пути их бытия. Это происходит в сферах религии и философии, науки и искусства — везде, где культура соприкасается с цивилизацией и обе они — с метакультурой.

3

В своем просветленном бытии Властелин естественней всего становится Героем. Поэтому героическое понятней и ближе ему, чем остальные проявления мужчины тоски. И все же между Властелином и Героем существует пропасть, кото-

192

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

___---:---* оДИТ к напряженности. Архетипический пая постоянно при» Агамемнона и Ахиллеса, пример этому-ооР ^

Властелина отстоит Святой. До конца за-

дальше всего от Р ения Властелина и Святого - это

„рпшен ный стюсоб со стороны Властелина и моральная -

Р\ физическая -- с Гсторон- Святого.

„ношении к Властелину располагается ме-Гений в своем отн Однако миФотворческая способность жяу

Героем и Свят* -^^ будоражит Властелина. Гении Гения в наибольшей ^ ^^ может притягивать Зем-

поитягивает Властели остро чувствует зависимость от

лю Властелин мучи ^ зависимость. Выходя наружу, Гения и ненавидит на Гения Властелин ненавидит

Гения ненависть обращает' (свободу) выводящую в Вечность,

" его творческую с* т& в странстве и времени вла-

т^у свободу,-торой не

сти. мится скрыть ненависть к Гению, пряча ее в

Властелин стреми ^ ^ снисХОЖДение пигмея к Герку-, „ОЖНЫ снисхождени • Наполе она к Гете,

наполненное

"° V Таково снисХО»2 обожанием и желанием тайного ^осхищением и зави и Наполеона

переводит это уни-

!нижения. Глубина ^ное самоунижен ие, но на поверхности

же ние в еще более• е•покрОВИТЕЛЬСТВО...

S-ается лишь снисхо ^^ ^^ нийболее глубоко и

° ОМенно воЪгисГП ^^ Такое преобразование есть мощно преобразись ^ ^^ соединяющему героизм и

шаг к сверхчелове

Ш»1 -

гениальность.

ГС!»»-"

)

реТ к Гению. Но и Гений может тяготеть к

Властелин тягот* ^^ когда в облике Властелина
Властелину. Это пр° Гении видит в таком Властелине
проступают черты ^ ющего жизнь людей без отчуждения
Автора Истории, уротворчество.
Гвоей личности в КУ ' я Р Властелину, отмеченному печач-
устремленность нно падение и возвышение Ге-
ть10 героизма, есть денняX это устремленность Гения
^ВсвоихвысЩИ

За*-

193

№925

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

к сверхчеловеческому, которое то проглядывает в бытии *героического Властелина*, то исчезает вновь...

Здесь уместно вспомнить отношение Аристотеля к Александру Македонскому, а Гегеля — к Наполеону.

7

Трагическое притяжение Властелинов и Гениев в истории реализуется в целом ряде тайных орденов и сообществ. В XX веке это ряд элитарных клубов, выходящих за рамки одного государства и нации, например Богемский клуб.

Но скрытая неприязнь и взаимное презрение сопровождают Властелина и Гения. Они исчезают лишь тогда, когда Властелин действительно трансформируется в Героя, а Гений устремляется за пределы кабинетного творчества в творение жизни.

1

8

Женщина тоски и женщина скуки вступают в еще более непримиримую войну, чем мужчины. Эта война, пожалуй, не так заметна извне, но ее внутренняя напряженность не может не поражать.

Проститутка с презрительным недоумением смотрит на Гетеру, Самка — на Музу. Они отвечают им тем же, *добавляя грусть*.

Женщина скуки спешит назвать женщину тоски сумасшедшей. Ее жизнь действительно выходит за пределы того, что женщине скуки представляется нормальным. Самке и Проститутке кажется ненормальной способность Гетеры и особенно Музы к одиночеству и выбору достойного — *достойного за пределами сиюминутной выгоды для себя и рода*. Самке и Проститутке кажется ненормальным ослабление у женщины тоски инстинктов Самки и Проститутки и желание жертвовать чем-либо во имя любимого мужчины.

Однако в бытии женщин скуки кружится тайная зависть к женщинам тоски. Ибо хотя женщины тоски соединяются с мужчинами более трагично, они соединяются с ними более глубоко и неразрывно.

194

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

6. Гомосексуальная война

1

Столкновение людей тоски и людей скуки может усугубляться сексуальным отношением в рамках одного пола. Гомосексуальное взаимодействие очень часто возникает именно между людьми тоски и людьми скуки. Мужчина тоски, разуверившись в способности женщин к пониманию и единству с ними ищет такого понимания и единства в пространстве своего пола. Такой мужчина, как правило, будет играть активную роль в гомосексуальном соединении. Его партнером становится мужчина скуки, имеющий биогенетическую склонность к женской роли.

Телесное сходство гомосексуального партнера дает мужчине тоски *иллюзию личностного сходства*. Ему кажется, что он обрел единство с близким человеческим существом. Но эта близость на самом деле оборачивается бесконечной личностной войной.

2

Женщины в стихии лесбийской любви и похожи на мужчин-гомосексуалистов, и разительно отличаются от них. В лесбийском отношении активную роль играет женщина скуки, имеющая физиологическую, генетическую и гормональную расположенность к тому, чтобы быть мужчиной. Женщина тоски выступает пассивной и женственной. Однако именно она является

действительным инициатором лесбийского акта.

Пассивная женщина-лесбиянка — это женщина тоски, которая не может найти себе достойного мужчину и отвернувшись от мужского начала, ищет соития с женским.

3

Мужчина и женщина тоски в гомосексуальных контактах любят самих себя. Они замкнуты в себе и их партнер выступает лишь зеркалом, в которое они смотрятся. Если их партнером становится человек тоски, иллюзия живого зеркала разрушается. Ибо любой человек тоски слишком лично проявлен, чтобы просто отражать другого.

195

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4

Лесбийский акт в целом воспринимается западным обществом более эстетичным явлением, чем гомосексуальный акт мужчин. Этому можно найти ряд культурологических причин. Но есть и всеобщие-антропологические причины.

Во-первых, женская сексуальность и женский оргазм более метафизичны, чем сексуальность и оргазм мужчины. Поэтому соединяясь вместе, удваиваясь в сексуальном действе, женщины являются *более просветленными*.

Мужской сексуальный акт завершается выбросом семени; именно это становится физиологическим условием оргазма мужчины. Соединившись вместе, два мужских оргазма в замкнутом пространстве двух мужчин приводят к переизбытку семени, обесценивающему *смысл семени* как психоэнергетической субстанции. Это и задает антиэстетические очертания гомосексуального акта мужчин.

Во-вторых, лесбийская сексуальность укоренена в материнском ласкании, тогда как аналогия гомосексуального акта мужчин с лаской отца вряд ли уместна. Действительная ласка отца преимущественно *духовна*, а не *душевно-телесна*, как у матери. В своих душевных формах она направляется на дочь, а не на сына. Это также лишает гомосексуальный акт мужчин эстетической привлекательности и некоторой *моральной обоснованности* гомосексуального акта женщин.

5

Однако гомосексуальность и мужчин, и женщин порождается не любовью, а тоской и скукой. Гомосексуальность — это сексуальность от тоски и от скуки. А потому она лишь усиливает и тоску, и скуку. В ней война людей тоски и людей скуки достигает своего тупика, но в этом тупике не происходит метаморфозы.

Для того, чтобы выйти из пространства войны людей тоски и людей скуки, необходимо усилие, выводящее из обыденного и предельного бытия человека в нечто запредельное.

196

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

7. Движение из пространства войны людей тоски

и людей скуки: сверхчеловеческое и

метачеловеческое

1

Выход из пространства войны людей тоски и людей скуки требует сверхчеловеческого усилия. Более того, он требует *сверхчеловеческого бытия*.

Это означает прежде всего перемещение этой войны внутрь себя, ибо внешняя война почти всегда деструктивна. Углубление войны человека тоски и человека скуки внутри себя рано или поздно означает победу человека тоски и более того — стремление выйти за пределы не только скуки, но и тоски. Именно такой исход войны человека тоски и человека скуки ведет к сверхчеловеческому бытию и означает триумф воли к власти над собой.

Той воли к власти, которая стремится к вдохновению.

2

Фундаментальной ошибкой Ницше и его последователей было то, что они связали Сверхчеловека не с Героем и Гением, а с Властелином...

Такой Сверхчеловек является бесплодным.

3

Действительное сверхчеловеческое есть глубинное *слияние героизма и гениальности*, такое слияние, в котором они, взаимно усиливая друг друга, выходят за пределы ограниченности как героизма, так и гениальности.

Выше такого сверхчеловеческого находится лишь богоче-ловеческое, в котором к героизму и

гениальности *добавляется святость*.

4

Но к богочеловеческому может вести и иной путь. Он в гораздо меньшей мере допускает агрессию и волевое давление на себя и реальность. Это путь, *соединяющий гениальность и святость*. Он может быть назван путем *Метачеловека*. Выход к богочеловеческому бытию происходит через *присоединение героического начала*.

197

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

5

Путь Сверхчеловека означает усиление войны человека тоски и человека скуки — *особенно внутри одной личности*. Именно усиление войны приводит к последующему умиротворению и любви.

Путь Метачеловека изначально предполагает отказ от войны человека тоски и человека скуки. Это попытка изначального прощения. Это попытка увидеть в любом человеке и явлении позитивное, **концентрация на позитивном**, а не на борьбе с негативным.

Нельзя говорить об однозначной предпочтительности одного из этих путей. Путь Сверхчеловека может приводить к неоправданному возрастанию агрессии, особенно *агрессии духовного к душевному*, уводящей в тупики демонического властвования. Путь Метачеловека может означать сон духовного начала и замену любви жалостью.

Поэтому пути Сверхчеловека и Метачеловека должны дополнять друг друга — как в разных людях, так и в одной личности.

198

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Проникновение 6 **ПОПЫТКИ БЕГСТВА**

Избегай удовольствия, рождающего страдание.

Солон

199

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

1. Суета

1

Тоска и скука могут скрываться за суетой. Но они никуда не исчезают. Они уходят в глубину бессознательного, ожидая своего часа.

Уход в суету обыденной жизни — это иллюзорное освобождение от тоски и скуки, освобождение, которое может стать еще большей закабаленностью.

2

Суета есть состояние абсолютной включенности в воспроизводство материальной жизни. Суета ассоциируется в нашем восприятии со множеством бессмысленных движений и лихорадочно-пустыми глазами. И это действительно так: суета есть деятельность, лишенная глубинного смысла.

Суета абсолютно разлита во времени и никак не соприкасается с Вечностью. Это деятельность, которая постоянно поворачивает колесо Вечного Возвращения одного и того же. Это деятельность, результаты которой утекают сквозь пальцы. Суета есть деятельность, в которой засыпает личность.

3

Суета способна отогнать скуку, но она не может победить тоску. Контуры тоски всегда проступают в суете. Мощным пульсом она сотрясает *суетающееся существование*.

4

Включение человека в суету настолько поверхностно, насколько он человек.

2. Алкоголь

1

Человечество издавна культивирует те вещества, которые помогают бежать от тоски и скуки. Одним из наиболее распространенных является алкоголь.

Действие алкоголя связано с выходом бессознательного на арену сознания и проявлением вытесненных желаний. Экстатическое действие алкоголя способно временно вытеснить

200

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

тоску и скуку. Но такое вытеснение носит не бытийственный, а психофизиологический характер,

поэтому является лишь временным и затем приводит лишь к обострению и тоски, и скуки.

2

И все же открытие алкоголя имело колоссальное значение для человеческой культуры. Алкоголь не может развеять ни тоску, ни скуку, но в должной обстановке и дозах способен ослаблять отчуждение людей тоски и людей скуки, создавая перемирие в их извечной войне.

3. Наркотики

1

Если алкоголь приводит человека в экстаз, то наркотические вещества погружают его в транс. Как правило, люди, которые осознанно пришли к наркотикам, а не «сели на иглу» — это люди глубокой тоски, люди, нуждающиеся в *трансценди-ровании* — выходе за пределы обыденного бытия в запредельный мир.

2

Однако наркотики дают лишь *иллюзию трансцендирования*. Сни выводят человека в запредельное бытие лишь на период нарко-сеанса, все остальное время оставляя его в предельном психическом и физиологическом напряжении, которое разрушает целостность бытия, оставляя в отчаянии.

Наркотики всегда переводят тоску и скуку в отчаяние.

3

Это отчаяние является результатом несоответствия желаемого и действительного или, точнее, поверхностного и глубинного, обыденного и запредельного. Наркотический транс захватывает человеческое бытие не во всей его полноте, а в подсознательной наполненности этого бытия.

Вместо прорыва в запредельные миры, наркомана ожидают тупики его подсознания, которые с каждой новой дозой становятся все меньше. И наконец подсознание превращается в тесный подвал, где бьется отчаяние...

201

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

4

Отчаяние может вырваться из этого подвала в бездну. Однако это будет inferнальная бездна, в которой все человеческое становится не сверх-, а под-человеческим. Пребывание в этой бездне ведет к чудовищной деформации личностного начала, ибо выход за пределы обыденности происходит не в духовно-творческом акте — акте *свободы*, а в акте психофизиологической *зависимости*.

5

Простейшим наркотическим средством является табак; курение сигареты создает иллюзию освобождения и овладения реальностью; биохимическое воздействие дополняется комплексом психологических переживаний, из которых важнейшим выступает созерцание дыма и огня, пробуждающее древнейшие архетипы бытия вида «гомо сапиенс».

Курение сигареты, сигары, трубки родственно сосанию материнской груди, и неудивительно, что оно связывается с переживанием покоя и довольства. Одновременно оно выступает как акт сексуально-возбуждающий — ритмическое продвижение огня по сигарете аналогично половому акту и приносит иллюзию разрядки.

Несколько сигарет в день еще могут пробуждать подобные чувства, но выкуриваемые одна за другой, они просто убивают время психической жизни и огрубляют остроту восприятия. *Психомедитативное* воздействие сигареты угасает, на первый план выступают физиологические факторы и зависимость от них.

6

Наркотики могут восприниматься как *самоцель* и как *средство*.

В первом случае их действие всецело разрушительно; они инфантилизируют психику, отвращая человека от действительной жизни.

Во втором случае наркотики чаще всего играют активизирующую роль в творческой деятельности. Но и здесь они очень опасны, ибо могут вытеснить наслаждение от творческого акта и заменить его психофизиологическим наслаждением. Более того, принимаемые в достаточно больших дозах,

202

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

они могут подавить и разрушить процесс включения в творческий акт — процесс вдохновения.

7

Наркотики могут восприниматься и как средство познания потаенных глубин психики. Разрушая стену между сознанием и подсознанием, они способствуют расширению знаний о географии психической жизни. Это достаточно хорошо показали опыты Станислава Грофа с ЛСД.

Однако наркотическое воздействие не может дать знание обо *всей психической жизни*. Открывая области подсознания, оно бессильно перед надсознанием, подняться в которое можно только творческим усилием личности.

4. Путешествия

1

Человек часто пытается уйти от тоски и скуки перемещаясь в пространстве, желая найти обновление не в себе самом, а в смене декораций жизни. Человеку хочется избавиться от тоски и скуки через обращение к иным ландшафтам природы и культуры.

Однако на деле это превращается в бегство из ландшафта собственного бытия. Бегущий от тоски и скуки в путешествия человек бежит от собственной личности. Он берет в дикие страны не все свое Я, а лишь бледную тень Я.

И удовольствие от путешествия настолько же иллюзорно, насколько иллюзорно это Я.

2 Тоска и скука после путешествия гораздо более ужасны, ибо исчезает надежда освободиться от них благодаря путешествию...

3

Для человека тоски это становится очевидным почти сразу. Он постигает, что *внешние путешествия могут быть лишь дополнением к внутреннему путешествию*— творческому личностному развитию. Путешествия в жизни человека тоски возвышаются до *странствий*, в которых личность может

203

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

пережить странность и необычность мира, созвучные странности и необычности его души и духа.

4

Человек скуки действительно может получить разрядку во внешних путешествиях. Но такая разрядка вновь и вновь пробуждает безжалостную скуку.

Рано или поздно человек скуки понимает, что избавиться от скуки можно только через выход в тоску и далее — в глубинно-личностное странствие, открывающее горизонты любви.

Это понимание может быть почти незаметным и беззвучным. Но оно делает свою глубинную работу.

5. Обновление и извращение секса

1

Секс выступает одним из мощнейших средств бегства от тоски и скуки. В его грозных раскатах тоска и скука размываются, словно скрытые за пеленой дождя. Мужчина и женщина окунаются в энергии секса с мыслью об абсолютном избавлении от тоски и скуки и подсознательным переживанием невозможности такого избавления.

2

Стремление избавиться от тоски и скуки приводит к жажде новизны. Первоначально она утоляется через смену партнеров. Углубляясь, она становится жаждой обновления — стремлением не просто к новым партнерам, но и к *новым ситуациям*.

Секс разнообразится позами и игровыми сюжетами — тем, что мы могли бы назвать относительными извращениями. Относительными они являются потому, что выступают извращениями лишь для некоторых регионов или поколений.

3

Однако если жажда обновления не подкрепляется любовью, она рано или поздно приведет к действительным, *абсолютным извращениям*. Это означает такие извращения, которые основаны не только на причинении партнеру физической

204

Глава 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

боли, но и на манипулировании его личностью. Это означает овеществление партнера в сексе, которое рано или поздно приводит к взаимному овеществлению.

4

Истинным критерием абсолютного сексуального извращения является не унижение и даже не боль, ибо они могут быть достаточно субъективны, а для людей с садо-мазохистической ориентацией выступать условием секса как такового.

Может таким критерием выступает вред для здоровья тех или иных сексуальных действий? На первый взгляд кажется, что это так. Однако при более глубоком размышлении и этот критерий обнаруживает свою ограниченность и дистрофичность, ибо человеческая жизнь как таковая в силу ее *мета-животного характера* может выступать вредной для *животной жизненности* нашего тела.

5

Глубинным критерием абсолютного сексуального извращения является деградация личности — сужение ее духовного и душевного потенциала. Эта деградация приводит к деградации тоски и скуки человека. Но они не становятся от этого слабее.

Более того, они усиливаются, объединяются и вспыхивают. Мучимая языками их пламени, деградирующая личность корчится в пространстве сексуального акта и вне его.

6

Абсолютное сексуальное извращение является не обновлением, а тупиком, в котором Эрос оскаливается и медленно, но неуклонно превращается в Танатоса...

7

Мы скучаем в маске, тоскуем с открытым лицом.

Абсолютное сексуальное извращение срывает с лица скучающего маску.

С лица тоскующего оно срывает кожу. Нечеловек смотрит на нас с истекающим болью взглядом. Над ним смыкаются сумерки маниакального бытия.

205

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

6. Лабиринты самоубийства

1

Последнее средство от тоски и скуки — самоубийство. Естественно предположить, что человек стремится покончить с собой прежде всего от предельной тоски — от той тоски, которая тесно срослась с отчаянием.

По сути дела, предельная тоска — это затаившееся отчаяние, а отчаяние — обострение предельной тоски.

2

Но к смерти человек может стремиться и от предельной скуки, которая так и не становится тоской, а потому переходит в *отчаяние-от-скуки*. Таким скучающим отчаянием наполнен Фаталист из одноименной главы лермонтовского «Героя нашего времени». Отчаяние-от-скуки переполняет Печорина и самого Лермонтова, странным образом смешиваясь с *отчаянием-от-тоски*. Это окружает личности Печорина и Лермонтова inferнальной аурой.

Отчаяние-от-скуки толкает к смерти Постороннего Аль-бера Камю. Сам же Камю подобен Лермонтову и завершает свое бытие, расправив отчаяние-от-тоски и отчаяние-от-скуки словно крылья в демоническом полете сквозь слои Мирового Абсурда.

3

Самоубийство есть не возвышение тоски и скуки к преображающему свету, а попытка скрыться от них в сумерках небытия.

Для человека, отождествляющего биологическую и социальную жизнь с жизнью личности, самоубийство может быть воспринято как прекращение тоски и скуки, спасение от их тягучего присутствия, но он вынужден признать *моральную мелочность* такого спасения.

Для человека, принимающего бессмертие личностного начала, самоубийство является не выходом, а переводом тоски и скуки в иной пласт бытия, где они могут стать еще более ненасытными.

206

Книга! ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

4

Ожог выстрела, горечь яда, холодная безжалостная вода, рвущаяся в легкие... Тело бьется, молит, протестует. И наконец жизненная сила рывком покидает его.

Створки раковины распахиваются и разлетаются вдребезги.

Жизненная сила врывается в замерший беспредельный Космос, унося в толще своих энергий жемчужину личности.

Но тоска и скука уносятся вместе с ней. Ибо они порождены не телесностью и не могут быть уничтожены разрушением телесности...

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

Проникновение

ЧЕЛОВЕК ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТОСКИ И СКУКИ: ЛЮБОВЬ

Таинство любви— выше закона, в нем выход из родовой необходимости, в нем начало преобразования природы.

Николай Бердяев

Здесь Боги странствуют в телах звериных, Здесь каждый ждет одежд незримых, И скипетров, что боль утишат, Боль от того, что нас никто не слышит.

Здесь холод накрывается жарою, И редко духи дышат теплотою. Здесь странники приходят на пороги, Чтоб показать израненные ноги.

И вновь уходят.

И проходят годы.

И снова одиночество

И роды.

Но странный мир наполнен Ею вновь.

Она — Любовь.

Н.Хамитов

7

208

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

1. Тоска и скука перед бездной любви

— Знаешь, что мне больше всего в тебе нравится?

— Не знаю.

— И я не знаю... Кто бы ты не был, какой бы ты не был... Просто это навсегда, понимаешь?

Карел Чапек

1

Тоска и скука отступают лишь перед любовью. Только в любви происходит их абсолютное возвышение.

В любви заключается сила, убивающая все демонически-безысходное, что душит нас в тоске и оскаливается в скуке.

2 Истинная любовь дает нам свободу, за которую не нужно расплачиваться тоской или скукой.

3

Тоска благороднее, человечнее и ярче, чем скука. Но перед светом любви она мельчает и теряется. Так в лучах солнца одинаково бледнеют свеча и факел.

Бездна любви глубже, чем бездна тоски.

4

Однако главным выводом наших проникновений будет утверждение о том, что **выйти в бездну любви можно лишь познав бездну тоски**. Без этого невозможно трагическое углубление личности, делающее ее не только способной к любви, но и *достойной любви*. Поэтому нельзя не сказать: **лишь тоскующий человек может прийти к любви**.

Тосковать — это значит желать любви. Тосковать — это значит выйти в то предельное бытие, которое может привести в запредельность.

Тоска есть условие истинности любви. Именно тоска поднимает человека над пошлостью обыденности и делает его достойным любви. Она так же пробуждает любовь, как скука и инстинкт пробуждают влюбленность.

Тоска пробуждает любовь и отступает в сумерки...

209

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

5

Если скука означает обыденное бытие мужского и женского, тоска — предельное, то любовь — это запредельное бытие.

В любви происходит соединение разорванного, слияние частей в целое. Именно поэтому она оставляет позади и скуку, и тоску. Подобные переживания возможны лишь в отчужденном от целостности бытии.

6

Безусловно, речь идет прежде всего об эротической любви. Только пережив эротическую любовь, любовь преодолевающую располовиненность мужчины и женщины, *половую ограниченность* и *замкнутость*, можно выйти к иным формам любви. Эротическая любовь — это врата, ведущие в

любовь к человечеству и даже в любовь к Богу.

7 Божество как Абсолют обладает андрогинной природой, открывающейся только андрогинной паре.

Соединившиеся в любви мужчина и женщина обретают ту цельность бытия, которая позволяет им пережить Божественное Бытие как собственное бытие. Лишь на таком основании возможна действительная любовь к Богу и божественному— любовь свободная от скуки фанатизма и тоски абстрактности.

Лишь на эротическом основании возможна живая любовь к Живому Богу.

Без эротической любви любовь к Богу будет всегда лишь половиной любви.

2. Любовь как Прощение

1

Любовь заполняет бесконечную пропасть, разделяющую людей тоски и людей скуки. Залитые ее смеющимся светом, они протягивают друг другу руки. Война окончена. Но любовное сближение человека тоски и человека скуки не означает простое стирание границы между ними.

210

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

Любовь не делает скуку тоской, а тоску скукой. **ЛЮБОВЬ БЕСКОНЕЧНО ВОЗВЫШАЕТ И ТОСКУ, И СКУКУ.** Другое дело, что человек скуки под воздействием любви все больше вживается в тоску, затем становится человеком тоски и, наконец, покидает ее пределы.

2

Любовь временно превращает скуку в тоску, ибо она должна окунуть свои корни в горечь и глубину тоски для того, чтобы прорасти в мире обыденности. Титанический выброс энергии сопровождает это превращение. В нем кроется опасность демонизма, и если любовь становится *замкнутой* и безответной, демонизм может обрести плоть и кровь. Скука и тоска сливаются в некую *чудовищную то-скуку*.

Если же любовь *разомкнута и открыта навстречу бытию*, а потому является разделенной, она оставляет почву тоски вместе с корнями. Развившаяся любовь уже не является растением. Ее корни становятся крыльями, а горечь питающей ее тоски превращается в сладость полета в бездонном космосе свободы.

3

В таких развитых формах любовь есть Прощение. Даже ощутив ее как намек, легкое прикосновение, человек стремится принять глубинную сущность другого человека, отходя от всего поверхностного и внешнего.

Человек тоски начинает испытывать к человеку скуки не презрение и даже не жалость. Он действительно прощает его, прощает его временную укорененность в скуке. Омытый такой любовью, человек скуки сам переживает тоску, прощая человека тоски за его странность и несхожесть с ним.

4

Истинная любовь есть Прощение, ибо в ней происходит прорыв личности к личности сквозь слои социальных догм и психологических условностей. В любви происходит прощение условного и обыденного бытия, ибо открывается, что это бытие есть временным и поверхностным, и за его тонкой оберткой находится сияющая Вечность Личности, возвышающаяся над обыденной суетой как человек возвышается над муравейником...

211

Н. ХАМИТОВ *ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА*

5

Прощение в любви есть нечто совсем иное, чем *прощение в жалости*. Жалость перекидывает иллюзорный мостик между людьми тоски и людьми скуки, и когда иллюзия развеивается, страдание становится еще более нестерпимым. Прощение в жалости выступает принятием поверхностного бытия человека, прощением без желания увидеть его глубже и помочь стать ему глубже. Прощение в жалости означает материальную заботу как сиюминутное облегчение. *Чем глубже человек, тем больше его ранит жалость и прощение в ее пространстве.*

Прощение в любви часто может означать безжалостность. Ибо **любовь требует той глубины личности, где жалость задыхается.** Эта истина была трагически ярко осознана Ницше — тем Ницше, который еще не стал безумцем и не начал жечь в безжалостном огне саму любовь.

3. Ступени любви

1

Великая заповедь «*Полюби ближнего как себя самого*» должна быть развернута.

Она должна приобрести вид:

«Полюби ближнего как Другого».

Ибо когда я люблю ближнего как себя, я переношу свою личность на личность его. Моя улыбающаяся маска закрывает его черты. Это замечательно, но лишь как первый шаг. Впоследствии своеобразие его личности совсем пропадает под маской, и меня охватывает сначала скука, а затем и тоска.

Из этой тоски возможен выход в любовь к неповторимости ближнего, непохожести на меня, уникальности и инако-вости.

Но эта тоска может толкнуть в бегство к новому ближнему, потом еще к одному, еще и еще... И вслед за такой бегущей любовью холодящей тенью будут скользить скука и тоска. И количество любви будет настолько побеждать ее качество, что в какой-то момент она перестанет быть любовью...

212

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

2

Однако любовь к ближнему как любовь к Другому сама должна быть развернута дальше. Любовь к ближнему вновь должна стать любовью к самому себе. Именно тогда любовь не будет долгом, рациональной обязанностью, а станет естественным всенаполняющим порывом, идущим из глубин бытия личности.

Итак, любовь к ближнему как любовь к Другому не может не соединиться с любовью к себе. И древняя заповедь принимает новый вид, возвращаясь к себе:

Полюби ближнего как Себя Другого.

3

Любовь к ближнему как к *Себе Другому* имеет простой и глубокий смысл: **личность соединяется с личностью в таком единстве, в котором иное начинает восприниматься как свое.** Такое любовное соединение выступает по-настоящему естественным только как соединение эротическое.

4. Сверхбиологическая и сверхчеловеческая сексуальность и эротика

1

В эротическом любовном соединении происходит слияние личностей не в борьбе или жалости, а в *со-творении*.

На самых простых уровнях это сотворение ограничено биологической сексуальностью и порождением биологической жизни. Замкнувшись в таких пределах, эротическое сотворение наполняется скукой и тоской, вытесняя любовь в глубины бессознательного. В результате сотворение вырождается в борьбу и жалость; эротическое угасает.

2 Однако эротическое сотворение может подняться до *сверхбиологической сексуальности*. Эта сексуальность означает такое взаимодействие полов, в котором происходит порождение личностной жизни — жизни духовной и душевной. Лишь устремленная в пространство и время сверхбиологической сексуальности, биологическая сексуальность не превра-

213

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

тится в тоску и скуку. На этом пути сексуальное освобождается от грубо-материальной зависимости и сливается с эротическим. В результате мужчина и женщина получают небывалую полноту бытия.

3

Но даже сверхбиологическая сексуальность и эротика не должны стать пределом. Личность должна устремиться дальше, за пределы несовершенства человеческого, обретая *сверхчеловеческую сексуальность и сверхчеловеческую эротику*.

Это означает андрогинное единство личностей, выводящее их в действительно запредельное бытие человеческого. То запредельное бытие, которое по праву может быть названо божественным бытием и служит основанием для всех проявлений любви в нашем мире.

4

Сверхчеловеческая сексуальность и сверхчеловеческая эротика — это сексуальность и эротика, в которых личностное начало трансформирует телесное, вознося полноту бытия мужчины и женщины до целостности бытия. Человеческое бытие реально поднимается к божественному. Человек перестает быть узником в пещере времени, скованным путами пространства.

Сжимающие человека оковы падают, он выходит из пещеры на залитую солнцем равнину и взлетает — в вечную Вселенную личностного самосотворения.

Человек взлетает рука об руку со своей андрогинной половиной, которая *уже не является просто половиной. Омытые сверхчеловеческой сексуальностью и эротикой, любимый и любимая, составляя целостность, являются целым и сами по себе.* Ибо они соединяются не в необходимости, *а в свободе.*

Они соединяются не от недостатка, а от избытка. Только такое соединение может избавить их как от скуки, так и от тоски, превращая в людей любви.

5

Сверхчеловеческая сексуальность и эротика переводят любовь-страсть и любовь-дружбу в любовь-целостность и любовь-самосотворение. Они дают не просто сотворчество любящих, связанное с порождением предметов и тел — *культу-ротворчество и житнетворчество*, они ведут дальше — к са-

214

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

мосотворению личностей, самосотворению духа и души — *бытиетворению.*

6

Сверхчеловеческая сексуальность и эротика — это сексуальность и эротика, очищенные от грязи инстинктов животного царства и механической изобретательности царства людей.

Именно такие сексуальность и эротика способны противостоять демонизму и маниакальности в мире людей. Именно они способны действительно трансформировать их. Ибо демонизм и маниакальность, так ярко выражающиеся в конце нашего тысячелетия в *индивидуал-терроре* личности против социума и *тотал-терроре* социума против личности, замешаны на *сексуальном основании*, а потому преодолеть их можно лишь *запредельным напряжением и возвышением сексуального.*

7 Признание реальности сверхчеловеческой сексуальности и сверхчеловеческой эротики — это признание реальности фундаментальной метаморфозы тоски и скуки. Ибо наиболее глубокая тоска и наиболее безбрежная скука рождены в нашем мире взаимодействием полов.

5. Метачеловеческая сексуальность и эротика

1

Говоря о сексуальных и эротических формах, выходящих за пределы обыденного бытия человека, очень сложно отделять их друг от друга. И все же это предстоит сделать.

Ибо эти формы имеют в себе достаточно глубокое различие.

2

Сверхчеловеческой сексуальности и эротике противостоит *метачеловеческая сексуальность и эротика.* Она имеет более мягкий характер. И ее характеризует большая открытость.

Метачеловеческая сексуальность и эротика менее замкнуты в пространстве двоих. В ней, точно так же как в сверхчеловеческой сексуальности и эротике, происходит единение люб-

215

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

ви-страсти и любви-дружбы в любовь-целостность, однако в этом единении ведущую роль играет любовь-дружба, а не любовь-страсть — как в сверхчеловеческой сексуальности и эротике.

3

Поэтому метачеловеческая сексуальность и эротика обладают более аморфным характером. Она растворяет сексуальное и эротическое в остальных сферах человеческих отношений, растворяет их специфическую яркость.

Метачеловеческая сексуальность и эротика преодолевают эгоистический характер сверхчеловеческой сексуальности и эротики. Но это преодоление происходит за счет снижения температуры сексуального и эротического. Метачеловеческая сексуальность и эротика являются *более космическими*, однако *менее личностными.*

4

Сверхчеловеческая сексуальность и эротика еще пропитаны ревностью и подчинены деструктивному могуществу ревности, но в их пространстве и времени происходит попытка *преодоления ревности.*

Метачеловеческая сексуальность и эротика в значительно большей степени освобождены от ревности. Однако они всего лишь *вытесняют* ревность из своего пространства и времени, выбрасывают ее на помойку чувств, не пытаясь возвысить ее.

Сверхчеловеческая сексуальность и эротика есть преимущественно *духовная* сексуальность и *духовная* эротика; метачеловеческая сексуальность и эротика — преимущественно *душевные*.

Два эти пути развития сексуального и эротического должны быть слиты в третьем.

На этом пути происходит **действительное возвышение ревности**.

216

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

6. Возвышение ревности

1

В своих рассуждениях мы дошли до понимания не только деструктивного, но и конструктивного смысла ревности.

Конструктивный смысл ревности означает жажду глубинного единства со своей эротической половиной в мире, где такое единство ограничено тысячами условностей и несовершенств.

2 Возвышение ревности есть усиление в ней конструктивного начала — устремленности к **личностному единению** любимого и любимой и преодоление деструктивного — жажды сугубо **вещественного единения** и обладания.

3

Возвышение ревности означает соединение духовной и душевной любви между полами — **сверхчеловеческой и ме-тачеловеческой любви**.

Именно тогда любовь обретает истинно личностный характер, побеждающий тоску и скуку.

7. Личностная любовь: сексуальное, эротическое, божественное

1 **Любовь есть нечто более широкое, чем сексуальность и эротика, но широта любви становится возможной именно благодаря истинной сексуальности и эротике.**

Все коллективные формы любви вторичны по отношению к любви между двоими. Если же они стремятся вытеснить *любовь между двоими* как нечто пошрое и непросветленное, то рано или поздно отношения вырождаются во власть одних и экзотическое подчинение других.

И тогда тоска и скука всплывают в водах коллективной любви, созидавая групповой эгоизм и групповое одиночество...

217

Н. ХАМИТОВ ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА

2

Противоречие любви между двоими и коллективной любви (в своих высших формах означающее противоречие сверхчеловеческой и метачеловеческой любви) должно быть разрешено в **личностной любви**.

Личностная любовь — это любовь, в которой любящая пара обращается к окружающему миру, но обращается не абстрактно, а персоналистически. Целостность и уникальность любящей пары становится условием целостного и неповторимо-личностного восприятия окружающего мира — **восприятия его как единства личностей, каждая из которых равноценна миру**.

Любящая пара получает то объемное зрение, которое не только отделяет в кажущемся хаосе жизни личностное от безличного, но и обретает силу пробуждать уснувшее личностное...

3

Человеческая любовь разворачивается от сексуального и эротического к божественному.

Она выходит из *душевно-телесного пространства и времени секса* в **духовно-культурное пространство и время эроса**, а затем — в **целостно-личностное пространство и время, где духовное и душевное соединяются в над-человеческом синтезе, обогащая и секс, и эрос**.

Именно так конечная человеческая любовь обретает безграничность личностной любви, соединяющей человека и Бога.

Она становится **богочеловеческой любовью**.

4

Реальность личностной любви в ее высших проявлениях настолько шире и ярче, чем реальность сверхчеловеческой сексуальности и эротики, насколько богочеловеческое начало шире и ярче сверхчеловеческого. Наверное, между этими реальностями лежит такая же разница, как между **жизнесочетаниями: «заниматься любовью» и «быть в любви»**.

Личностная любовь как богочеловеческая любовь возвышается и над метачеловеческой сексуальностью и эротикой. Она устраняет их аморфность и доминанту абстрактно-космического над личностным.

218

Книга 2. ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ

5

Личностная любовь в своем богочеловеческом проявлении есть выход из планетарной замкнутости любящей пары во Вселенную. Но это выход не *из* любящей пары, а *любящей пары* — во всем могуществе ее целостности.

Такой выход означает абсолютное освобождение от оков тоски и скуки.

Оглавление

Оглавление

Книга 1 ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ

Предисловие ко второму изданию.....	4
ОТ АВТОРА.....	5
ЧАСТЬ I. ТЕНЬ УТРА.....	7
Глава 1. ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ: ЮНОСТЬ.....	8
Глава 2. ОДИНОЧЕСТВО ЮНОШИ.....	9
Глава 3. ОДИНОЧЕСТВО ДЕВУШКИ.....	12
Глава 4. ВЛЮБЛЕННОСТЬ: БЕГСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА.....	14
Глава 5. ПОИСК ЛЮБВИ: ВОЛЯ К ОДИНОЧЕСТВУ.....	17
Глава 6. ЛЮБОВЬ И АБСУРД: ОДИНОЧЕСТВО САЛЬВАДОРА ДАЛИ.....	20
Глава 7. НЕРАЗДЕЛЕННАЯ ЛЮБОВЬ.....	24
ЧАСТЬ II. НАД БЕЗДНОЙ.....	27
Глава 1. ЗАСТЫВШЕЕ ОДИНОЧЕСТВО.....	28
Глава 2. ТАЙНА АБСОЛЮТНОГО ХОЛОСТЯКА.....	32
Глава 3. ОДИНОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО ХОЛОСТЯКА: НИЦШЕ И ЗАРАТУСТРА.....	36
Глава 4. СТАРАЯ ДЕВА.....	39
Глава 5. СЕКСУАЛЬНЫЙ МАНЬЯК И ЕГО ОДИНОЧЕСТВО.....	43
Глава 6. ВВЕРХ ОТ БЕЗДНЫ.....	47
ЧАСТЬ III. ПОЛДЕНЬ: ИЛЛЮЗИИ РАЗРУШЕНИЯ.....	49
Глава 1. ИЛЛЮЗИЯ ПЕРВАЯ: СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ.....	50
Глава 2. ОДИНОЧЕСТВО И СЕКС.....	53
Глава 3. СЕКСУАЛЬНОЕ И ЭРОТИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО: ТРАГИЗМ ПОЗИЦИИ ВЕЙНИНГЕРА.....	58
Глава 4. ЭРОТИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО И ЭРОТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО: МУЖЧИНА ПРОТИВ ЖЕНЩИНЫ.....	63
Глава 5. ИЛЛЮЗИЯ ВТОРАЯ: ПРОСТИТУЦИЯ.....	68
Глава 6. УГЛУБЛЕНИЕ ИЛЛЮЗИИ: СВАДЬБА И БРАК.....	71
Глава 7. СУПРУЖЕСКАЯ ИЗМЕНА.....	75
Глава 8. ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ.....	79
Глава 9. ИЛЛЮЗИЯ ПОСЛЕДНЯЯ: ВЛАСТЬ.....	81
Глава 10. ОБРАЗ ЛЕНИНА: ОДИНОЧЕСТВО ПРОТИВОБОГА.....	86
Глава 11. ОДИНОЧЕСТВО ВЕЛИКОГО КУЛЬТУРИСТА: АРНОЛЬД ШВАРЦЕНЕГГЕР.....	95
ЧАСТЬ IV. ДЫХАНИЕ ВЕЧЕРА: ДЕТИ.....	101
Глава 1. ОДИНОЧЕСТВО И ДЕТИ.....	102
Глава 2. СТРАННЫЙ РЕБЕНОК.....	106
Глава 3. МАТЬ-ОДИНОЧКА И ОДИНОКАЯ МАТЬ.....	108
Глава 4. ОДИНОЧЕСТВО СТРАННОЙ МАТЕРИ.....	109
220	
Оглавление	
Глава 5. ОДИНОКИЙ ОТЕЦ.....	111
Глава 6. ПОКИНУТЫЕ РОДИТЕЛИ.....	112
ЧАСТЬ V. ЗАКАТ ОДИНОЧЕСТВА.....	115
Глава 1. СТАРЕЮЩАЯ ЖЕНЩИНА И СТАРЕЮЩИЙ МУЖЧИНА.....	116
Глава 2. СТАРОСТЬ-ВЗРОСЛОСТЬ: ОБНОВЛЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ИСХОД.....	117

Глава 3. СТАРОСТЬ-МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ-ДЕТСТВО.....	119
ЧАСТЬ VI. ПРИХОД НОЧИ: ОДИНОЧЕСТВО И СМЕРТЬ.....	122
Глава 1. ОДИНОЧЕСТВО КАК СИРОТСТВО.....	123
Глава 2. ВДОВЕЦ И ВДОВА.....	124
Глава 3. ОДИНОЧЕСТВО И САМОУБИЙСТВО.....	125
ЧАСТЬ VII. НОВЫЙ ДЕНЬ: ПО ТУ СТОРОНУ ОДИНОЧЕСТВА.....	127
Глава 1. СВЯТОЙ, ГЕРОЙ И ГЕНИЙ.....	128
Глава 2. ГЕНИЙ И ЕГО МУЗА.....	130
Глава 3. СВОБОДА-ОДИНОЧЕСТВО И СВОБОДА-ЛЮБОВЬ.....	132
Книга 2 ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ <i>тайна одиночества и совместимости мужчины и женщины</i>	
ОТ АВТОРА.....	136
Проникновение 1. РАЗЛИЧИЕ ТОСКИ И СКУКИ.....	137
1. Тоска и скука над безднами времени и Вечности.....	138
2. Могут ли быть люди тоски и люди скуки?.....	140
3. Психософский способ проникновения.....	142
Проникновение 2. ТОСКА И СКУКА: ПРИЗРАКИ СВОБОДЫ И ОДИНОЧЕСТВА?.....	144
1. Тоска, скука и свобода.....	145
2. Маски одиночества.....	146
3. Скучный и скучающий, тоскливый и тоскующий.....	146
4. Смех человека тоски и человека скуки.....	149
5. Поцелуй ревности: страдание бесполое и сексуальное.....	149
6. Инструменты тоски и инструменты скуки.....	150
7. Вытеснение и возвышение тоски и скуки.....	152
Проникновение 3. ОДИНОЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА ТОСКИ.....	155
1. Человек тоски как разрушитель обыденности.....	156
2. Человек тоски как странный человек.....	158
221	
<i>Оглавление</i>	
3. Мужчина тоски: стремление за горизонт.....	159
4. Женщина тоски: Гетера и Муза.....	164
Проникновение 4. ОДИНОЧЕСТВО ЧЕЛОВЕКА СКУКИ.....	168
1. Человек скуки в пустыне и лесу своего бытия.....	169
2. Вызов мужчины скуки: Обыватель, Хозяин, Властелин.....	170
3. Демонический Властелин.....	177
4. Женщина скуки и ее власть: Самка и Проститутка.....	178
Проникновение 5. ВОЙНА ЛЮДЕЙ ТОСКИ И ЛЮДЕЙ СКУКИ.....	184
1. Человек тоски и человек скуки в роде, цивилизации и культуре.....	185
2. Познание и творчество от тоски и от скуки.....	186
3. Сексуальная война. Сражение первое: мужчина тоски и женщина скуки.....	188
4. Сражение второе: женщина тоски и мужчина скуки.....	190
5. Война мужчин и война женщин.....	192
6. Гомосексуальная война.....	195
7. Движение из пространства войны людей тоски и людей скуки: сверхчеловеческое и метачеловеческое.....	197
Проникновение 6. ПОПЫТКИ БЕГСТВА.....	199
1. Суета.....	200
2. Алкоголь.....	200
3. Наркотики.....	201
4. Путешествия.....	203
5. Обновление и извращение секса.....	204
6. Лабиринты самоубийства.....	206

**Проникновение 7. ЧЕЛОВЕК ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТОСКИ И
СКУКИ: ЛЮБОВЬ.....208**

1. Тоска и скука перед бездной любви.....	209
2. Любовь как Прощение.....	210
3. Ступени любви.....	212
4. Сверхбиологическая и сверхчеловеческая сексуальность и эротика.....	213
5. Метачеловеческая сексуальность и эротика.....	215
6. Возвышение ревности.....	217
7. Личностная любовь: сексуальное, эротическое, божественное.....	217

**222
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ**

Серия «Проблема Человека» (Выпуск 1)

Назип Виленович Хамитов **ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА**

Текст приводится в редакции автора В оформлении шмуцтитлов использованы рисунки автора

Корректор *М.Ю.Бродская* Оригинал-макет *О.В.Гашенко*

Подписано в печать 13.10.2000. Формат 84x108'/зг- Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,57.

Тираж 5000 экз. Заказ № 925.

Издательство «Ника-Центр». 01021, Киев, ул. Институтская, 25. Свидетельство № 2004S256 от 25.03.96.

Институт общегуманитарных исследований 121471, Москва, Можайское шоссе, д. 28.

Лицензия на издательскую деятельность Код 221 Серия ИД № 02443 от 24.07.2000.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПК «Лениздат»

(типография им. Володарского) Министерства РФ по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Хамитов Н.

X18 Философия и психология пола.— К.: Ника-Центр, 2001.— 224 с.— (Серия «Проблема Человека»; Вып. 1).

ISBN 5-88230-101-7

ISBN 966-521-053-X

Исследование известного философа и психоаналитика Н.Хамнтова «ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛА» открывается двумя книгами - «ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ И МУЖСКОЕ» (дополненное и переработанное издание) и «ЛЮДИ ТОСКИ И ЛЮДИ СКУКИ».

Темы, затронутые в первой книге, заинтересуют самый широкий круг читателей: тайна абсолютного холостяка, одиночество вдвоем, сексуальное и эротическое одиночество, одиночество и проституция, одиночество сексуального маньяка, одиночество покинутых родителей...

Вторая книга посвящена разгадке тайны одиночества и совместимости мужчины и женщины.

Автор предлагает оригинальное решение проблемы, выделяя людей тоски и людей скуки.

Проникая в глубины их психологии, он прогнозирует отношения между ними.

ББК 88,5